

НАДЕЖДА ПЕТРАКОВСКАЯ

ПРОЩАЙ,
СКОПОПЕНДРА!

Из всех школьных предметов (не входящих в программу) — самый скучный и непредсказуемый учебник — это марафон его жизни, первые стадии которой Данька Кузнецов протрюхал на инвалидной коляске. Можно не объяснять, о чем он мечтает (это его секрет...да-да). Но автор предаст своего героя: все расскажет, покажет — и даже заберется со своей клавиатурой в нежную душу. А потом оттолкнет этого Даньку — и развернет его кресло: ступай! Вон там твое море, вот здесь — твое солнце... Хотел чуда, щенок? Будет тебе чудо. Только держись за свою колыхагу покрепче. Даром не получится...

Надежда Петраковская

Прощай, Сколопендра!

*ДОМЕН заменит вам дом,
Браузер — родного брата,
Лайки — домашних собак,
Репост — панихиду по другу,
Комменты — те самые камни,
Что побивали неверных...*

(пляжный рэп на исходе полуночи)

10. В каждом доме есть свой...

ЛЮ-Ю-ДИ!..

Никогда не верьте, что семья — это святое, а старшая сестра-лучший друг младшего брата... У такого брата, как я — лучший друг всегда рядом. (Достаточно взглянуть в темную прорву окна). И зеркала не нужны... Вот сестрица на них помешана, да. Сейчас у нее аж два кавалера — и она, как и положено *наивной барышне*, мечется в густом лесу из двух сосен... И чем ей нравится глухой (она утверждает: слабослышащий!) артист Андрюша, за которым, кстати, уже повсюду шлепает выводок поклонниц?..

Но что это за девушка, у которой один дыхатель? Насмешка, право.

Значит, есть у Машки и еще один, на запасной лавочке. Зал, конечно, не порвет и учится на работягу, комнатешку снимает, талантов — ноль. Может потому, что не инвалид вовсе. А то бы Седая Дама быстренько спроворила ему какое-никакое «призвание», ну — или там «дело по душе». Стал бы он играть в театре «Волшебный Очаг», как Андрюша. Или, на худой случай, «преодолевать себя в спорте», как мы с Лехой.

Но у Петьки, как назло, все в порядке: и со слухом и с ногами. Нет у него одного: шансов обаять Машку. Из движимого имущества — допотопный «Урал», правда — с коляской, да еще пес-дедушка, пострадавший от этого самого «Урала». Петька утверждает, что это огромное мохнатое чудище-прирожденный водолаз. И дрессирует его, перессорившись на Набережной со всеми спасателями. Лето кончается, самая страда для кавалеров любого калибра... Топчется по вечерам на площадке, поглядывая на два наших окна, и вызывая заметное сочувствие у местного «педсовета»: угнездившихся под старой липой бабулек.

Но Машка его все-равно игнорирует. Машке нравится Андрэ: кудрявый благовоспитанный юноша. Он обращается к ней на «вы»... Будь я девушкой (и, к тому же — первой школьной красавицей), я бы то же не устоял — особенно, когда тебя называют Мари и несут всякую забубенную чушь...

Впервые мы встретились с Андрюшей этой зимой на благотворительном концерте в театре «Волшебный Очаг». Я туда прилетел на своей «ракете (коляска с электроприводом), а Машка с подругой Катькой притопали на своих.

В числе «особенных детей» («Очаг» им давал возможность выйти в артисты), был и этот краснощекий, чуть полноватый пацан, который уже прекрасно кланялся. Поглядывая на Седую Даму (опекавшую всех «особенных» в нашем городе), ведущая проникновенно шептала в микрофон о тяжелой судьбе нового участника.

...Раньше Андрюша жил в Алуште: там и начал распеваться, входить в дружную актерскую семью. Однажды — в глухую январскую ночь (это он так с репетиции возвращался), Андрюша своим чудным слухом словил «зов о помощи». Не мешкая, юноша в три прыжка достиг перекрестка, где его уже терпеливо дожидались барышня, хулиган и слава.

Барышня, (вы удивитесь!) — была «маленькая и хрупкая», хулиган, само собой — еще тот маньяк, а *ненужная ему вовсе* слава пришла к Андрюше позже, когда он стал катастрофически терять слух (последствия зимнего нападения).

— Мы специально приехали в Евпаторию, — перебивала уже мамка, оттесняя ведущую за кулисы. — Здесь у вас — театр, здесь у вас — бассейн. Мы долго выбирали: спорт или

искусство!..

(На всякий случай, она поедом ела гостевую ложу, где зевало начальство).

Потом открыли занавес наша непотопляемая ведущая выплыла с другой стороны. Она попросила зал сидеть «тихо-тихо»: мальчик плохо слышит аккомпанемент!..

В охотничьем кафтане и в тирольской шляпе пробирался по сцене Андрюша, имитируя схватку с дремучим лесом: шарахался, закрывал лицо руками, в отчаянии подгробал к себе плечи, продираясь сквозь бурелом... Песня называлась «АУ!».

Он так и повторял на разные лады: «АУ!..» или «Ау, ау, ау...». Или — еще: «А — У — У — у — у...». Вот как. Я тогда подумал: может, ему лучше в водное поло, а??

— Тебе понравилось, царь Даниил? (Одно из моих домашних прозвищ: (кстати — самое приличное.)

Мы возвращались домой. Был канун Рождества: вдруг пошел снег. А молодой снег — нахальный, прилипчивый, хотел «ехать» с нами, наматываясь на колеса.

— Тебе понравилось? — Меня даже в плечо толкнули по-свойски, по-домашнему. Значит — Машка и Катька будут всю дорогу молчать, ну, может, хихикать. Подавились восторгом еще в театре.

С Приморской улицы есть небольшой подъем в нашу сторону. Здесь, выше «Музея Пиратов», Машка не выдержала и заорала мне в ухо:

— Я — спросила: понравилось тебе? Я тебя не слышу!..

— Тогда тебе пора на сцену, — брякнул я.

— Катись, «неблагодарное потомство»! (Любимая фраза нашего Родителя № 2.) — И на бросила меня на полпути. (А если б я был ходячим, я бы вообще получил пинок в зад).

Но у меня дисконт. Пожизненный...

Вот так Андрюша (простите — Андрэ) и *поселился* в нашем доме. Катька его притащила — и, в благодарность, стала Кэтрин. Кумир приходил по субботам — и еще в коридоре что-то поправлял в ухе (должно быть, слуховой аппарат).

Что-то у него всегда выпадало из карманов. Ключ от пиратского сундука (забыл сдать в бутафорию), пистоль белогвардейского офицера («Опять пропал!»); нежный платочек с вензелем «Д» (убьют в костюмерной!). Один раз — даже череп вывалился: мелкий, по моему собачий... Вот когда Андрюша задрожал (почти натурально), схватился за то место на груди, что символизирует скорбь в немых фильмах — и рухнул без сил, закатив глаза.

Я засек усмешку в глазах сестрицы. Но Кэтрин — схавала:

— Андрэ... О! Вы репетируете, да? Я никому не скажу! Я знаю, что такое классика.

Артист глянул тоскливо и утомленно (как раскрытый агент).

— Переводим Шекспира в детский формат. — Он подождал, чтобы Кэтрин усвоила. — Начальная ступень освоения европейского наследия!..

Кэтрин испуганно мигала.

Андрэ облокотился правой рукой на спинку стула, а левой — небрежно поднес черепок на линию взгляда. Он горько усмехнулся (надо полагать — несовершенству мира).

И тут я не выдержал. Я впал в одну из домашних ипостасей: Злобного Маленького Циника:

— Поздравляю... Роль Второго Могильщика — это гораздо лучше, чем роль Первого Могильщика!

Машка загадочно смотрела в потолок. А Кэтрин на глазах превращалась в Катьку.

Я развернул свою колымагу (а также «клячу», «лошадку» или «поняшку» — в общем,

домашнюю механическую «скотину»). — Репетиция — дело святое, — пробормотал я уже в дверях старческим голосом заслуженного мэтра. — Оставайтесь, голуби. — А сам бойко затарахтел в свое личное убежище. И даже — заперся! Хотя ни «таланты», ни «поклонники» мстить так и не пришли.

Засыпая, я подумал, что пора познакомить нашего назойливого гостя с Филимоном.

Друг мой старый Филимон

Лю-ю-ди, а как вы с ума сходите?..

Вот как у меня: однажды ночью прибыли ОНИ, тамтамы. И стали изгаляться. «Там!», пауза, «там-там», опять пауза, а потом тихий серьезный голос с шершавой интонацией (будто ящерица в песках!): «Хай-Тоба, Хай-Тоба: МЫ ИДЕМ!»

Уже это баловство — третью неделю! Кстати: с каждым «добрым утром» ОНИ все ближе и ближе: надо полагать, «ящерка» уже пересекла пустыню. И, судя по кряхтению, осваивает наши предгорья.

Вся эта тягомота снится в самое неподходящее время (служивые люди говорят: между волком и собакой). Не улыбайтесь: я жив-здоров и «головкой не скорбею». СКОРБЕЮ я совсем другим: и этой скорби порядком уже дюжина лет. Неполная дюжина: через десять дней я вхожу в уголовно-наказуемый возраст. Я сразу стану гражданин: получу паспорт, права на специальный транспорт (с ручным управлением) и, самое главное, законную возможность огрызаться, когда лезут в мою личную жизнь.

Только не подумайте, что я — сирота, брошенная на ветер (и меня третирует старшая сестра...). У меня есть мама и папа, вернее — мать и отец, а еще строже и понятнее — Родитель № 1 и Родитель № 2. Я же не папуас какой, а вполне себе европейский тинейджер. (Так утверждает запасной Родитель № 3, наш славный опекун дядя Жора.)

Старшие нашей семьи перманентно бывают дома. А так — зарабатывают денежку в жарких странах. Вот и сейчас: они там, где — прежде, чем опустить ногу на глиняный пол, нужно хорошо оглядеться: всякая *живность* может быть...

А пока мы все встречаемся в «кино», то есть на экране монитора. Прелесть эта скоро закончится, потому что двадцать четвертого августа наша невыносимо дружная семья торжественно (хоть и ненадолго) воссоединится в честь моего маленького юбилея. С ужасом жду.

Лю-ю-ди, вы понимаете, что нужно человеку, которому скоро стукнет четырнадцать?

Только не городите мне про здоровье (можете мое забрать!), и не верещите про «хороших друзей» (мне и Филимона хватит, если что); не заикайтесь о «призвании», «цели» — и тому подобной ахинее: у меня целый склад подобного барахла (Родитель № 1 постаралась, понатыкав везде стикеры-мотиваторы.)

Прежде всего, человеку нужен дом. Пусть даже одна комната, согласен (вон Петька Черноухов, который живет над нами, снимает у бабы Ули — и ничего...). Своя комната, свое окно; свой вид за этим окном. Свой стол. Свой диван. Свой гардероб — пусть это даже наша огромная трехстворчатая дура, которую мне приходится делить с Филимоном.

Главное, чтоб это все было только МОИМ и — никакой Машки! Только представить, как она трещит здесь с утра до вечера со своей Кэтрин... Но приходится мириться: по пятницам у нас виртуальные свидания с предками. И где накрывается парадный стол?

А теперь представьте, что это ритуальное действие происходит в реале!.. «Утопись!», как говорит Леха.

Приезжают они раз в год — и занимают Машкину комнату. А куды — «дитя»?.. А дитя — ко мне, в «детскую». Хороша «детская»: одной кобыле — семнадцать, а другому бугаю —

паспорт получать. Смех один...

И на кухне — не разбежишься. И чуланчика нет. И балкон — первому этажу не полагается. Ну вот скажите: чего им не сидится там, в своих тропиках? Один перелет чего стоит!.. Сидели бы там в джунглях да зарабатывали без передыху (да не на обмен с расширением, а на СВОЮ СОБСТВЕННУЮ КВАРТИРУ). Нам и с Машкой и здесь неплохо не плохо.

Мать у нас — «потрясающая» (это Седая Дама мне уши проела). В редкие приезды (когда она за шкуру вытаскивает семью *погулять*), с ней бежит здороваться полгорода. А потом еще отходят, счастливы встречей, и оглядываются, ручками машут, на айфоны снимают... «Сама Гренадер с семьей на фоне роддома!».

Вот оно — счастье.

Папа (когда он был еще ПАПОЙ) сказал однажды (ну — это когда поздние гости ушли, а дяде Жоре «постелили» на кухне)), что Гренадер — вовсе не его «эстетический идеал». Впервые он ее встретил в морге (зашибись, как романтично!). Его, тогда молодого хирурга, попросили «подучиться» у часто *болевшего* патологоанатома». Все были семейные, сынок...». Вот он и *подучился*. Освоился. Даже понравилось: он был независим, имел кабинет. (Вот тут я его понимаю.)

У какого интерна отдельный кабинет? А он в нем сидел и чай пил, между походами в секционку. А еще он отпустил бородку. И как-то совсем оборзел: пошел на танцы в Клуб Медработников. И стоял там, как дурак. Медсестрички пырסקали от него. «Морг, господа, не дамский салон...» Сразу и не отмоешься! Он дожил до *белого танца* (вальс Грибоедова: что эти предки себе позволяли?) — и ждал, ждал... А они, эти накрашенные медички, все бегали и бегали подальше от него. В ту роковую ночь он вернулся с развлечений не в общагу, а к тем, кто никогда не обидит, да-да, к своим покойникам. Он перещеголял даже своего «учителя»: «съел» весь положенный для охраны его здоровья спирт — и утром, ничего не соображая, двинулся навстречу своей судьбе.

Давно и упорно стучали в дверь. Словно мертвецы ломались...

— Дверь там, сынок, низенькая: сам голову нагибал. Еле открыл, да... А тут, представь себе, АНГЕЛ небесный, уже в фате. И голос — откуда-то сверху. Даже не голос, а — *глас*: «Где вы, я вас не вижу-у!»

Еще б она меня видела!

Я сам в ее грудь уперся. В смысле — в бюст. Да, тут бюст больше подходит... Сам то я — еще вчерашний по состоянию души и тела, а тут — заиграла музыка!.. Ну кому, глядя на Гренадера, придет в голову мысль, что у нее «в рингтонах» — вальс того самого Грибоедова, а?.. Тогда еще мобильные телефоны стоили ужасно дорого: я, например, купить не мог.

Но я не растерялся. Нет, я быстро посунул руку туда, где, по моим профессиональным понятиям, была ее талия. Еще я успел сказать: — С удовольствием, мадам!

И мы *закружились* в танце. Она только слегка обиделась за «мадам», а так все было вполне пристойно. Это было «прекрасное мгновенье», сынок!

Оказалось, что это — новенькая сестра-акушерка. Что она одна привезла на каталке жертву домашнего аборта, которую всю ночь спасали... Потом-то я ее разглядел, твою мамочку. Здоровался, как честный человек. Но, в отличие от меня, Судьба всегда режет по живому. Все решил пожар...

Тут старик мой замолчал, а я умоляюще глядел на него: ну папа, ну — пожалуйста: *мужской разговор!* И он повелся.

— Горела общага, сынок, горела общага... Как в таких случаях? Кто кричит, кто стучит, кто уже лезет на подоконник, да... Мы двое: я и Жорка-терапевт. Зима; окна забиты намертво, плаваем в дыму. Дверь уже в комнату выдувается... Жорка в простыню закутался, графин на себя опрокинул — и под кровать. А я обмотал руку полотенцем — и дергал подлую дверь. Выбить ее можно было только снаружи. Вот так он и случилось.

Дверь выбили, а меня схватили. Меня вынесли, как добычу — насмерть передавив грудную клетку. И бросили на холодный асфальт. И тут я сделал последнюю попытку перемудрить Судьбу!

Я закричал: — Филимон! Филимо-он! — Закричал я.

— Где Филимон? — Рывкнули над ухом по-солдатски. Или по-гренадерски, это кому как.

— У окошка слева — Филимон. Это все, что у меня есть.

Папа вздохнул (непростая эта штука — молодость.)

— До сих пор не пойму, почему я тогда вцепился в давно окостеневшего Филимона! Ведь под кроватью задыхался живой полнокровный коллега... Но в панике мы — бессмертны! Да будет вам доподлинно известно, юноша, никто не верит в смерть — до последней секундочки! А вот о спасении имущества — заботятся.

— Мамка вынесла Филимона? — Я был просто в восхищении. — А Жорку, то есть дядк Георгия, кто спасал?

— Ему не повезло, — сообщил отец загробным голосом. — Пожарные вытащили. А мне... Мне пришлось расплачиваться. За ее мужество, за спасенный экспонат... За все, сынок. — И он подвинул к себе что-то недопитое.

Ну все! Пора сваливать: пьяные отцы — это скучно.

Так и прижился у нас бравый скелет. Папашке он напоминал святые годы учебы, мамуле — ее нежданное счастье. Прописали Филю в большом трехстворчатом шкафу (подарок деревенской родни со стороны матери); справили ему гардероб и, под каждый костюмчик, отдельную биографию. Сначала в ход шел только старый морской китель в компании с бескозыркой: потом уже Филимоша стал щеголем.

По негласному договору все новые друзья дома *знакомились* с нашим верным соседом Филей. Всякое, конечно, случалось... Особенно вечером, когда мы с Машкой выключали свет и просили нового гостя «выпустить котенка из шкафа». А тут еще Дядя Жора достал нам фосфору, вообще — финиш! Машка только успевала сигать за кавалерами в окно: собирать трофеи. Зато головных уборов у Филимона — шляпный секонд-хенд можно открыть.

Знаю, что вы подумали: и дети — полоумные и «куда родители смотрят»?..

А как вам это: перед очередной «Африкой» «решил Родитель № 2 устроить прощальный «сударик» с коллегами (солидные — все, на «мальчишник» пороку уже не хватает). Я, как и положено, ютился у Машки, в «детской»: моя комната была попросту оккупирована.

В разгар торжества (уже пели песни прошлого века: про «компас», «надежду»...) вдруг решили пригласить к столу и нас: «племя младое». И что мы узрели?.. Да Фильку при полном параде: белоснежный халатик (залитый кетчупом: Филя — ел?..), стетоскоп и вполне себе докторский колпачек, съехавший на одну глазницу. Челюсть раскинута «как море широко»: то же — певец!

На следующий день я уже въезжал в свои законные владения.

А вот Филя возвращался в свой шкаф без радости: то падал на меня, обнимаясь, то

отстраненно погромыхивал костями... Сидя — такую машину не быстро пристроишь!
А Машка, как назло, застряла у подруги.

Петька и его собака

Больше всех возмущалась баба Уля, квартирная хозяйка Петьки: «В доме — детки, а лифт — один! Выйдут детки, а тут — здрасте! Квартирант завел собаку...Мотоцикла ему мало!»

— Хоть бы щеночек был, ладно! А тут: большая, черная, лохматая — гоцает по хате что твой страус. И — седой, паразит. А голодный — пожизненно: утром оладьи жарила, так сел у порожка — и без взятки не выпустил!

Общество под липой дружно всплескивало руками — и поплотней усаживалось на лавочке: все ждали «Баскервиля», как определила Мелания Сидоровна, самая культурная женщина нашего подъезда.

Пока дом страдал, Петька занялся дрессировкой. Установил бревно на детской площадке и нещадно гонял своего «пенсионера» по азам сторожевой и караульной. Особенно он старался, когда через площадку бочком пробирался Андрюша. Или из своей бесконечной машины вываливался его новый сосед, взявший в аренду почти весь второй этаж (кроме квартирки бабы Ули). Все его называли ББГ (Большой Белый Господин) и был он каким-то крупным постановщиком — одним из тех, которых город приглашал для проведения ежегодного карнавала.

ББГ любил встречать в споры. Вот и сейчас: перед самым входом в подъезд, затормозил. Огромный, в белой футболке с длинными рукавами, он словно вырастал на фоне окна — и подавался головой куда-то ввысь. А бедный Андрюшка и вовсе за ним пропал. Стал тенью на асфальте. Тогда я высунулся из окна — и увидел всего нового жильца. Вкруг его головы реял бронзовый ежик. Пижон. Он говорил, глядя сверху на лохматое Петькино приобретение:

— Какой ризеншнауцер, какой эрдель — прости господи, — терьер!? Дворняга бестолковая. И имя ему — Бобик!

Но вот здесь он ошибся. Я сам накануне подслушал...(Ничего плохого в этом не вижу: если есть распахнутые окна, будут и распахнутые души.)

(Кстати, стихов не пишу, не цепляйтесь.)

Так вот, Машка возлежала на моем шикарном подоконнике, а Черноухов учил собаку приносить газету. Поставил в центре двора, у самых качелей, нашу умную Меланию Сидоровну, а сам прятался за лавкой. По его сигналу старушка доставала из сумки газету и, подражая письмоноше Зине, тоненьким голоском приказывала растерянной собачьей морде: «Ну, че уставился? Бери прессу — и вперед! К хозяину бегом, чучело морское...».

И он принес! Принес эту газету...Машке! Она перегнулась — и забрала ее. Оба они равнодушны к моей сестре: Петька и его собака.

Вечером он опять слонялся возле наших окон. Машка мечтательно глядела на закат: только что проводила Андрэ и ждала Катьку, чтобы посплетничать вдоволь.

— Не нравится мне ваша компания, — бубнил за стеной Черноухов. — Театр — это обман. Давай лучше возьмем пацана — и съездим в Заозерное, к маяку. Там тихо: все курортники на городских пляжах.

Машка раздражена (я чую это по голосу).

— Запомните, Петр. Во-первых, никакого Заозерного; во-вторых, с чего вы взяли, что его надо хватать и куда-то везти? Он — не на каталке, а на вполне себе приличном транспортном средстве с электромоторчиком. Хотя предпочитает механическую тягу...Но

это — для развития рук. Он же пловец. Руки для него — все! И потом...

(Ага! Вот что ее действительно беспокоит...)

— Если театр — обман, то почему вы туда ходите?

— А я и не хожу! — Взбрыкивает Петька (ну не тянет он на солидного *Петра*). —

А Машку — несет:

— Обман со сцены — РОДНЕЕ, чем такой же с экрана?.. (И вдруг: глупым Катькиным голосом.) — Живой актер, живая сцена...Магия пустого зала. Ах!.. И руку пожать кумиру, да? Он — в рыцарских доспехах, прекрасный как Аполлон...Завтра он принесет мне цветы в костюме символа года...

— В «собачьем», что ли? — Оживляется Черноухов.

— Мама Андрея — костюмер в «Волшебном Очаге». А что касемо собаки, так его лучшая роль, с вашего позволения, именно собака. Артемон, если вам это что-то говорит.

— А этот — Аполлон?

— А этот Аполлон — концертный номер. Всего лишь. «Ты — изо льда, моя Изольда! А я — твой преданный...». В общем — это вам не интересно.

— Цветы притащит в зубах. Понял.

...Но обманывали не только его (я заметил, что это — ужасно заразительная вещь.)

Была как раз пятница в тот вечер — и мы нежно *обнимались* с родителями по видеозвонку. Половина из нас была счастлива. Они что-то там радостно тарыхтели, а я все глядел на нездешнее солнце, нездешние облака (плывущие к далекой полузаснеженной горе), а еще — на смуглых людей, которые стояли за плетеным заборчиком — и чему-то радовались, хлопая в ладоши. И я мучительно хотел — ТУДА, к ним, ко всем сразу.

...Однажды, во время внезапной краткосрочной побывки, Дрон Большое Ухо (еще из моих прозвищ) подслушал замечательную родительскую беседу.

— Мы сейчас в спокойной африканской стране, — настаивала мать вполголоса. — Мы бы могли забрать Даньку. Он бы так и учился дистанционно, а плавать мы бы возили его на океан. За девочкой приглядывали бы Миллеры: все-равно она там пасется...

Они думали, что я давно заснул в этой чертовой коляске.

А я — не заснул. Я сразу представил СВОЮ Африку — и жгучую, *долюбовного томления*, жизнь. Настоящую жизнь: со всеми этими попугаями, бегемотами, орущими макаками. Ранчо на утренней заре — и целый табун, из которого я выберу себе жеребенка (уже проходил иппотерапию: это гораздо круче, чем плавание).

Я все это представил — и взвыл! Я ревел внутри себя. Потому что никто и никуда меня не возьмет.

И папа (вернее: Родитель№ 2) сказал:

— Мы сейчас хорошо укладываемся в кондиции. За ребенка — дополнительная плата. Зачем нам лишний расход?..Мы решили собирать деньги — или их тратить? Одна поездка к океану обойдется...

И я заткнул уши. Все остается прежним: «поняшка» — и прикрепленная к ней сестра (для ухода и кормления). Не будет мне Африки, ничего не будет...Сгиньте, ранчо и макаки. Прочь с моих глаз, бестолковая черная прислуга. Ноги же есть — ступайте куда-нибудь. Я не просто сын Лучших в Мире Родителей (об этом зудит Седая Дама); я — и сам лучший в мире Источник Экономии. Надеюсь, эти трудолюбивые люди купят вскоре искомую квартиру с большими потолками. И — подальше от нас.

Я знаю, о чем вы сейчас вздыхаете, ЛЮ-Ю-ДИ! Что я — злой, завистливый

неблагодарный. И у меня нет к ним жалости.

Вы правы. Нет.

Я ее УТОПИЛ.

Победитель местных дур: Леха Брасович Шампур

Однажды (это было еще до моей «спортивной карьеры») Седая Дама загнала меня в Уютный Переулок (на ее «супер-ракете» — это запросто: такие делают в Швейцарии и только по заказу). Седая Дама, значит, затиснула меня в этот Уютный, и я на своей тарихтелке никуда не скрылся. Да и не пытался, в общем.

Она подъехала на меня (да, да — «на меня», а не «ко мне») и так сдавила руку, что я понял сразу: слухи о том, что она в юности повредила спину на брусьях, будучи гимнасткой — это всего лишь слухи!.. Она точно занималась самым свирепым самбо.

А дальше она погнала волну: «Как это здорово — заниматься спортом!»

ЛЮ-Ю-ДИ, и вы ей верите?

Но в доме у нас мгновенно завелись журналы с качками и — сопутствующие им, пересуды о рекордах. Седая Дама не уставала в своих происках; она доставала всех — и однажды я с удивлением увидел себя уже сидящим на бортике нашего паралимпийского бассейна.

Долго ждали тренера. Пришел хмурый, малоразговорчивый дядька с лошадиной мордой. — Сан Саныч, — буркнул он, примащиваясь рядом. — Савраскин.

Потом он накричал на мою мать («Что вы топчетесь? Выход — там!»).

Потом сунул мне в руки какую-то безобразную тяжелую харю (с табличкой на шее), после чего ...просто СТЯХНУЛ меня в воду.

Вот что он думал? Что я задержуюсь, нахлебаюсь, позову маму-Гренадера, наконец?..

А я — мальчик, живущий у моря.

Я паучком (в раскоряку) опустился на дно и уже здесь рассмотрел толком выданную мне образину. Это оказалась жаба из литой резины; и имя ей было «ЖАЛОСТЬ».

Потом я оглядел всю подводную коллекцию. «УПОРСТВО» — бобр еще тот «СМЕЛОСТЬ» — вся Евпатория в этих таксах! — и дядю Крота с неизбежной лопатой символизирующей ежедневный труд.

Взять я мог что-то одно. И я взял: кусок отвалившейся кафельной плитки.

— Ну ты и фрукт! — Сказал тренер, обзрев трофей. — Сколько тебе лет, засранцу?

Я понял, что церемониться он со мной не будет. Оно и к лучшему.

— Десять, — сказал я. — И я — не засранец! Показать?..

Когда мы возвращались домой, мама несколько нервно спросила:

— Ну, как тренер? Хорош?

— Зверь! — ответил я. — Конечно, хороший.

ЛЮ-Ю-ДИ, вы знаете, что такое бассейн ранним утром?

Когда дежурные тетеньки сладко дремлют, баюкая вязанье, а над огромной чашей воды незримо колышется воздух.

Вы скажете: очнись, мальчик. У тебя — море под боком.

Есть. А почему вы сами не загораете на этом пляже? Ну, где «особенные дети»?

Вот я — поменьше еще... Мать тащит меня к воде, как плененного крокодила. Даже борозда остается: от двух беспомощных пяток.

Папа при этом, заложив руки за спину, внимательно изучает «Правила поведения на воде»: он их видит впервые: каждый день.

Машка с Катькой вообще ничего не изображают. Уходят на соседний пляж.

То ли дело бассейн: причем именно НАШ.

Когда тут все СВОИ.

Я числюсь полуздоровым (ноги — не в счет). И лесенка ни к чему. Просто — бултых в воду.!

Главное — шапочку не забыть. К примеру: в нашей группе — они все желтые, а, скажем, у незрячих, — красные. Для тренеров и инструкторов — очень удобно. Седая Дама расстаралась...И то: на брусья с ее диагнозом не возвращаются. А плаванье многих бедолаг пригрело. Сам слышал, что она до сих пор «ветеранит», (в смысле — принимает участие в ветеранских заплывах.)В тот день, когда я решил бросить бассейн, она даже *Европу* взяла.

Опять звонил тренер: на домашний телефон.

Голос у Савраски — напряженный и вкрадчивый, как у военкома, поймавшего дезертира.

— Сачкуешь?

Да, я сачкую. И дальше собираюсь.

— Что молчишь? Обошел тебя Брасович?

Ах, ну да. Леха Шампур меня «обошел». Это Леха-то?

...Он всегда был вторым. Но теперь у него — путевка на краевые гонки. А я, как уверен Савраска, буду «хлебать чужую волну». Жесткий мужик. Чудо, а не тренер.

Сан Саныч бурчит свое:

— Восемь тренировок!. Ребята интересуются.

Ага, нужен я ребятам: мы тут все — на порядок «злее», чем эти хваленые здоровые спортсмены. Для них проигрыш — только накачка от тренера. У нас же — еще одна упущенная возможность. Возможность увидеть (или услышать: для кого как) — хоть краешек нового мира; пусть для начала это — старая избитая мостовая соседнего города, по которой молодым нетерпеливым ногам пробежать — раз плюнуть!

А мы, притороченные к своим «телегам» и «ракетам», мы познаем новые земли, как раньше флибустьеры — чужие острова!.. Это волнующее до икоты дрожание в кончиках пальцев — и совершенно дикая мысль: вот сейчас, сейчас — за тем поворотом! Случится нечто неизвестное, но — прекрасно ожидаемое.

...Что он там все ворчит в эту свою трубку? Ага, вот.

— Так ты придешь?

(Если бы я мог ХОДИТЬ, ты бы меня вообще не увидел...)

Я нажимаю на самую прекрасную кнопку в мире.

Прощай, Савраска!

Наверное, в каждом многоэтажном доме есть свой любимый самодур.

У нас это ББГ: Большой Белый Господин. Когда он проходит, кажется — что все вокруг вытягивается во фронт: лампы дежурно вспыхивают, лифт подскакивает, а народ на площадке сбивается в сторону. Туда, где под липой на вечной скамье доживает свой век поколение ПЕНСИ.

С площадки — два выхода: по лестнице (двенадцать ступеней) и — второй (для меня лично) — по пандусу.

Так вот. Когда я выкатываюсь, весь народ аккуратненько сходит по лестнице. Пандус — мой!

Но не таков Белый Господин. Не торопясь, всегда в сопровождении своего телохранителя Буцай, он не спеша шествует по *моему* спуску. Там, внизу, его уже ждет распахнутая дверца автомобиля. Я уже молчу про его цвет... Да вы уже догадались: Большой Белый Лимузин (ББЛ). И ничего удивительного нет в том, что водила у него — черный и блестящий от испарины эфиоп.

Первым делом хозяин сообщил поколению ПЕНСИ, что эфиоп у него — настоящий Совсем дикий. Чтоб не удивлялись... Он его долго искал. И мундирчик заказал и фуражку.

А от обуви этот гном отказался: ну, дикий он, лесной человечище!

И вправду — дикий. Маленький, горбатенький, с острой, опять же горбатенькой мордочкой и круглыми, почти без ресниц, очами. Сразу ринулся к скамье, запрыгнул на ближайший сук и, после короткой схватки, выгнал из дупла липы нашего местного кота Челюскина. Это Челюскина-то! Самого огромного кота Евпатории... Мейн-кун, слышали?

Так и стал там жить, честно. А ББГ ему по утрам еще и гусениц приносил: к вящему ужасу всего «педсовета». И он их ЕЛ.

Как это дитя Африки получило права — тайна. (Говорят, что ББГ купил их вместе с лимузином.)

А у меня начались неприятности. Каждый вечер это чучело ставило свою машину в самом конце спуска, напрочь запирая мне выезд. И каждое утро — тоже. Моя коляска еще не научилась ходить по ступенькам. И утро и вечер превратились в проблему. Я выкатывался к самой бровке и — ждал. Ждал, всматриваясь в левое крайнее окно на втором этаже. Там, в темном треугольнике распахнутых штор, торчал государем в окне Белый Господин. Не спеша пил свой кофе, отдавал своему церберу свои поручения, кидал в дупло свои ключи от машины (и они никогда не летели мимо: водила успевал цапнуть лапкой...).

Если кто-то из жильцов возникал («Безобразие! Мальчик не может спуститься...»), из дома тут же вываливался Буцай и, ухмыляясь, раскачивался на пятках, изумленно пялясь на храбреца.

И самые отважные пробежали мимо: не любят у нас ссориться с богатыми... Но как бы я раньше не вставал, эта чертова машина торчала внизу!. А Господин медленно пил кофе. Да и после кофе никуда не опаздывал: нынче все руководят по телефону. Вот и он туда же.

Поторчав на площадке, я возвращался домой. Дома разрывался телефон.

«Кузнецов!», орал тренер. «У тебя совсем нет самолюбия? Мне подъехать, лузер?»

Ага, подъезжай. Скучно Белому Господину, только и ждет, кого бы унижить.

И я жалел, что дома не раздаются шаги Гренадера... Раньше в дом вела только лестница.

Родительница подхватывала меня, коляску — и в свободную руку что-нибудь купленное для обеда. И тащила все это вверх.

А тут им засветил контракт в джунглях. Папе — хирургом; мамке, само собой, принимать роды. Договорившись с Дядей Жорой (он подрядился опекать нас), проинструктировав почтальонку и соседей, мать все-равно столкнулась с неразрешимой, казалось, проблемой: к дому вели только ступени. А Машка в «гренадеры» не годилась по определению. Весь вопрос уперся в какую-то бумагу...И тогда мамаша бросилась в ножки Седой Даме (она к нам благоволила: называла меня *крестником*). С помощью Седой его и построили: МОЙ ПАНДУС.

Временами я его ненавидел: МОЙ ПАНДУС. Он забрал у меня ПАПУ и МАМУ, а вернул мне РОДИТЕЛЕЙ под номером № 1 и номером № 2.

...Что скрывать — ОНИ были безумно рады, когда сорвались навстречу новым землям, облакам, материкам. Они сами стали детьми: ДЕТЬМИ СВОБОДЫ. «Дети свободы, Даньк: Ты должен понимать...». Это — дядя Жора.

И вот — опять. Воскресенье...Август, жара, город ждет карнавала. А я, как дурак, торчу на площадке. Кричу в душло черному пигмею: «Как там тебя? Отгоняй свое корыто...»

Он кивает, странно (не по-человечьи) раздвинув губы. У него есть начальник. У начальника — ключи. Всем наплевать, что вчера звонил Леха. Он сказал: «Завтра воскресенье: святой день.» Он сказал: «Давай махнем завтра: на набережной уже строят что-то, пляж «Бизон» перекрыт...». Он сказал: «Давай погоняем девчонок, там девчонок — утопись!.. Только я пересяду в твое «турбо, лады?»»

Это мы так гуляем. «Турка «у него старая; как все из этой страны: снаружи — навороченная, но все это бижутерия. Зато — самая дешевая «коляска для спортивных и активных». Поэтому он любит *рассекать* на моей, итальянской, с электроприводом. И я в нашей связке — вроде как «случайно встреченный друг», если он заарканит такую же бойкую наездницу.

Позднее уже утро. Но выезд, как всегда, заперт. Длинный белый лимузин. Черная харя уже в кабине. Иногда он выскакивает (привычно протирая что-то там на капоте) и рассеянные под липой старушки пугливо подбирают ноги. На повестке дня у них всегда злободневный вопрос: он моется, эфиоп, или ему не надо?

Пробегают озабоченные жильцы, поругивая Белого Господина — и шаркают вниз по ступенькам. И кот Челюскин мешается тут же, не решаясь занять душло.

Жара уже подъедает площадку; я все еще кручусь у спуска.

Я так увлекся, что все упустил. А он — уже рядом! Весь в белом, только сандалии коричневые. А что на голове — я не понял. Я туда просто не достал. ОН — возвышался. Воздвигался, встраиваясь в свободное пространство. И еще:

ЛЮ-Ю-ДИ! Заходя на нашу (колясочников) территорию, никогда не складывайте на груди свои руки. От этого вы кажетесь еще выше снизу.

Я поздно спохватился. Он уже вырос надо мной — могучей белой колонной, подпирающей небо. Потом он нагнулся, одним только взглядом засовывая меня еще глубже в коляску. (Хотя — куда еще глубже?)

Он смотрел на меня так, как дядька Мотыль из соседнего дома, которому неожиданно притащили диковину в его коллекцию насекомых.

— Дай лапу, друг! — Доверительно донеслось с высоты. — А я тебе дам косточку. Вкусную косточку, гав?..

Тяжелые его грабли прямо пригвоздили коляску к бетону.

— Чего надо? — Заорал я в его склонившуюся морду. — Иди отсюда!

И сразу загалдели старушки: моя единственная опора. Баба Улька запричитала, что ей мешали спать ночью: сейчас вот она пойдет — и вызовет участкового... А Мелания Сидоровна добавила: «Ступай, ступай, потом нам расскажешь».

— Щеня, ты чо — не понял? — Голова искренне удивилась. — Я же по-хорошему: знакомиться... Граждане! — Вдруг завопил ББГ. — Я же для них (и он указал на меня), все для них стараюсь.

Будут жить, как детки у пчелки... Вы что, на стены не смотрите? Буцай, — засигналил он в окошко. — Тащи агитацию...

Буцай приволок несколько рулонов: на первом плакате оказалась реклама *ЖЕНСКИХ БОЕВ В ГРЯЗИ* (ага, как раз для нашего чопорного «педсовета»!), на другом — еще почище: какие-то разноцветные шары — с игривой внизу надписью: «Хочешь сладкий сюрприз, негодник?». Потом вообще что-то непонятное: женская голова в тумане, прямо над ней — затейливая ювелирная штука, явно под старину — словно разобранный на части корона, и все это под размытым текстом: «кому достанутся *ПРОПЕНДУЛИИ?*».

Швырнув эти образцы на колени старушкам, ББГ гневно уставился на помощника.

— А где самое главное, пиратская твоя ...академия? Где *ОАЗИС*, я в кого говорю?

— В меня... Все, значит, там, на «Бизоне» — у массажиста, то есть — бич-менеджера. Сами велели ему отдать... Сбегать?

— Не надо. Ступай туда... Благодетелей здесь не любят... Отсталые люди!

Он опять опасно склонился.

— Сам ложкой не расхлебашь своего счастья, юный ...технопитек! А сейчас признавайся, как звать сеструху. А-а, не слышу!

Я молчал, в первый раз ощутив себя партизаном на допросе.

— Машкой ее зовут, — отозвалась со скамьи ренегатка. — Но она только школу закончила.

Голова Белого дернулась и отъехала в профиль. Из-под страха мне даже показалось, что она раздулась — и стала размером с его же лимузин. (Зрительно они было на одном экране.)

— Машка, значит. — Он вдруг улыбнулся: вполне безобидно. — Здорово!

И слегка качнул мою коляску. Я чуть не выпал!..

— Что, малыш, не пускают? — Он маршальским жестом указал вниз, на запирающую выезд собственную тачку. И завопил, как полоумный, размахивая руками.

— Сволочи!.. Мироеды!.. Кровь народную пьете... Зажрались! — Его крик взметнулся ввысь, прыгая, как человек-паук, по балконам. Захлопали двери и форточки. — Нахапали, а теперь разъезжают, капиталисты чертовы, мистеры-твиттеры... Владельцы заводов, блогов, берлогов! А дитю куда податься (он вновь потряс коляску)? У него, дитяти, крылышек нет.

— Правильно. — Прошамкала ренегатка, имея в виду что-то свое. — Совсем нету совести.

И тут я почувал, что мое кресло стало двигаться в режиме укачивания: туда — сюда, туда — сюда.

Он качал меня одним мизинцем! И в такт движению, как у болванчика, скользила его морда. Я зажмурился — и тут же огреб легкий шлепок по затылку.

— Малыш, ты заснул? Даже «пи-пи» не хочешь?

Тут я услышал новый звук: кто-то легко и споро перепрыгивал через ступеньки. Кто-то

больше ребенка, но меньше человека. Вслед раздавались шаги покрупнее.

— Даниил, живой?

Странный вопрос. Не такой уж здесь страх, чтобы помереть.

Я развернулся — и чуть не «поцеловался» с раскрытой собачьей пастью. Черноуховская собака жадно дышала после утренней тренировки. Сам Петька то же был взмыленный: казалось, что его черная футболка (с неизбежным котом в кимоно) вздымается сама по себе.

Лавочка при виде Петьки возбудилась и пришла в движение. Всех опередила Мелания Сидоровна.

— Хам Хамыч! — Указала она всем на ББГ. И победно сжала губы.

А Петька уже попер на господина в белом, хотя мог бы и обойти.

У начала пандуса он подозвал собаку («Пошли, Тристан. Новая игра...») и не спеша стал спускаться вниз.

— Э-Эй! — Предостерегающе крикнул Белый Господин...Но Черноухов даже не тормознул.

Его собака бодро обежала по периметру всю машину и, наконец-то, унюхала то, что искала: правое переднее колесо. К нему-то она и пристроилась, шикарно задрав лапу.

Я так и не понял сверху: не то подоспевший Петька вышвырнул водилу, не то он сам выкатился от греха подальше... В след ему Петька запустил огромную, как поднос, фуражку.

А потом он нежно стронул машину с места и, на виду у всех, задами провел ее в глубину двора, где и поставил на новую стоянку: между двумя мусорными контейнерами.

Даже не захлопнув дверцу, Черноухов спокойно вернулся к освобожденному устью пандуса. Там он похлопал за ушами подбежавшего Тристана. Потом он поднял голову и крикнул наверх, адресуясь по-соседски к автовладельцу:

— Ты там подтолкни пассажира. Он что, заснул?

Белый Господин стоит передо мной. Теперь он сам запирает спуск: всей своей глыбой, с намертво стиснутыми за спиной пальцами.

Я зажмурился (в который раз!). Я уже представил, как лечу живым снарядом — и прямо в черную грудь. А потом перехожу на полную инвалидность: в спинальники.

Медленно, медленно — в непостижимо тягучем кадре, пальцы Господина разжались. Но еще медленнее он сделал шаг в сторону — и кивнул мне головой: «Проезжай...».

Я еще глянул напоследок (когда удирал СО ВСЕХ РУК, вцепившись намертво в рычаги забыв про джойстик!..), они стояли, словно дуэлянты у барьера. И позиция у Белого Господина, как ни крути, была более выигрышной.

9. И вот тут-то все случилось...

Как на Лехины именины...

Ездить с Лехой — это как попугая выгуливать. Сам себе говорит — сам себе отвечает. Его большой рот никогда не закрывается: задирает всех курортных (и даже ходячих девчонок).

А на тренировках я слышу от него только дежурные фразы: «привет», «давай ты, Кузнец, первый...», «внимание: Савраска на тумбе» и т. д.

Но как только разъезжались по домам — мы становились совсем другими.

Вот скажите, о чем могут базарить два таких «крутых мачо», особенно — если их никто не слышит?

Ясно, о девочках.

Если верить Лешке (по его словам), у него *целый гарем*, правда — в интернете. Вот там он и *рассекает*. Фоток нахапал: сортирует и дурит «зверушкам» мозги.

«Какие у вас красивые ноги!», пишут ему. «Вы бегаєте или прыгаете?»

А он так, скромненько: «Плаваю. Мастер спорта...Здесь я на Капри. Закат встречаю. Ничего.

Что в маске?»

И визжат, дуры, от счастья. Он им торс — в шикарном гидраке с эмблемой супермена на груди (очки — «глубинки» на морде), что там вообще увидишь?

Но ег о свите — вполне достаточно. Тем, кто требуют личного свидания, дается суровый отпор... Леха — юниор или прибыл на «ответственные сборы» или (что там мелочиться?) уже всю гоняется на «короткой воде» в одном «задрипанном европейском городишке». Тренер с потрохами сожрет, если узнает, на что финалист тратит свое личное время. Поэтому: все сурово, анонимно, режим есть режим.

И что? А ничего. Кушают.

И в нашем бассейне Леха числится БАБНИКОМ. Ни одну «шапочку» не пропустит...И все у него — то «звездочки», то «солнышки» (астроном-подводник!). Сейчас на подходе — некая Манютка (из слабовидящих: шапочка — с красно-синей полосой). Я ее разглядел не сразу: и маленькая и тощенькая в одном пакете. И показал мне ее не сам Шампур, а ребята с группы. Чего Леха — то боится? Она и с виду — не в моем вкусе.

А вот и мои ЗАОЧНИЦЫ.

И обе — Алки. Поэтому я зову их: Алки-Виртуалки.

Я обхожусь без «покорителя водных глубин». И без гидрака на фоне заката. Но по мозгам проехаться могу (благо, коляска тут не нужна!).

Первая Алка (по ее словам) — плод несчастной любви португальского дофина и тайской принцессы. Сейчас ее прячут в деревне под Самарой (во избежание международного конфликта). У этой Алки на аватарке — белый слон (тяготеет, значит, к Азии, к маманьке). На одной из фоток — пятилетняя замарашка с прутиком, гусей пасет. А рядом, на лавочке, дремлет подуставшая бабка (неужто — охрана?).

Сейчас она подросла, эта Алка, готовится к великому будущему: изучает «кучу иностранных языков», поэтому на временно-родном пишет с ошибками. Простим...

Я для нее — Быстроногий Олень из племени Чероки. Племя турнуло меня из резервации, выдав ружье и лошадь. Прячусь в Большом Каньоне. Выстроил вигвам; шьк мокасины; играю на банджо — кажется, все? Да, мой отец, известный лекарь, умер от горя.

Мать — могучая, как сосна, белая скво — то же порядком настрадалась. Просит забрать ее, потому что я — родной и единственный.

А я все шью мокасины. Вот они тут: на аватарке.

Вторую Алку никто не похищал: у нее — другой пунктик.

По ее словам, она — прирожденная экстремалка.

Вот она — альпинистка (неясная фигура на фоне горы); вот она уже с акулами — и они ее любят. А вот еще — сигает на тросе в гигантскую пропасть (вид со спины), а вот еще в пустыне (одна ладошка со скарабеем).

Еще был необитаемый остров посреди океана (кто ее там снимал, Пятница?); айсберг — она и там по льду гуляла; пока не очутилась дрессировщицей в цирке (пожалуйста: вот он лев — на аватарке).

Я сразу подстроился. Стеснительный «ботаник»: и в дождь и в жару — зонтик! Мечтаю откосить от армии. В море захожу только в шапочке, спасжилете и, на всякий случай, с надувным утенком. Еще я боюсь мышей, пауков и хулиганов. Делаю утреннюю зарядку, но только дома. Хулиганы — они повсюду!. Могут даже с утра догнать (после разврата в ночном клубе).

Вторая Алка сразу «купилась»: «Надо сделать из тебя мужика!..»

(Вообще-то не мешало бы...)

«Это просто», пишет она. «Утром встал — и скажи, что все можешь!».

...Вот тут мы с Лехой ее и подловили.

— Она — дэцэпэшка, — сказал Шампур.

«Может, даже спинальница... — », подумал я. *Только безнадежники веруют, что их проблема — в болезни, а всех прочих — в лени.*

Кроме двух Алок, у меня еще есть одна ЗАЗНОБА. Но это — не для Шампура.

Айше... Она — в реале.

(И сейчас я на нее смотрю только снизу вверх. Так древние на Луну молились.)

...Прогулка с Лехой, как всегда, вылилась в бестолковое шатание — сначала по Дувановской, ведущей к морю, затем по самой набережной, забитой курортным людом.

В своей гавайской рубаше Леха был неотразим (даром, что в коляске). Его это вовсе никогда не смущало.

Сейчас он мне опять лил в уши знакомую лабуду — насчет своего отца. Этот его отец, как я понял, давно слинял, когда с новеньким сыном стало все «ясно». Да многие отцы такие... Как только засекут, что пацан в футбол гонять не будет, — так сразу и вспоминают: кто — о том, что мир велик, а кто — о конкретной исторической родине. Дома этому дураку втемяшили, что папаша — чистокровный грек; Шампуридиадис ...плыть не всплыть! Что дико он переживает, и уехал к богатой родне в Салоники: на заработки. Так что учи, сынок, греческий — и папашка там нахватается.

Что интересно — подарки «оттуда» прибывали регулярно. И письмецо прилагалось: всегда уже раскрытое. Там папашка писал, что скоро будет дома, греки — жуткие бюрократы; *андыо*, сынок, по нашему — «до свиданья»! Мы с Лехой — одного года и родились в один месяц. Только он — на неделю раньше. Но когда мы выбираемся из дома, Шампур у нас — всегда именинник!.. Как-то раз, случайно, я заловил почтальонку Зину в Уютном переулке; «Вот, — сказал я. — Теть Зина, если честно — вы же друг нашей семьи! Вы и нам посылки доставляете... Неужели, к Шампурам действительно что-то из самой Греции приплывает?».

И усмехнулась она как-то странно.

— Не тебе завидовать, Кузнецов! — Это она намекнула, что — как бы там ни было, у меня родителей полный комплект, а Лехина мать умерла в родзале.

А я — не завидовал. Просто Лехина бабушка всегда предъявляла посылку в раскучеренном виде: «таможня у нас — жуткая!». Ага...

Поскольку и мои предки и его «греческий папаша» были на заработках, мы с Лехой считали себя чуть ли не сводными братьями. Правда, мои все-таки появлялись иногда (занимая мою жилплощадь). А у Лехи в этом смысле дела шли туго: там и праздновать-то негде было... Низенький, перекошенный от старости домишко с самодельным, «народным пандусом» из случайных досок. Зато никто и не суется в его каморку. А самое главное — никаких близких соседей.

Я думаю, что именно от бабушки — улыбчивой спокойной старушки, у моего братухи — всегда прекрасное самочувствие. Иногда мне кажется, что он вообще всем доволен. Странно... Я этого не понимаю.

Вот сейчас напялил на башку колпачок именинника — и катит на радость торговкам, забившимся в тень от солнца. Его тормозят, впихивая «бедному мальчику на праздник» то уже наполовину пробную гроздь винограда, то — выбрав поменьше, початок свежесваренной кукурузы, то вообще пирожок из дома. А он их так благодарит, приложив руку к сердцу, что они все хором изнемогают от внезапной жалости — и еще крестят во след.

А я еду с другой стороны, чуть впереди — это чтоб самому не оказаться жертвой их всеядной скорби!..

Потом мы долго стоим (как две полусамоходные баржи) на приколе у трека, где ребята осваивают ролики. Мы едим нашу дань, попутно разглядывая свежие плакаты. Теперь я понимаю, с каком человеком связался глупый Петька... Все стенды завешаны постерами с его боями в грязи, «сладкими сюрпризами» и загадочными *пропендулиями*, которые получит «самая обаятельная девушка побережья». Увидел я и рекламу того самого ЛОГО-ХАУЗА, которой не оказалось у расторопного Буца. Какой-то павильон со множеством дверей, стены — прозрачные: ну прям тебе мебельный магазин на распродаже! И всюду — лозунг: «Вступайте в ЛОГО — ХАУЗ, мы сделаем вашу жизнь краше!»

Вот и вяпался Черноухов. Большой Человек — этот сосед... Даже есть официальный титул: ПОПЕЧИТЕЛЬ ГОРОДСКИХ УДОВОЛЬСТВИЙ. И что перед ним Петь недоученый монтажник, ну скажите!..

Прежде, чем разъехаться в этот замечательный день («амурную» его часть Леха потом будет выдавать порциями), мы еще вместе подкатим к четверем фонтанам. Сейчас, в разгаре дня, они не полощут воздух струями. Меж бетонными вместилищами воды бродят одуревшие от жары аниматоры в тяжелых поролоновых «прикидах»; здоровущая пятнистая *лошадь* уже примостилась на лавочку, обмахиваясь хвостом как веером. Перед ней стояла *Свинка ПЕПА* отведя — на всякий случай! сигарету от дорогущего костюма. Другой рукой страдальца обнимает башку с пяточком — огромную, как на великана. Подтягивалась в тень пара *телепузиков* и еще весьма странное создание, совершенно неузнаваемое... (что-то я сам упустил в недавнем детстве.)

Не сговариваясь, спустились с Лехой к морю. Ага, море справа перекрыто забором (все с теми же *пропендулиями*). И пляж «Бизон», соответственно. В нарушение всех курортных норм, здесь — большая стройка посреди белого дня! Работяги в оранжевых жилетах что-то

мастерят, слышен мат (похоже, что без него ничего нигде не строят); на входе, сменив охранника, уже торчит незаменимый Буцай. Видно сквозь дырявый забор, как мечется среди помостов и палаток обезумевший от новых обязанностей дядя Жора, (еще вчера работавший здесь массажистом). Между прочим — друг нашей семьи. Сам — терапевт, но считает себя экстрасенсом. Этим и перебивается учебный год (еще и каждую пятницу таскается к нам на видеосеансы с Африкой). А лето, извините — это дойная корова для всех курортных местечек. Полгорода здесь вертится.

Все «Лехины дни рождения» мы заканчиваем «у Геракла». Возле него всегда курортницы. Эй, я подчеркиваю: КУРОРТНИЦЫ, а не — курортники. Дамы его обожают лежит этакий мачо, сам бронзовотелый, вальяжный такой (словно хахаль в будуаре). Дамы лезут в очередь: делать селфи. Мужик-то голый!..

Видели бы их мужья, убежавшие поближе к пиву (на вынос не продают!), что здесь вытворяют дамочки...особенно по вечерам.

А — если б еще и слышали!

Даром, что ли, мы здесь с Лехой пасемся? Особенно по вечерам.

Но днем дамы — сдержанны. Днем — нельзя. Днем — дети. Днем — только это:

— Будьте любезны, отойдите влево...И вы, и вы («Да-да, с вашим прекрасным малышом! Спасибо. Я хочу снять Геркулеса на фоне этого белоснежного чуда...»).

Что-то новенькое...Для таких дамочек «белоснежное чудо» — это или облачко или. яхта!

Упираясь в подлокотники, я — как змея, медленно вырастаю над коляской.

Яхта!.. Оттолкнувшись от горизонта, прет нагло в акваторию (куда доступ малотоннажным судам запрещен). Все ближе и ближе. Вот развернулась — и вся женская часть пляжа охнула, будто узрела свою мечту. (Ага! так и называется «Мечта Мазая». По нижней кромке белоснежного борта (прямо над волнами!) мчались веселые зайчата, кувыркаясь друг через друга!. А из-за форштевня высовывалась одна большая строгая лапа и такой же огромный косящий глаз: мама-зайчиха не дремлет!

Судно двигалось; малыши кувыркались...

Кто мог позволить себе такой тюнинг?

На палубе — два молодца: встали по местам, охраняя пока пустое место...А вот — и девица из белых дверей рубки (хотите, скажу пошлость от нашего Дикуси, того самого, что читает рэп после полуночи?.. Так он говорит: «Яхта без красавицы, что клев без рыбы.»)

Устроилась, закинула сиськи за борт.

...Стоп! Я схватил мобильный.

— Машка, ты где?

— Дома. «Заряжаю» Филимона. Андрэ уже у двери!

— А Катька? Где твоя подруга, Маша?

— Где-где...У репетитора, забыл?

Ничего я не забыл! Катька наладилась поступать на отельера (это такой курс: «Гостиничное хозяйство», самое то для курорта.) У репетитора она, ну-ну.

И я развернул колеса в сторону дома. Ее дома.

Штормовое предупреждение

Кто мне, в сущности, эта Катька? Никто. Одноклассница сестры. И то, что она торчит сейчас на палубе яхты «Мечта Мазая» — мне по фигуре. Я наперед знаю, кто еще не вышел из белых дверей.

Во след мне что-то кричал мой бессменный напарник по заплывам. Но сейчас мне было не до Лехи, совсем не до Лехи!.. С Дувановской я выехал на площадь, и за каменными львами *побежал* к трамвайному повороту. Словно кто кулаком толкал меня в спину: быстрее, ну — быстрее же!.. Финишируя, я почти пролетел свой собственный пандус, сдал назад, — чтоб только глянуть в знакомое окно (МОЕ окно).

И там — непонятное: злой Машкин профиль и — на пол-экрана, слишком благополучное лицо *нашего великого артиста* и (кадр влево) — «вот и он, вот и он — наш веселый Филимон!». Самая страшная его ипостась: ХИРУРГ ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ. В междоузлии окровавленный халатик, стетоскоп, повисший на груди (анахронизм, но что поделаешь...); ну там еще шапочка, перчатка медицинская с откусанным «пальцем»...(Машка знает толк в деталях.)

И все трое ПИЛИ ЧАЙ. Спокойненько так, деловито. Никогда не поверю, что этот хилый чувак с «переговоркой» в ухе, — единственный, кто морально уцелел после первой встречи с нашим Филимоном! Что-то не сложилось...

И сама Машка сделала знак, чтоб я катился дальше.

У Керимовых — свой байрам. Чуть не опрокинув мой драндулет, как ошпаренный, — выскочил, наперевес с хурджином, бобо Худайберды, отчим Катьки. И, выбросившись из дома, чуть ли не в припрыжку припустил по улице, успев крикнуть мне на прощанье: «Салом, джигит!».

А ведь обратно: вежливый, обходительный. За руку здоровается. Вот сколько раз увидит на дню — столько и приветствует. Приветы передает: сестре, родителям и, обязательно, «Филимону-бобо», потому — что со слов падчерицы усвоил, что это *самый пожилой мужчина в роду*.

Двери за ним не захлопнулись: меня увидели. Мне даже кивнули, приглашая.

...Еще тот характер. Не лицо — а маска застывшего размышления (чего бы ни касалось — она никогда не договаривает...). И в руке у нее всегда — недокуренная сигарета под чопорным узким рукавом.

Звали ее Эмилия Карловна (а вы знаете немку, которую звали иначе?).

Обычная в Крыму семья: муж — узбек, жена — фрау, дитя, как водится, русская девочка. Отчим ее удочерил, но фамилию гордая «дойч» отстояла.

Так что проблем, (когда нужно «прижать» Катьку), у Машки — нет: достаточно пригрозить, как она, подлая Машка, представит ее новому кавалеру по полной программе: Екатерина Худайбердыевна Миллер.

Не только я не мог понять, что связывало их, таких неповторимо разных: нордическую валькирию (пусть даже — с усохшими крыльями) и совсем не чванливого, скорей — покладистого, сына степей.

Зина — почтальон, (которую наше сообщество домовое кличет Зина-Новостей Корзина), авторитетно заявила, что в данном случае тут виноват «квартирный вопрос»: он всем рулит!

— Был у ей, у Карловны, другой муж — Адольф! И жила она на третьем этаже, за собором...

«За собором!», взволнованно переглядывалась лавочка.

— Пришел Адольф, а дома — Ральф... Тот, который в их землячестве главный. Вот такой случился «гутен-морген»!..

— В морду дал? — Наводили бабоньки мосты.

— И поди — ногами...

— Да нет... — Сомневалась гордость дома, культурная Мелания Сидоровна. — Сели шнапсу выпили.

— А вот ты не путай! — Не соглашалась Зина. — Всего-то и сказал: «Фатера — моя! А ты с дитем — ступай лесом...».

— Вот — гад! — Обрадовалось общество. «С дитем, на мороз...».

— Да не, жарко было... — Вздыхала почтальонша. — Глобальное потепление, слышали?.. В то лето и косатки покидались на берег, весь берег в косатках, ужас! И наши соловьи до своего Конго не долетели — так полстаи и рухнуло: прямо в море.

Бзик у нашей Зины — переживать за всех зверюшек.

...Да вот еще: дочка Миллерши как-то сама у нас на кухне проговорилась, что «прошлый папа» — вот так взял и выставил маму ни за что: за *ерунду* какую-то.

А что у нас — *ерунда*? (Налево сходила. Делов-то...)

Но вот самое интересное: на каком пунктике они сошлись: (очень образованная Эмилия Карловна и, скажем так, во всем остальном — добрый Худайберды), никто не знает. Может — действительно, квартирный вопрос?

Дом у них, конечно, примечательный. Видимо, сам узбек и строил. Шикарный пандус... (Даже обидно, что в семье — ни одного инвалида). Участок приличный, а нигде — никаких ступенек. Вот где рай-то... (катайся — не хочу!); яблони там всякие, огороды можно развести; бобо (дядюшка по-узбекски) Худайберды арык копает (правда — уже который год...); чинару, орех посадил над арыком (те уже выросли почти). Есть капитальный гараж (вся лачуга Лехина поместилась бы!..), но на машину бобо еще не собрал. Еле-еле второй этаж до ума довел: занятый человек. И служба у него суровая.

Я сам как-то слышал, проезжая мимо чайханы у Гезлевских ворот: «Худайберды — маленький человек, но — большой начальник. Все люди стоят и слушают: один Керимов знает, что делать. Мальчик: еще один чайник — два лепешка...»).

Это он о себе. Большой начальник. На работу — только с портфелем (ну — или с хурджином, если спешный вызов). Однажды Катька шепотом заявила Машке, что отчим «работает на правительство». Секретный агент: плыть — не всплыть!

На террасе у них — прохлада. Что-то растет рядом в бочках, выставив матовые зеленые лопасти. Горшочки — в целый ряд; в горшочках — полезные для организма специи.

Потрясающий кадр: Эмилия Карловна стоит, несколько сместившись от центра, на фоне огромного оранжерейного окна; спиной ко мне стоит: свет, пусть и разреженный, съедает все оттенки длинного — в пол, платья; правая рука — сама! подчеркивает смысл неизреченного... Только дымок привязан к мундштуку.

Не думайте об этом... Это просто — манера. Она и с дочкой говорит через плечо.

Иногда мне кажется: в этом запыленном окне она заново пытается сложить свою судьбу. Потому, что *реальная* ее не устраивает.

— Что еще нового в этом мире, джигит?

Как супруга узбека, она называет «джигити» всех половозрелых мальчиков.

...И вопрос о Катьке вдруг повис в воздухе. Что-то у нее всегда припасено... Мне надо кричать, мне надо спешить — а у меня словно язык отнялся. Что она, в самом деле, устала в это окно: дворик свой никогда не видела?

— А куда побежал дядя Худайберды?

Дымок резко дернулся — и указал на входную дверь.

А то я сам не знаю.

— Ты за этим приехал? Да, джигит?.. Нашего дядю срочно затребовали на службу. Он же там «большой начальник», помнишь?

Я кивнул ее спине.

— Что-то там случилось, в Молочном. На трое суток увяз... Ну не может «правительство» без Керимова обойтись!.. — Последние слова она буквально выплеснула мне под ноги.

Зло меня взяло. Он же на работу побежал, а не в чайхану.

— Обсерватория — важный объект. А на вечер объявили «штормовое предупреждение».

— Да, конечно. Он там тучи метлой разгребает. Хотя, если его нет дома...

— А у вас — ВСЕ дома?

От неожиданности она даже развернулась. И тут я понял, что сказал.

— Я имею в виду, вам известно, где ваша дочь... сейчас, фрау Эмилия?

«Фрау Эмилия» — это ей нравилось.

— Естественно. Она со своим молодым человеком катается на швертботе.

Тут я выпал в осадок.

— Молодой человек, швертбот? Это я правильно понял?

— А что здесь не понять? — Передернула она плечами. — Кэтрин — здравомыслящая девушка: она свободна в своем выборе. К тому же — молодой человек посетил мой дом. У него европейские манеры. Он обеспечен, воспитан... Он и меня приглашал, но — дела, дела!

Она вдруг рассмеялась: ее позабавил мой оглушенный вид.

— Чем-то расстроен, джигит? Я чего-то не знаю о тайнах твоего сердца?

— Он весь в таком белом, да?

— Стиль Ривьеры. Да. Он весь в белом. Белый лимузин... — (Глубокий вдох.) И — белоснежный швертбот. (Еще один вдох.) Имеет свой бизнес на побережье. В основном — развлекательного свойства. Здесь же — курорт!..

Слово «курорт» она произнесла так, будто с чем-то загодя уже смирилась.

...Ай да Кэтрин!

— А твоя сестра не с ними, джигит?

— Упаси Боже!

— Ты ревнуешь? — И она так уставилась на меня, что я все прочитал в ее взгляде. У меня нет будущего: мой «лимузин» — унитаз на колесах. А ее дочь — умница.

— Узбеки называют это КИСМЕТ. Судьба. — Напутствовала она меня перед выходом. — Но в жизни есть много занятий...

Я уже не слушал. Я летел из этого дома, словно финишировал на Параолимпийских...

Дура ты, уважаемая фрау Эмилия!

Я не стал заезжать сразу на пандус (мой *свободный пандус!*), а тормознул у подножия лестницы, залитой полуденным солнцем. Дюжина прекрасных высоких ступеней, — я давно сосчитал их глазами. Мысленно я давно по ним носился: галопом! Как Черноухов со своей утренней собакой.

Сейчас у нижней ступеньки шел инструктаж: дядька Мотыль из дома напротив вправлял мозги маленькому помощнику.

Дядька Мотыль — человек в светлом плаще. Его знает вся округа. У него есть старинный брегет в кармане и — потрясающий сачок для ловли насекомых. В сложенном виде он помещается туда же: во внутренний карман плаща. Вот без этой «купеческой луковицы» и своего хитрого сачка он никогда не является народу. Только в комплекте.

Даже на службе (а служил он там же, где и жил; вахтером соседней многоэтажки) он сидел в жару щеголем, не снимая драгоценного плаща. Сразу даже и не поймешь: портье это — или приехавший с севера курортник.

Чтоб было понятно, дядька Мотыль — самый известный в городе коллекционер-энтомолог. Я сам когда-то был на его выставке в краеведческом музее: ужас! Где это он все собрал?

Пейзажи и ракушки сейчас не в ходу: *приличные люди* обожают «композиции из малой фауны»: лепят на стенку бабочек, «стрекоз над прудом», в общем — все такое. Самые продвинутые увозят товар живьем. Но их — мало.

Говорят, что у Мотыля в доме — «перезагрузка». И там он — король! И к себе на шестой этаж он ведет клиента лично (в свободный от дежурства день). А еще я точно знаю: по крайней мере — в тех двух окнах, которые «глядят» на меня, — никогда не гаснет свет. Никогда! А когда случаются перебои с электричеством — стекла таинственно мерцают: там — свечи.

В сезон вся окрестная детвора сторожит своего «кормильца»; все «вооружены» пустыми спичечными коробками или подходящей аптечной тарой. Даже взрослые (не смейтесь!), уходя в поход (куда-нибудь на водопады или в Долину Привидений), на всякий случай берут с собой обычный школьный сачок, чтобы какая-нибудь редкость ненароком не пролетела мимо. А уж про мобильную малышню — я и вовсе молчу.

Летом они просто атакуют дверь соседнего дома. Проникая вместе с жильцами сквозь кодовый запор, они несут дядьке Мотылю все, что скакало, трещало и свистело лишнего в окрестных травах. Толку, судя по недовольному виду Мотыля, было от этого мало, — но иногда он некоторым совал мелочь: на перспективу.

Сейчас он допрашивал низенького тшедушного человечка, стоявшего на две ступеньки выше (это — чтобы видеть глаза рекрута). Разговаривал он так, будто лежал в шезлонге на пляже.

— Значит — так, до самого озера и дошел?.. А «фасетки» свои взял с собой? Нет, не взял. Не можешь отличить махаона от простой совки... Куда смотрит семья и школа? Забирай свою гусеницу... Стой! Ну-ка приведи сюда этого... — И большой, как у памятника, рукой указал на забившуюся в тень большую белую фуражку.

— Дядька Мотыль, не надо. — Вмешался я. — Я сам к пандусу еду. Я позову.

Он обернулся ко мне — и сурово изрек:

— Сидеть! Ты мне тоже нужен...

Посланец его, меж тем, с трудом вытолкнул на свет маленького черного водителя. Отослав помощника, дядька Мотыль ухватил за воротник новую жертву. Сразу — невесть откуда, появился у него под рукой и крохотный рабочий альбомчик: для наглядной агитации.

— Понимаешь? Ферштейн?.. Инглыш?.. Парле ву франсе... — Допытывался он, загоняя и без того перепуганную мордочку подальше в фуражку. — Что, вообще ничего? — Поражался дядька Мотыль. — Это в наш то век... Вот сюда гляди: это — Павлиноглазка Атлас. В Африке она, родной. Ты же сам оттуда, верно? Я понимаю: Африка — большая... Но чем черт не шутит?.. Тебе на родину скоро, да? (В конце каждой фразы водила кивал — и дядьку Мотыля это вдохновляло.)

— Ты мне, рулевой, бабочку, я тебе — «мани». Ферштейн?

— Да, сэр. — Неожиданно громко сказал водила.

Дядька Мотыль победно оглядел детвору. Есть контакт!

— Так ты понял?

— Да, сэр.

— Вот, гляди... — своей монументальной рукой коллекционер указал на соседний дом.

— Ты — здесь, я — там. Видишь дверь? Ножками-ножками — туда. Будет Павлиноглазка — хорошо! Нет — других тащи: Африка — богатая. О-кей?

— Да, сэр.

Я уже тихо давился от смеха. Я знал, что услышу дальше.

— Ступай, малой... Пстой, а как тебя зовут? Вот из е нейм?

— Дасэр! — кивнул эфиоп.

Физиономия дядьки Мотыля вытянулась:

— Понаехали... — Буркнул он. — Своих шоферов не хватает, что ли?

Это он обращался уже ко мне.

— Чего скалишься? Знаешь, какие крылья у этой бабочки? — И, всплеснув руками, он показал нечто несусветное: величиной с распахнутое окно.

— Нет, Кузнецов, лучше мы про Африку с тобой будем базарить... Когда, говоришь... э-э, сеанс связи? — Его лицо под круглой шляпой вдруг стало восторженным и уязвимым: «Где-то там, на черном-пречерном материке в зеленых-презеленых джунглях под синими-пресиними небесами обитает...»

Почему-то мне стал противен этот сказочный зачин.

— Павлиноглазка! — Резко перебил я. — Вот с такими крыльями, — и я выгнул спину *гусем*, собираясь *взлететь*... — Понял. Передам... Сегодня как раз пятница.

— Ты любишь пятницу, фантазер?

— С чего вы взяли, что я — фантазер?

— Кирюша донес, — ответил чистосердечно дядька Мотыль. — А уж он видел твой подоконник, не сомневайся!

Куда уж там... Мелкая эта шпана везде пролезет! Давно у меня чесались кулаки и на Кирюшу и на его компанию; первый этаж — всегда заложник.

— А вот пятницу я, с вашего позволения, — просто ненавижу...

Он понимающе ухмыльнулся:

— Да-да, я в свое время то же изображал примерного сына... Но, однако, они к вам прислушиваются?

— Непременно... Кстати: вывоз экзогамных видов запрещен. Африка заботится о своей

фауне.

Он спрятал альбом — мгновенно.

— Ты же умный мальчик. И родители, надо полагать, не дураки вовсе. — Он наклонился к моему уху и выложил расценки. Конечно, речь шла о засушенных экземплярах.

Мне понравилось. И сама идея и мой гешефт. Осталось надеяться, что эта бестолковая бабочка летает именно возле ранчо родителей.

Выпрямившись, дядька Мотыль озабоченно взглянул на свой брегет — и почесал в самое пекло, сменив просторный шаг на иноходь индейца. Может — ищет лопух? Я от этого Кирюши сам слышал, что «учитель», когда идет на любительские поиски, меняет свою шляпу на самый большой лопух в городе. Маскируется... Что вы хотите: бывший школьный зоолог! Это у него — в крови. Натуралист...

Ну — а у меня в крови — вечные школярские ценности. И я крикнул — в спину уходящему партнеру: «Свободу плодожеркам!». Не так, чтоб очень громко, но кое-какая малышня услышала. И — *бегом* к пандусу.

Встретила меня одна Машка: злая, рассерженная от несостоявшегося спектакля.

— Это — Катька! — Шипела сестрица. — Потому, что Андрэ не к ней ходит, а ко мне! Она меня — топит: такую игру сорвала!.. Джек — пот! И по телефону, крыска, не отвечает. Какие репетиторы, Данька: все давно на пляже.

— Ты права, царевна Марья!

Я подкатил к столу, чтоб порыться в остатках пиршества.

— Не переживай, родная. Конец великой зависти! У нее уже есть кавалер...

Она обмерла, свалилась в кресло. У девчонок всегда так?

Потом она бросилась душить меня, на каждый глоток воздуха выдирая новые подробности.

А потом забубнил сигнал видеозвонка — и мы сразу, как по команде, превратились в дружную неунывающую семью. Родитель№ 2 записал все данные о бабочке. Родитель№ 1 понесла обычную ахиною: о том, что «безумно скучают, хотят обнять и погулять — вместе!». ЛЮ-Ю-ДИ! Имейте совесть забывать на время, что у вас есть дети!..

И, как всегда, я в тот вечер подкатил к своей «космической кабине»: широкому, размалеванному под панель управления, подоконнику, распахнутому в свежесть и близкую ночь. Панель — с циферблатами и кнопками, рисовали еще в детстве: мама — Гренадер очень хотела заставить меня «поверить в мечту», типа — я не корячусь в инвалидной коляске, а мчусь сквозь звездные просторы (плыть — не всплыть!).

...Но что примечательно: ведь поверил тогда! Иногда и сейчас балуюсь под хохму.

Но я всегда знал: увести свой корабль с Земли — это только полдела. Главное: никогда не возвращаться! Иногда я так и засыпал, уронив голову на руку, а другой рукой вцепившись в единственный настоящий рубильник, приспособленный чуть правее и ниже самой панели.

Сходу я в эту ночь так и не вписался. Штормовое предупреждение — частый гость в наших краях. Мне то что?.. Не — рыбак и не моряк, не таксист полуночный — и даже — не электрик дежурный (у нас в бурю провода рвет...).

Но вот что погано: и спать не могу и в сон клонит.

Скажите, вон та звезда на небе — она чья? Можно, она будет моей бабушкой? Куда это я залетел...И кто качает мое кресло, бабушка, ты? Кто удерживает Землю, когда я бегу по песку...Вот они все — под ногами, эти мелкие колючие ракушки, а вот и Машка, маленькая

пятилетняя дура, уговаривает возиться в ее детском песке. А я хочу в море: я — дельфин. Все дельфины любят плавать... Но Машка носится за мной по пляжу: с idiotским совочком и ведерком. И такое солнце было в тот день! Молодые папа и мама, молодая планета; все сверкает, искриться — и тень от маяка еще не шевельнулась... ни разу.

... Вот они: сидят у дастархана. Все три преступника.

Мамаша. Папаша и его друг Жора, вечный затейник. Все они беспрестанно хохочут, передают друг другу какие-то бутерброды, а потом все дружно идут в заплывы.

Уже какой-то дядька с репродуктором бегаёт по пляжу: что-то кричит каждому в ухо. А Машка катает меня маленького по песку (я не даюсь одевать панамку), я не хочу! Потому что — потом в свою детскую коляску и — послеобеденный сон! А мне интереснее носиться со всеми, люди уже бегут не понарошку — они пинаются, вопят — где-то кричит оставленная без присмотра музыка.

— Спать, Козленок. Спа-а-ать! — Орёт Машка и, наконец-то, запикивает меня и в панамку и в коляску: ловко, сразу.

Ага! Вот она отвернулась, бежит к веселому морю, где плавают счастливые люди... А я — САМ! иду, нет — я плыву, раздвигая сгустившийся воздух. Из самого пекла — в самую тень. Гигантский рукав накрыл берег: и стало темно. И этот УДАВ подполз ко мне — и медленно стал виться кльцами, загоняя в свой несметный желудок... И вдруг он встал на дыбы, этот новый хозяин берега и, живой жужжащей колонной пошел к морю, сметая хвостом все лишнее в свою утробу. И я уже был внутри: в странной пустой норе. Больше всего я боялся потерять свою лихую панамку с бегемотиками. Без нее — солнышко напечет, и головке будет бо-бо. Целая СТАЯ песка (бубнящая, скрипящая, орущая... вот!) кружилась вокруг, раскачивая УДАВА. И сквозь гул до меня донеслось: «Где ты, Козленок?»

А я все ждал, когда закончится глупая сказка.

Я закрыл панамкой лицо.

Я открыл лицо: страшная серая туча. Я в коконе. Кокон — живой. И я заревел в панамку.

... Наверно, я кого-то разжалобил. Меня вдруг сильно трянуло — и вылуцило, как горошину из стручка. Цепляясь за *вокруг* руками, размахивая «бегемотиками», я вдруг увидел себя одного — над целым океаном света. И мне предстояло долго и страшно погружаться все ниже и ниже.

Гроза. Началось...

Я дернул рубильник и «вернулся». Пора закрывать окна...

И Машка не спит. Девчонки — все с приветом: и кавалер не нужен, а все обидно, что он с другой. Да еще — с лучшей подругой!»!

— Да что ты возишься? — Нервничает она.

А вот теперь — точно не закрою! (Это мой мир — за окном...)

Машка отчего-то дрожит. С виду не понятно, но я знаю. Я чую.

— Данька, ты видишь? — Спрашивает она шепотом. — Что это?

— Спутник, наверно...

— Две луны над горизонтом?

— Все в мире движется, — философски замечаю я.

Но поглядеть — есть на что! Вторая луна пометалась (будто высматривая посадочные огни) — и выкатилась в чистое, незанятое тучами пространство... Но тут потихонечку стал звереть ветер; стекла еще не трещали, а вот рамы — поскрипывали.

Машка, пританцовывая, к окнам явно не торопилась... Что-то в ее голове звучало — более важное, чем очередные «роды природы». Рамы ее не слушались... Да и сама лна — никого не слушалась, кроме всеповелевающего танцевального ритма.

А я вдруг понял, что никуда мне не деться от этой штормящей грозы, от этих раскатов грома. УРАГАН (Смерч... Заозерное... Маяк) не только — в буквальном смысле! выбил почву у меня из под ног, но и напрочь отбил слух, вернее — свернул всякую тягу бесится от музыки. Я ЕЕ НЕ ОЩУЩАЮ. (Ну так, как Леха, например, который «танцует» торсом вс что слышит).

А я слышу только шум ветра, перестук дождя, скрип шагов, визг несмазанных петель на рамах + то, что делается вокруг природно; как ворчит Челюскин, забираясь в свое дупло — и как бранчливо шипит Дасэр, маленький водила большого человека, — со своей стороны отстаивающий свое право захватчика на это несчастное дупло. Но когда на скамью под липой садится наш местный хулиган Кирюша (с орущей музыкой!..) Я этого не понимаю. Я слышу — вот шум, вот какофония, вот кто-то там дерется, не поделив ноты. А саму мелодию — организм не принимает. Дядя Жора (с детства меня лечивший) говорит, что у меня — «музыкальная амнезия». Спасибо — что вообще не глухой!

Поэтому: все, что скрипит, топает, говорит — я слышу (вот, опять: «Хай-Тоба, Хай-Тоба, мы — идем...»), а что Машка напевает — плывем мимо! Я и Дикусю, ночующего на пляже, люблю потому, что по ночам он не ПОЕТ, а проговаривает все свои дневные впечатления. И без всякой «мандолины» в руках... Так что это — не совсем рэп. «Хорошим словам *одеваться* не к чему», приговаривает Дикуся.

А вторая луна шла и шла в гости, прожигая ореолом небесные хляби. Теперь это было *кольцо*, и оно — вращалось! Само по себе вращалось.

— Страх господень!.. — Сказала Машка голосом Зины-почтальонки. — Батюшки, что творится... Конец света!

И он наступил...

Громада тьмы обрушилась сразу. И ветер стал бить в окно — словно чужая, неведомая сторона жизни просилась внутрь. Почудилось — дом зашатало!

И молнии вызмеились — две одновременно! И синие расхристанные хвосты уже цеплялись за раму... Кто-то стучал к нам в окно: «Впу — сти — те... Впу — сти — те...».

— Данька, гляди!

Да я и сам уже видел. Это кольцо, (что вращалось, как полоумное) — уже висело перед самым окном. Вот это — финиш! Оно *заглядывало* к нам. Чего-то требовало.

— Приехали... — Просипела Машка, словно у нее и голос отнялся.

«Приплыли...», подумал я.

И вдруг все стихло. И снаружи ПОСТУЧАЛИ. Вполне по-человечески. Даже робко.

— Не пускать! — Взвыла сестрица. — Данька! МЧС, полицию, спецназ... — живо!

И запрыгала в поисках своего мобильного (а он у нее — всегда на груди).

А я — не спешил. Я услышал знакомый голос.

— Привет, — вымучил я. — Привет, Хай-Тоба.

— С кем ты говоришь? — Встрепенулась Машка.

«Мы — идем!», ответили мне. И я понял, что — наконец-то! сошел с ума (как и предрекал наш опекун дядя Жора). Он так и говорил: «Сначала ты УСЛЫШИШЬ голоса, потом их — УВИДИШЬ.»

...Нерешительно стронулись с места створки окна (словно их кто-то придерживал в ладонях). И тут же в узкую щель протиснулась нахальная клешня мрака. И оттуда — будто зеленая молния! что-то спрыгнуло мне на темечко, потом — врезалось в Машкин айфон — и забилося, затаилось где-то в недрах комнаты.

Тогда я спокойно перегнулся и сдвинул створки рамы (отрубив от «клешни» большой коготь...). Потом я сделал то, что делал каждый вечер: глянул на себя в темную прорву окна. И увидел дурака, испугавшегося грозы.

Развернувшись, я направил коляску к сестре. Тишина меня напугала. Да и Машка, честно сказать... Стоит, как зомби — и глаз не сводит с моего стола. А на столе — подумаешь, ужас! гуляет кузнечик. Кузнечик как кузнечик, разве что чуть крупнее обычного. Наверно, ему буря мозги повредила: и лапки, гляди! разъезжаются, и головой непрерывно трясет — как баба Улька из верхней квартиры.

— Выкинь его! — Очухалась сестрица. — Немедленно выкинь эту пакость!..

Пакость, ага. А паук Сережа в ванне — дар небес?

Я не сводил с него глаз. Мне показалось, что он — раскланивается, держа на отлете невидимую шляпу.

— Чем он тебе помешал, старая вздорная мымра? (Одно из ее домашних прозвищ: кстати — успокаивает...)

— Он — ...страшный! И появился неожиданно. — Голос Машки окреп, но суетливость в жестах осталась. — Ты видел где-нибудь, чтобы насекомое не боялось людей... Ты — присмотришься: он как хозяин бродит. Он — мутант, говорю тебе! Ой, он сейчас прыгнет...

И он — прыгнул! Он прыгнул мне на плечо.

— Царь Даниил! — Взмолилась Машка. — Я же теперь не засну: хоть убей!

...Когда это ее самочувствие меня волновало, скажите?

— ...У него, может, семья за окном: детки плачут, мамку ждут... — Продолжала Машка свою ахиною. — Им же плохо без мамки.

— Да? — Удивился я.

— Ну хочешь, я сама его выброшу... Через дверь, конечно.

— Зачем? — Я уже цапнул живой трофеей.

— Нет, царевна Марья, сделаем по-другому. Он же — необычный, правда? Крупнее и ... общительнее. Вдруг — это очень редкий вид? Наш дядька Мотыль не поскупится.

— «Блуждаете во мраке, юноша!». Правильно папа говорит.

Но для меня Родитель№ 2 — не указ. Тут больше бобо Худай подойдет:» Не слушай женщин, джигит, и тогда останешься мужчиной.»

И я подкатил к нашему трехстворчатому монстру, открыл древнюю, как мир, дверцу — и зашвырнул туда добычу. «Ступай к Филимону!».

А утром я проснулся в дурдоме. Правда, я там никогда не был, но у меня же есть старшая мудрая сестра, которая знает все в этом мире (правда — не точно...).

На цыпочках она прокралась в мою комнату. Тихо — не скрипнув! потянула на себя тяжелую дверцу — так, немного, где-то на четверть ладони, — и строго приказала; «Эй, ты где? Давай быстрее — на свободу! В поля, луга, пампасы...».

И отбежала к окну, распахнула в во всегдашнюю ширь — и, приманивая рукой, еще раз позвала:» Цып-цып, насекомое... Или ты хочешь к злому дядьке — в «зоокружок?».

Но терпение — оно не вечное (особенно в августе, на исходе жары, когда тебе — дуре! семнадцать и ты *хозяйничаешь* в комнате младшего брата). И старая разохшаяся дверь моего склепа-гардероба распахнулась полностью: зло и безжалостно.

ЛЮ-Ю-ДИ, такого визга я отродясь не слышал!..

Куда уж тут притворяться, что давно не спишь...

А эта безмозглая курица еще взяла — и отшвырнула от дивана, где я сплю, мое

домашнее кресло. Все — я в ловушке!

— Это ты, ты, гад? Когда успел только?

— На место поставь! — Зарычал я. — Давай сюда «клячу»...Рехнулась?

— Там, там... — Машка судорожно кивала (и рукой и головой — одновременно) в распахнутое нутро старого шкафа.

— Что — «там»? Дай мне встать (что означало: тащи коляску).

Лавируя подальше от моего гардероба, сестра толчком направила «клячу» к дивану. Балансируя на руках, я привычно перекатился на кожаное сиденье — и развернул колеса.

— Стой! — Запоздало обеспокоилась сестрица. — Может, сначала — полицию?..

— Не все же здесь бабы! — Буркнул я.

И тут я — попался...Крик скопился у меня в горле, но позади была Машка. Отступить некуда!

ОНО занимало всю, свободную от Филимона, площадь. И стояли они молча, как две привидения: одно — хоть и страшненькое, но давно знакомое. А другое...Другое, я полагаю, был кошмар, «галлюцинация» в стиле дядьки Мотыля!..

— Дверь была закрыта, — Произнес я сквозь зубы. — Никого не было: я бы услышал!..

— Может, это — сволочь Андрэ? — Вдруг вполне рационально прикинула Машка. — Отомстить хотел — за Филимона, а? Хоть и не испугался даже...Ну да, — она хлопнула меня по плечу, — у него же мама — костюмер, помнишь?

...Нужен мне твой Андрэ — с его мамой в придачу!

И тут я заметил простую, но чем-то неизъяснимо знакомую вещь: этому, незваному чучелу, в шкафу было элементарно *тесно*. Странной своей башкой ОНО прямо-таки упиралось в верхнюю полку, где хранились головные уборы Филимона. И — неожиданно! тонкий писклявый *голос* оборвал наши переговоры.

— Еды и тени под каждым листом!..П-п-простите!.. В-внедрился, ж-жалею, з-здрасте! — И это страшилище еще попыталось склониться в поклоне. (Но антресоль явно мешала.)

— Ты кто? Тебя Андрэ подослал? — Закричала из-за моей спины Машка.

А я спросил строго: «А Чего ты пищишь, как девчонка?»

— Модулируюсь... — Поправил гость. — Я — ИМАГО.

— Кто, кто он? — Переспросила сестра.

— Учить надо было зоологию в седьмом классе!

Гость уже выставил из шкафа огромную голенастую лапу, поразминал ее (явно испытывая облегчение) — и вдруг прямо-таки выпал из своего узкого гнезда. И ВЫРОС. Стал хлопывать себя по плечам и пузу, заодно отряхиваясь от помощи (ну как пацан после купания в море, когда взрослые лезут к нему с полотенцами).

Лапки впереди у него были маленькие и беспомощные (что мне сразу понравилось). Так что сверху он выглядел беззащитным. Ну — а с нижними «костылями» реквизитор перестарался: ну не может аниматор ходить с такими ногами, не может! Три шага — и обо что-то да споткнется!

— Привет, артист! — Ответил я бодро. — Как ночевалось в нашем «гробу»? Или ты с утра проник, агрессор несчастный?

— Внедрился, жалею, здрасте... Здрасте, внедрился, жалею...Жалею, здрасте, внедрился... — Затрещал он быстро, словно отстукивая азбуку Морзе. — И вдруг — выдал:

— Это же ваш Код Встречи, земляне. Наставник Хэм не мог ошибиться: он часто бывает

на вашей планете... Давайте попробуем еще раз... Я желаю вашей культурной фауне — пищи и крова под каждым листом!

— Данька! — Не то восхитилась, не то все-таки оскорбилась Машка. — За кого он нас принимает, за мошкару, что ли?

— Нет-нет! — Испуганно вскинулось чучело — и вдруг две шикарные антенны уперлись в потолок: это были «усики кузнечика»... (Такой бы прикид — да на карнавал: не все же Машке изображать цыганку...).

— До «мошкары» — вам ...высоко! «Мошкара» — может подняться в воздух, а вы — только на железных птицах! Без них вы — просто гусеницы... П-простите, я знаю — неожиданный гость — хуже саранчи, так, человек?

Теперь он обращался только ко мне. (Понял, кто в доме — хозяин.)

Я благосклонно кивнул.

— А ну — снимай маску, чувак. Нам все понравилось, пора и честь знать!

И вот тут ОНО издало какой-то клетот (должно быть — давилось смехом под своей личиной). И вдруг... один из его роскошных *усиков* изобразил в воздухе *ЗНАК ВОПРОСА*.

А потом и вовсе: произнес такое, ЧТО сестрица Марья квалифицировала позже как *вселенский терроризм*.

— Я бы съел ваших учителей, сударь! (Тут мы с Машкой переглянулись; скорей — заинтересованно, ем возмущенно.) — А потом бы назначил других, более компетентных... пусть даже стажеров!

...И снова его длинный блестящий ус-антенна изогнулся вопросительным знаком.

(Ага, понял: ОНО — вверх совершенства, а я, стало быть, папуас: понимаю только вербальные символы...).

— Но я прибыл сюда с миром! — Воскликнул он пафосно. И я заметил: жвалы его при этом даже не дрогнули, а круглые зенки — выставились, не моргая.

А Машка уже тыкала мне в спину мобильничком: давай, царь Даниил, предпринимай что-нибудь!..

— Ты сам, человек, поместил меня в карцер... Нарушил святое право гостеприимства!

— Куда, куда я тебя поместил?

— швырнул меня в темный чулан!.. — Продолжало обвинять пугало. — Хотя я и отношусь к классу высокоорганизованных членистоногих...

— Псих! — Радостно зашептала сестра в спину. — Полицию, Данька! Нет, стой: «смирительную рубашку» лучше...

Как все девчонки, она не просчитывала шаги. А я помню, как наш опекун недавно сказал — в ответ на ее явную глупость: «Так, ребята, давайте определяться: или — взрослые, или — дети... Дом — или интернат?»

— И поскольку... — Продолжал явный проходимец, — я, как и вы, вхожу в Царство животных, я требую, чтобы ко мне...

ОНО еще и требовало, плыть — не — всплыть!

— погоди — ты, долговязый! Ты хочешь сказать, что это маленькое насекомое, которое я швырнул вчера в...

— Да-да! Спрятал... Залжил на хранение!. Вчера. В свой пищевой запас.

— Куда, куда?..

— В место, где вы храните свою еду.

— Мы храним там еду? — Дернулись мы вместе с Машкой.

— Надо же где-то ее хранить. — Благоразумно ответило чучело. — Там, откуда я прибыл, у меня то же есть тайник с припасами. Я — такой же хищник, как и вы.

— Ты охренел, приятель! Ты — каннибал?

А Машка вдруг зашлась истерическим смехом:

— Данька! Мы съели Филимона...Мы Филимона съели, въехал?..

— На здоровье, — буркнул я. Меня зацепило совсем другое.

— Слушай, таракан! — Спросил я по-простецки. — Ты хочешь сказать, что ты и есть тот самый «прыгун», которого я самолично забросил в шкаф?

— Именно. Сам. Невежливо.

— Ты будешь мне сейчас впаривать, что ты — тот самый глупый кузнечик, что залетел с к нам с ураганом?..

Его верхние короткие лапки возмущенно забегали по груди.

— Ураган — это совпадение. А у меня — иной транспорт.

Плоская зеленая башка закачалась в знак возмущения (как зрелый подсолнух на ветру). Я не верил ему...И стал судорожно вспоминать, как Леха «базарит» с бомжами:

— Слышь, мужик...Бери ноги в руки — и гребь отседа. Дорогу отыщет непьющий, усек? Вали давай...

— Ты мне до сих пор не веришь? — С ужасом переспросил детский алыт (ну точь-в-точь, как у меня в прошлом году, когда голос «ломался»...)

— Не верю! — Хотел я воскликнуть. Но тут в моем сознании ожили знакомые ритмичные удары: «Хай-Тоба, Хай-Тоба...». И я — заорал.

— Ты — кто? — Заорал я.

И тут он сложил на груди все свои — лишние сейчас? лапки, а взамен, пугая жестким шорохом. — выросли — и развернулись (как два косых паруса!) два огромных крыла. И усики-антенны заколыхались: каждое — над своим.

— Позвольте представиться! — Шаркнул исполин своей «арматурной» ногой. — Сто тридцать восьмой потомок из рода Длинноусых Кавалеров... — И так тряхнул башкой, что усики тут же «перекатились» над его выпученными зенками, и одно коснулось меня, а другое...

— Не дергайся! — Приказал я Машке. — Это — действительно...кузнечик. Тот самый, вчерашний. Так у них — знакомятся. Через обоняние.

— Чушь какая-то.! — Проворчала сестра. — Мы — в реале, или — где? Может — это голография?

— А где хотя бы две лазерные пушки? Помнишь, как над фонтаном?..

— Все-равно не поверю, — трясла головой сестра. — Не поверю, пока...

— Пока — что, *ИМАЖКА?*..

— Кто-кто?

— Имажка — полноценная женская особь. Я — имаго, ты — имажка.

— Машка-имажка, — смехотнул я, хотя мне было совсем не до веселья. — Так чего ты хочешь от нашего...э-э, гостя?

— Чтоб он опять стал таким же маленьким, — и она изобразила руками крохотный чуланчик: не больше спичечного коробка.

Этот громила уставился на меня. И я ему подмигнул: «Давай!».

В дверь забарабанили: упорно и настойчиво...

Машка рванулась на выход: дурочка думала, что посторонние сейчас — уместны. Я еле успел затолкать эту зеленую дылду обратно к Филимону.

Первым влетел в комнату огромный лохматый Тристан. И с ходу, заметьте, принялся облаивать убежище нашего внезапного гостя. Следом вразвалку вошел Черноухов — и то же, представьте, поперся к шкафу. Я только и успел, что показать Машке страшный кулак (усугубив его зверской рожей).

И Машка врубилась. Что ни говори, а семейные ценности у нас — на первом месте. Вот и сейчас: отодвинув пса, сестрица заняла сторожевую позицию перед шкафом.

— Так! — Изрек Петька, засовывая руки в карманы своих вечных черных джинсов. — Что за крик, граждане жильцы первого этажа? Я думал...

Но он — не только думал. Он медленно и настойчиво подбирался к цели. Туда, где Машка распласталась по всем дверцам сразу: крест — накрест (если кто видел северянок в разгар сезона занимающих место на пляже, — тот сразу поймет!).

Чтобы усилить защиту, я сделал вираж — и подкатил к Машке. Однако я не учел, что и для Петьки я был всего лишь «бедным мальчиком на колесах».

Для начала Черноухов только приказывал: мне, собаке и Машке (всем — сразу!).

— А ну — брысь... Сейчас я с ним разберусь.

Приплыли!.. Жилец сверху точно был уверен, что у нас в шкафу (нет, не террорист!), — скорей — Машкин поклонник, с которым вышел конфликт.

Но сестра стояла насмерть, словно приклеенная монтажной пеной.

Однако, он быстренько справился. Машку — на диван; меня — к окну... Потом он погладил собаку, спросив ее — так, что все слышали: «Гнать негодяя?». И пес облизнулся: видно «гонять негодяев» — было его любимой забавой.

Тут же, без паузы, Черноухов резко рванул на себя дверцу — и отскочил в боксерской стойке. И собака ринулась внутрь... Что-то там — загрохотало, захрустело, даже зачавкало (?!). Потом она испуганно взвизгнула, выбилась задом наружу: не то — таща что-то, не то, наоборот, от чего-то освобождаясь...

И тут Машка мы просто всхлипнули от смеха, когда Петька приказал шкафу: «Выходи, Белый, я жду...». Но, вместо соблазнителя, на свет божий из мрачной норы явилась его престарелая ищейка; только на миг! — и обратно втянулась, и опять что-то трещало, сбивалось и уминалось в неведомую композицию.

Шкаф покачнулся (а такого сроду не бывало...). Но главного Петька не просек: как оттуда, одним гигантским скоком, взлетел «маленький зеленый штурмовик», — и спикировал в мою коляску. А следом...

Следом (разъяв от ужаса пасть), вывалилась из чужой страшной будки пожилая учебная собака... А на ней — Филимон! Плохой ездок, Филя почти лежал на мохнатой спине, и его длинные конечности жутко трещали, грозя расстаться с собственным стовом. Но галстук и цилиндр (в котором Филимон встречал Андрэ), сохранились. И радостный оскал — то же.

Пока Тристан мотался, тыкаясь куда попало — Черноухов зачарованно молчал, а Машка уже рыдала от смеха... Всем было весело. Особенно — мне: в голове у меня настойчиво и тревожно звучал знакомый писклявый голос: «Царь Данька, Царь Данька — ты меня

слышишь?..Плотоядное псовое похитило твою добычу из охраняемого склада! Могу вмешаться, могу вмешаться...»

Честно, я думал — что после этого случая Петька будет обходить стороной нашу полоумную семейку...Но уже под вечер этого дня Машка нежно щебетала с ним через контрольно-пропускной пункт: подоконник.

А он (снаружи!) старался говорить тихо, чтобы старушкам, наострившим уши, и крохи не доставалось от чужой беседы.

— ...Что ты прицепился к Белому? — Светским тоном дразнила Машка. — У него сейчас — другая симпатия: Екатерина Худайбердыевна Миллер! «Дочь трех культур», как утверждает фрау Эмилия. Ты бы видел, какая у них суматоха в доме!..Все носятся, чистят, скоблят... ББГ — не дурак: зачем ему офис в городе открывать? А у Катьки — места, хоть завались! Надеюсь — они и шофера своего заберут: а то сидит в дупле, как белка. Бедный Челюскин... только кругами все бродит и бродит вокруг скамейки.

— А у меня — другие сведения, — не соглашался Петька. — Они всю ночь колбасились, эти соседи: баба Улька заснуть не могла. Потом — эта катавасия у вас! Тристан из-под койки не вылезает...Одно хорошо: научился препятствия брать. Как он сиганул отсюда, из окна — я аж обрадовался. Сколько с ним бился: никогда барьер не брал! А теперь, правда, из-под кровати не вытащишь. Как его учить? Может, опять напугать?

— Страхом, Петр, только заик лечат. Испортишь...

Остальное мне было не интересно. Я выехал, чтобы не мешать их воркованию. В коридоре потрепался с Катькой по домашнему телефону (сестрица предупредила, что ее «для этой крысы — нет!»). Неутомимая от счастья Кэтрин тут же завалила меня какими-то хозяйственными проблемами, «а бобо Худай — на своей идиотской службе!», в доме — завал, мужских рук не хватает... ей вызвали парикмахера... смотрел ли я затмение луны... какие у них чудные обои... чего Машка дуется, она — не права, ей, Катьке, такое предложили, что все прямо охнут!..

А в Машкиной комнате была особая красота жизни: здесь было ТИХО.

Одно окно, всегда зашторенное. Плакаты (все — с психологическими изречениями и графиками «изучения личности»), три светильника — два в постоянном режиме: для освещения целой грядки горшков с целебными растениями: (идея Гренадера, помещанной на здоровом образе жизни). Стол, конечно: блокнотики, комп, бесплатные флаера. Узкая девичья кровать с неизменной мягкой игрушкой... Что на этот раз? Ага, пингвинчик.

Здесь я открыл клапан карманчика. Кузнечик выскочил сразу — и давай обшаривать стол. И ведь нашел, что искал: тень между двумя стопками журналов. Я *услышал* его голос, как бы царапающий ушную перегородку.

«Есть хочу...Ты слышишь, человек? Гонша хочет есть.»

— Какой еще Гонша... Еще Гонша будет?

«Это — мое лужайное имя. Вот у тебя домовое — царь Данька. А у меня — Гонша. Бабушка так назвала.»

— А почему — «лужайное»?

«Потому что «гонша» — это луговая собачка. Подвижный я очень...Личинок давай, тлю собери; ну там — мушек на десерт...»

— Слушай, нахал: ты совсем бакен-бок?

«А что такое: бакен-бок?»

— Это когда башка на бок...С приветом, в общем.

«Понял... Не беспокойся: никто бы не послал сюда необразованную букашку. Вот тебе твой привет: *Еды и тени под каждым листом*. Тащи личинки...»

— Да перестань ты пищать. Не девчонка!

Он, по-моему, обиделся. Он сказал, что их имажки — вообще не стрекодут. Что это — сугубо «мужское дело». И вообще: я еще не слышал сверчка в брачный период; так что разговаривать со мной — не о чем.

Но тут я его срезал:

— То же мне — сверчок! Если бы у тебя была старшая сестра...

На что мне заметили, что «ни старших, ни младших сестер» в их лужайном царстве нет; все потомство — одного возраста, с раздельным воспитанием. И вообще: где личинки?

— Достался мне голодный бомж, — психанул я, уже подбираясь к заветным грядкам.

Но мне тут же как по мозгам ударили:

«Имей уважение к *старшему брату*... Мой род древнее твоего на четыреста миллионов лет!»

— Ага, — поддержал я его:» И все личинками питаетесь?...»

Но он уже прытко ковылял в сторону выбранного горшочка... А потом я почти *услышал*, с каким наслаждением он вгрызается во что-то нежное и съедобное.

Потом он *икнул*, а потом рассудительно заметил: «Перекусить — сойдет. Ну — есть же у вас кормовые поля... Я же не *инфант* после первой линьки. Я — сто тридцать восьмой потомок великого ордена...

— Да знаю, знаю, — оборвал я его. — Аристократ, а трескаешь, как саранча!

...Лучше бы я этого не говорил... Он даже листом подавился.

«Не смей меня сравнивать с Короткоусыми Пожирателями... Это — не благородно.!»

— Да не вопи: у меня уже — звон в ушах!..И какая разница: кузнечик там, саранча?..

«Простая... Как у человека — с обезьяной.»

— Ну прости, Гонша. (Тут я почему-то припомнил дядьку Мотыля: когда он сокрушался об упадке знаний.)

Но усики его обиженно трепетали... Потом один из них выпрямился столбиком: это был знак прощения. Жор продолжался.

Опять звонок! Нет, что хотите, но домашний телефон — это для террористов! В нем нет «черного списка».

И я просто вернулся в свою комнату. Машки уже не было. Было открытое всем ветрам окно, второе от залива (если мыслить эпохально.) Только и достался мне, как приз, чудовищный треск Петькиного драндулета. Сбежала, негодяйка... С тем, кого весь день хаяла, обвиняя в излишней подозрительности. А все-равно: «маленький злобный циник» — это я, собственной персоной. ЛЮ-Ю-ДИ, если я не прав — кто первый бросит в меня комментарием?

Возвращение блудной сестры

На крышке ноута сидел мой кузнечик. Мы говорили: он на своем птичьем, я на своем человечесьем языке.

Уже зажглись огни — в доме, стоявшем на особицу. Там, на шестом этаже, жил дядька Мотыль со своей коллекцией. Тень хозяина уже бродила из комнаты в комнату (отсюда казалось, что он там проходит через стены).

Машка мне рассказывала, как она однажды водила туда Эмилию Карловну. Отобрав для подарка нужные экспонаты, фрау Мюллер долго торговалась, потому что хозяин никак не хотел «пойти навстречу немецкому сообществу», решившему оригинально встретить своих земляков... Когда они вышли из высокого дома, было (по словам Машки) тепло и грустно. Решили до Гезлевских ворот пройти пешком. В сквере — прислушались: под ногами копошилась еще непойманная живая жизнь.

И тут замерцали светляки (Машка сказала: «Будто — звездные ясли!..».)

И мамаша Миллер перешла в наступление... Чопорно так семенила в своем длинном платье, но вообще-то бойко сновала за светящимися задами насекомых. Это жутко как обогатило предполагаемые презенты...

...Красавица наша явилась к полуночи; две мощные руки посадили Машку с наружной стороны окна — вот она! — ни дать ни взять — Золушка, проморгавшая полночь. Сидит прямо на моем *пульте управления*: мокрая, босая и — счастливая (не видать мне финиша раньше Лехи!). Счастье — это прежде всего *ВОЛНА*, — так что не спрашивайте.

Меня эта *ВОЛНА* накрыла, понятно?

Гонща вспорхнул мне на плечо: то же чувствует настроение. К тому же — он охотник, ночной охотник.

Ругаться мне не хотелось. Но Родители были далеко... А Машка «впервые опечалила мне сердце «(как сказала бы Родитель№ 1). И я сделал строгие глаза старого постника, ударив о пол домашней тростью. И даже проскрипел; до изумления гадко...

— Доброй полуночи, мадмуазель! Или уже — мадам?

— Хам Хамыч! — Бросила Машка тоном незабвенной Меланьи Сидоровны.

«Скажи ей, царь Данька, что ночью много охотников на беспечных самок...»

— Да заткнись ты!

— Пацан! А не рано ли ты начал? (это уже — Машка!)

— Это я не тебе... Это я ему. — Только тут она разглядела моего оппонента.

— Как, он еще здесь?

Она спрыгнула с «космической панели», собираясь удалиться в свою комнату.

Я выставил свою трость как шлагбаум.

— Да, он со мной. В отличие от тебя.

Она ухватилась за эту трость, как за штангу. Сейчас как дернет — и вывалюсь я из кресла. Даже без крика.

— Подурачились — и хватит... Поскакал, понял?

Я смахнул насекомца в кармашек.

— Сама — скачи... А он прилетел ко мне. Это — раз! Он искал меня — это два...

— И он нашел дурака — это три!

Машка нагнулась ко мне, изучая зрачок, а точнее — признаки психзаболевания. (Новая

тенденция ее любимой психологии.)

— Ты хоть знаешь, домашний дикарь, что творится сейчас в мире?.. Плащ-невидимку изобрели; мысли читают!.. Жука телепортировали на метр семьдесят...А ты все веришь в сказки, Козленок. Выкинь всю свою фантастику...С букашкой вместе!

И она-таки выдрала трость...Я — накренился, но она меня словила. (Заботливая сестрица.)

«Это кто — букашка?», услышал я просевший от обиды голос. «Сейчас я во всем разберусь...»

И он был уже на подлокотнике, в боевой позе: передние лапки подогнуты, задние — огромные, как опоры моста! ноги чуть дрожат в нетерпении...Сейчас прыгнет! На Машку... А Машка — девушка простая (прихлопнет, как пить дать...).

И я прикрыл «смертника» теплым щитом ладони.

— Надо в серьезные сайты заходить, — буркнула сестрица напоследок. — Ты и не заметил, что детство кончилось?..

— *Еще — неделя.* — *Сказал я.* — *Целая неделя детства. А потом — тревожная юность, незабываемая зрелость и — благополучная старость...* На старт, Гошка! Да, я буду звать его — как захочу... Он — Гошка, поняла?!

— Господи, — вздохнула Машка (уже одной ногой в коридоре). — Он уже и имя своему таракану придумал...Осталось — совершить с ним несколько подвигов. Ну там — мир спасти, к примеру.

...Его усики искололи мою ладонь в знак возмущения. И он все грозился мне в ухо не совсем понятными карами: подземным трибуналом; летучим эскадронам «черно-желтых» и страшными челюстями наставника Хэма. На этого мифического наставника он возлагал больше всего надежд.

Но Машка уже пошла к себе, заявив напоследок, что она не желает жить с сумасшедшим — и поэтому завтра, то есть — уже сегодня! здесь будет дядя Жора.

Наконец-то ее дверь захлопнулась. И МЫ остались одни во всем мире. Я — и кузнечик. Я подъехал к распахнутому окну. Ночь усмехалась; было полнолуние: *праздник самоубийц* (по Машкиной терминологии). Плохо, когда женщины лезут в психологию: в этой науке нет места ЧЕЛОВЕКУ. Есть только так называемая психика: еще одна «среднебольничная температура». Там, где просто нужна *бабушка у постели* внучка, им все заменяет кушетка психоаналитика. Я вздохнул: да какая бабушка, откуда?..

А Гошка все бегал по «космической панели». Что-то выискивал...У кнопки «звездная карта» его усики-антенны приняли стойку...

И вдруг все разом — сместилось, задвигалось и перестроилось...В темном провале окна исчез и видимый край лавочки и столетняя липа над ней; куда-то провалилась луна — сообщница безумных; а звезды испуганно заметались (словно невидимая рука тасовала их), и потом — враз! исчезли — а вместо них, уже знакомых, — стала проявляться и выстраиваться НОВАЯ картина, ЧУЖИЕ созвездия — и вся неместная Вселенная!

«Смотри, человек!», услышал я восторженный стрекот, — сейчас мы — Млечный Путь, поворачиваем направо, так — остороженько... Здесь — Перекресток! а сейчас проскочим на объездную... Видишь — это уже Моя галактика: МОТЫЛЕК! Ее звездное гнездо — туманности БАБОЧКА. Видишь, человек?

Я видел. Но у меня одна мысль зудела: почему я *никогда* не мог «включить» эту карту? А я, можно сказать, вырос у этого подоконника.

Мою шею щекотали его усики.

«А вот и моя окраина: созвездие Скорпиона! Там слева, между двумя парными звездочками, есть тайный лаз через черную дыру. Там сторожат щитомордники. Злые ребята. Но с ними можно договориться.

— О чем ты?

«О твоей сестре. Она же нам мешает, так? Мы ее продадим на плантации. И щитомордники нам помогут. Правда, не бесплатно.»

— Гошка: кто из нас с приветом? Я не собираюсь продавать сеструху...Рабство запрещено!

По-моему, это его не очень смутило.

«Так ведь — никто не узнает, царь Данька!. А мы — станем свободны: будем вместе ходить на ночную охоту; я тебе покажу, как гонять ухверток — и ты узнаешь: какое это счастье — рыться в палой листве...»

— А как же — сеструха, Машка?

«Дикий ты: права твоя сестрица... Стой!» — Он опять ловко приземлился в самый «Центр управления». Поскакал там. «Вот, гляди. Моя планета: Цветущий Луг! Правда, она — самая красивая?..»

— Ты мне про Машку не закончил, работорговец!

«А что тут добавить?.. Хотя...Вот смотри: усиков у нее нет. Так? Зато — выносливая: бегают и днем и ночью. Яйцеклады — на месте, но вот еще пары рабочих рук на груди не хватает, да. Для невольницы — минус! Но я считаю — это ничего: обретет нормальную биомассу (а это — не больше пяти граммов для рабыни, да и то сказать: в брачный сезон!) и будет окучивать поле, как и все остальные... Лопухи там славные: жить есть где. Что еще надо, скажи?»

— Ну ты и жук, Гошка! — Заметил я с восхищением, приходя в себя от нешуточной перспективы. — А теперь покажи свой дом, флибустьер ты наш звездный! Может, и я к тебе в лачугу нагряну...

«Не получится.»

— Что не получится — лопух слишком маленький? Или... — Тут меня осенило! — Да тебя, родной, просто там не ждут!.. Выгнали, выслали, значит — ты беглый?

«Не совсем так», — дипломатично ответил Гоша. «Я — официальное лицо. Я послан с миссией: пройти экзамен — и получить назначение. Очень серьезное назначение... Не закрывай окно.»

С этими словами он спрыгнул в темноту. А я — остался ждать.

Явление дяди Жоры

Друг семьи и «второй папа» явился, как и обещал.

Формально — он нам опекун. Наши Родители даже хотели поселить его здесь, в нашей квартире, чтобы «временный отец» надзирал за растущей порослью. Мы еле отбились от такого счастья.

А все дело в том, что из-за своих постоянных разводов дядя Жора не вылезает из коммуналок. Трижды он женился и, будучи «благородным человеком», оставлял жилплощадь очередной сварливой жене.

Как и наш старший Кузнецов, он был врачом. Терапевтом. Сам Родитель № 2 считал его «редким другом». Я как-то случайно услышал папенькин пьяный треп по телефону: он вещал коллеге, что «Георгий — настоящий спаситель: когда пришла большая беда, именно Жорка, верный друг — *вытащил его мальчишку с ТОГО света...*

И теперь я. благодаря ему — живу на *ЭТОМ*, от радости не чуя ног (в прямом смысле, господи, в прямом смысле).

Все лето пан Георгий ходил женихом. Он снова был свободен... Мы с Лехой часто видели его за фонтанами, в районе пляжа «Бизон». Там он гулял кавалером, связав на пузе узлом рубашку — милитари. И шляпа была в тон: в таких ходят наемники в «горячих точках».

Но шляпа была по делу: она скрывала плешь (недостойную такого мачо). Не снимая шляпы, он заходил в воду. И выходил из воды: с виду — «морской котик», потерявший все свое снаряжение, но выполнивший задание... На берегу он цеплял на пояс грозные кожаные ножны (там помещался испанский, по его словам, нож: он им резал пополам всякие курортные угощения, делясь с дамой).

Он вообще любил компании: на пикниках недрогнувшей рукой подбирал последний пирожок, вздыхал — и глядел, чтобы я съедал его полностью. Ценил его жертву!

Как опекун, он не доставлял хлопот. Наведывался в основном к праздникам: государственным (с неизбежной книжкой «по возрасту») или светским (со сладкой выпечкой). Блудил он только с незамужними (обидчивый муж как-то намял ему бока). Но наши Родители все-равно наделяли его *высокой моралью*, за что, собственно, он и был приглашен в надзиратели.

Внеочередной вызов испугал дядю Жору. Он так быстро вбежал в дом и захлопнул двери, будто за ним гнались. Сначала они с Машкой о чем-то долго шептались на кухне; потом сестрица независимо просквозила мимо меня к подоконнику (ну чтоб свалить в случае чего, ага!..), а сам дядя Жора (с не пустыми руками, кстати) несколько раздраженно оседлал свободный стул — и развернул его спинкой ко мне.

А я сидел там же, где и жил: в домашней коляске, где «руль» — это колеса.

Я ждал... Пусть сам выпендривается (на том языке, который — как полагают многие взрослые, только и доступен убогому юношеству).

— Держись, парень! — Приказал я своему карманчику. — Сейчас будет ток-шоу: «Слепой среди глухих».

— Зачем ты так, Кузнец? — Бросился в бой дядя Жора.

Его выпуклые глаза «профессионально» надвинулись на меня, сверля в самые зрачки. Великий психиатр, да...

— Случайно пробежал... — (здесь даже Машка дернулась...). — Куча дел, просто — термитник! Ты же знаешь, кто я сейчас? (Ага, весь город гудит...) Поверишь: не хотел братья, братан! И он раскрыл *лепестками* ладони: «ну не хотел!»... Отбивался, как мог. А тут — жара, стройка, помосты, русалки, реквизит — да еще эта раковина...

— Раковина?

— Ну — ты же знаешь этого полоумного Дикую? Тот, который днем фотографирует, а по ночам по ушам ездит своими стихами... Так он, подлец, в такой огромной раковине живет, которая мне позарез нужна: для праздничного шествия. Еле выгнал: *хозяин* приказал: все, что на пляже — бери спокойно. Так я с этим дураком сцепился: пришлось охрану звать! У меня карнавал на носу, а он: знать ничего не хочу: мое жилье, мои права... А ты — как: ты прочитал мою книгу? — Вдруг перешел он поближе к *теме*.

— «Над пропастью?..». Ну, поржал,

Он сразу закипел:

— Объяснитесь, юноша. Что забавного в этом поучительном романе?

— Слышь, насекомец! — Я царапнул край карманчика. — Вот ты стоишь над обрывом... Да не пиши: это условно, понарошку значит... Откуда я знаю, где обрыв? Известно, что там какой-то «специалист» рожь посеял... Она выросла, и теперь там, между колосьями, бродят твои дети... Ладно: инфанты после третьей линьки... И вот ползут эти глупые букашки к самому обрыву... Скажи: в чем заключается твоя миссия?

Карманчик зашевелился, клапан — отброше, и на свет выглянули две замечательные антенны. Усики! Следом показался и весь мой «таинственный» для гостя собеседник.

Дядя Жора напрягся. Выпученные его глаза даже крепко сморгнули (это когда Гошка раскланялся).

«Это серьезная тема, человек... Я имею в виду — мою *миссию*.»

— А мы тут — не о тебе. Ты вообще — сейчас над обрывом, понял?.. А твои... ладно — пусть чужие! *дети* лезут к обрыву. Ну — заигрались там...

«Даже самая бестолковая мамаша не устроит кладку в опасном месте.»

— Что бы ты сделал, чтобы спасти малых, ну?

Под дядей Жорой уже прыгал стул.

— Чувак! — Вклинился он, вспомнив свою молодость. — Я правильно понял: ты говоришь с букашкой?

Вместо ответа я подставил ладонь, куда и переместился счастливый Гошка.

— Я говорю с тем, кто *меня слышит*. Только и всего.

Тут и Машка подвернулась.

— Я вас предупреждала, дядя Жора!

И опекун согласно и важно кивнул: он помнит. Но он здесь — единственный взрослый. И он — решает.

«Обрыв — это не самая большая опасность», застрекотал Гошка с незнакомой мне ранее учительской интонацией. «Куда опаснее место, где родилось и, главное, где и кем *воспитывается* это потомство... Я — сам хищник. Я знаю, сколько вокруг врагов. А ведь здесь — поле! Птицы. Это — первый враг...

Но тут раздался страшный скрип заскакавшего ко мне стула. Глаза нашего опекуна фанатично мерцали: как у охотника, загнавшего — казалось бы! упущенную добычу.

Но меня больше интересовало мнение «малой фауны»:

— Эй! Ты собираешься спасти ту галдящую над пропастью ораву?

«Это где все — понарошку? ...Понарошку — невкусно.»

— То есть?

«А ты вывези меня на этот обрыв!.. Я их сразу — «сжую напрочь...». На плантациях возле Скорпиона станут корячиться!»

— Дети???

«С ума спрыгнул... Конечно, родители.»

— А они здесь причем?

«А при том, что у хороших родителей — другие проблемы... Вот что у тебя, к примеру, на дне пропасти?»

— Да какая тебе разница?

«Мне — ни какая. Но зачем-то ОНИ — бегут, уходят (тут он, пожалуй, даже вздохнул) — и улетают. Толку их ловить над пропастью, если эта пропасть — сама ЖИЗНЬ? Этак они никогда на крыло не встанут».

— Пстой! — Я даже руками замахал (к вящему интересу пана Георгия). — Ты — что, будешь спокойно смотреть, как они — гибнут?

«А почему должны гибнуть ВСЕ? Кто-то из них станет великим путешественником (может даже, завоевателем!); кто-то научится вправлять суставы (как твой distinguished Родитель № 2); кто-то опишет закаты и скорби, а кто-то натянет первые струны... Там найдутся и те, кто научился строить — и начнут строить... А самый ТИХИЙ — из тех, кто рискнул, придумает БЕЗОПАСНЫЙ СПУСК. Для остальных. Вот эти *стальные*, и объявят его сумасшедшим...»

— Сумасшедшим?.. — Я даже привстал, целясь в опекуна взглядом. — Дядя Жора, вот вы скажите мне, лоботрясу (я постучал по обложке, где были скалы, поле и — растопыренная пятерня. — Вы себя кем-то здесь ощущаете?

Он как-то беспомощно оглянулся на уже заскучавшую Машку. Но потом решительно потрянул головой.

— Конечно, Холденом, мой мальчик! Но — послушай: если ты — на колесах, это еще ничего не значит... Понимаешь: совсем ничего не значит!

...Ну да: «бедный мальчик на колесах...». На КОЛЕСАХ, вы слышите, ЛЮ-Ю-ЮДИ?. Добро бы это почтальонка говорила или, скажем, хозяйка кота Челюскина, как ее там — Мелания! Но человек, претендующий на роль отца духовного (как он вещал о себе? «Незаконнорожденный сын Европы...»?).

И уныло — торжественным голосом я пропел аллилуйю:

— Поздравляю... Ваша мечта сбылась — вы на него похожи!

— Поясни!

— Вы хотели бы себе такого дедушку?

Он замялся.

— Не понимаю тебя! Автор определяет герою столько лет, сколько ему хватает для существования в книге...

— Вот и я бы — не хотел! Он ничему не научит ни детей, ни внуков! Зато постоянно будет плакать и жаловаться; или — что еще хуже: постоянно витать в облаках... Все его геройство — перед маленькой девочкой! Которая понимает вымышленный им мир — и его подвиги в нем. Кстати: будет свободное время — прочитайте имя «героя» — задом наперед!.. Нед Лох — так? Вот это и есть его местная геолокация: только такая... — Я улыбался: свесив голову, как придурковатый.

— У меня для тебя — «инфа террибль»: ужасная новость! — Трагически прошептал опекун — Ты... просто безумец! Ты — не умеешь читать классику!

— Конечно. Я же ищу кореша, а не слюнтяя. Понимаете, когда я захожу в книгу, я уверен — там меня ждут! А тут — сам «герой» меня боится... Я закрыл обложку — а он закрыл свою. Вот так и топчемся с двух сторон. Не успеешь дочитать последнюю строчку, а этот трус уже сбежал... Я — ему: «Вернись, пацан... *Твои* уже запутались в соплях и зарослях; они — над бездной!». А он — мне: «Это сказки для маленьких девочек, ты что — не понял?»

— Вот-вот, — обрадовался невесть чему опекун. — Все ясно: обрыв, пропасть, шалуны все эти... Проекция детских страхов; негативные галлюцинации. А вот скажи мне, отрок: сколько было мальчиков и девочек на том обрыве?

— Хотите разбудить дедушку Фрейда? Машка — это по твоей части!

Сестра аж вздрогнула от моего крика. Но отмахнулась: грызите сами.

А дядя Жора важно сложил на груди руки: словно профессор на тяжелом экзамене.

— Не пойму тебя, молодой Кузнецов. Твой сверстник Холден хочет принести обществу хоть какую-то пользу...

— Да вот именно: «хоть какую, лишь бы все отстали...»

— И что в этом плохого?

— Да ничего, в общем-то... Это — целиком виртуальный проект: даже кузнечику понятно! Условный обрыв, условные дети, условная пропасть... Просто тогда компьютеров не было. А в наше время «купил» бы тот чувак куриную ферму — и был бы счастлив.

Отчего-то я почувствовал облегчение. И Гошка — проник! Забежал, засуетился (совсем как собака — Когда просится на улицу).

— Вы его не бойтесь, дядя Жора! — Разрешил я. — Он — хороший парень. Просто хочет познакомиться: сейчас ощупает вас усиками...

— Что ты сказал? Он меня — *ощупает?*..

— Незрячие люди тоже так знакомятся... К тому же — это не просто усики: это анализаторы. Органы осязания, заменяющие...

— Не слушайте его! — Вклинилась Машка. — А то эта «блоха» — за меня потом возьмется!.. (Она судорожно подавала гостю серию жестов... Шпион с нее, как с меня — прыгун в высоту.) А дядя Жора меж тем никак не мог стряхнуть с себя маленького Гошку: и так и этак выворачивал собственный локоть (мы с кузнечиком играли в эту игру: «лента Мебиуса»)).

— Отзови его... Это, в конце концов, раздражает!

Я хлопнул себя по плечу — и Гошка занял привычное место.

— Смотрите, дядя Жора, смотрите! — Подсказывала Машка, раскачиваясь на подоконнике. — Вот так мы и живем. Вот это — мой братец... А эта маленькая прыгучая тварь объела всю мою пелларгонию, а ее — еще мама сажала! Я вам сейчас покажу. — И она умчалась в свою комнату, чтобы доставить улику: обскубанный цветочек.

И тут дядя Жора вмиг подобрался и сконцентрировался: для мужского разговора.

— Даниил! — Спросил он строго. — Что это означает? Я понимаю: переходной возраст: суровое осознание своего положения в мире; новые, непозволительные желания, первые неудачи...

— Это Машка вам насплетничала: насчет «новых желаний «и «первых неудач»?..

— Ты бросил тренировки! — Дал мне пощечину опекун. — Скажи: ты — лузер по

жизни, или тебя просто бесит, что на твоей коронной дистанции тебя обошел твой лучший друг?

Ему понравилось мое смущение.

— Это — раз! — добавил он важно.

(А я подставил вторую щеку: мне не привыкать.)

— Теперь... — Он зачем-то суетливо обернулся и заговорщески подмигнул. — В жизни каждого юноши наступает момент, когда э-э-э...

— Пубертатный период. — Подсказал я ему (а то он до вечера не родит.)

— Девочки... — начал он вдохновенно, — существа из другого мира! Ты же умный парень, Даниил! Когда мы вырастем — мы, мужчины, охватываем и захватываем новые территории... Он даже плечи расправил. — Как древние флибустьеры, мы идем напролом. Солнце светит нам в спину!.. Но здесь нас ждут капканы. Так сказать: хитрые сладкие ловушки. И у каждого государства есть свои законы, ограничивающие проход в заветную зону...

— Ужас! — Признался я. — И на пляж «Бизон» не пустят?..

Тут грюкнула дверь и притащилась с пострадавшим цветком Машка. Увидев еду, Гошка радостно вспорхнул с моего плеча, но Машка испортила ему всю «малину»: она двигала горшок по столу, а мой зеленый дурачок скакал следом.

— Вы ему все выложили, дядя Жора? — Прокурорским тоном спросила сестра. — А про веер — напомнили?

Я ее чуть не убил. Пока — взглядом.

— Может, мне тут пока ...пожить? — Опекун почесал свой далеко не сократовский лоб.

...Машку его пожелание привело в ужас.(Ешь, сестрица, полной ложкой...) Это ж надо додуматься: пригласить в советники человека, живущего в коммуналке!

— Что вы, мы не хотим ...стеснять вас! — Сразу дала заднюю Машка. — Просто у Данышки перегрелась крыша: это на него дядька Мотыль плохо влияет...А еще этот жуткий спектакль: в шкаф — кузнечик, из шкафа — Чужой!..

— Какой — «Чужой»? — Завопил я. — Отряд — прямокрылые, тип — членистоногие... Гошка: покажись!

— Какой идиот поверит, что из твоего таракана может вырасти огромное страшилище?

— Гошка: не показывайся! — Сообразил я, заметив, что наш опекун (по заранее заготовленному сценарию) уже почти стащил с головы свою шляпу цвета хаки.

(Ренегат был на стороне врага, наплевав на мужскую солидарность... Сейчас он получит!)

— Мы — ждем, молодой человек! — И Родитель№ 3 стал щекотать вокруг себя воздух: сверху — вниз (словно играл на баяне).

— Чего вы ждете? — Дернулся я достаточно нервно и (в то же время вполне — реалистично).

— Фокуса! — Всплеснули они дружно ручками. Как дети, право слово.

— Царь Даниил, — сказала Машка просительно. — Хочешь, на колени встану?

— По субботам — грехи не отпускаю, — Буркнул я. — ...И что ты за околесицу несешь, не пойму?

— Потому что, когда твой «зеленый» — маленький, он — игрушка, тамагочи... Трещит тебе что-то на ухо...А вот ты сделай его большим, тогда мы во все и поверим...Правда, дядя Жора?

И этот серьезно кивнул: «правда».

— Давай, малыш, колись...

Ага, мой черед!

— Да что вы тут, с ума посходили?.. Или законов биологии не знаете? ...Как можно из амебы вырастить мамонта, а? Вы же — разумные люди. Вы, дядя Жора, даже атеист, прости Господи! Что это вас бомбануло?

Они растерянно переглянулись: и «второй отец» и «первая дура».

— Но, Данька, у тебя же есть кузнечик... Где он, кстати?

— Да вот он...

Я открыл клапан карманчика, извлек насекомое — и быстро свинтил ему голову.

— Прощай, длинноусый... — Произнес я с чувством. — Когда в тебя не верят, ты — мертв!

И спокойно подъехал к столу, где лежала новая «воспитательная книга».

— Ну вот: еще одна образцовая глупость... — Я полистал. — Вот скажите: ну кому придет в голову «прыгать ЧЕРЕЗ лужи»? Самый кайф — засечь одинокую парочку, разогнаться — и плюхнуться в центр самой что ни на есть глубокой лужи... Вот здорово!

— Ну, ты — действительно... — Начал было пан Георгий.

Но я быстренько пресек его сомнения.

— Да! — Сразу согласился я, чтоб особо не мучить гостя. — Я. Бедный. Мальчик. На *БОЛЬШУЩИХ* колесах... И у меня — передоз!

У нее, этой новой книги, была белоснежная обложка. Прямо-таки, непогрешимо чистая: как мостовая вокруг четвертого фонтана, где любят пастись парочки.

Я привстал — и нацелился в открытую амбразуру окна. И — отпустил книгу в свободный полет.

О пользе домашнего барахла

Дядя Жора больше не приходил. На прощание он заявил Машке, что раньше мы у него были: «приличные английские дети», а сейчас он — «складывает свои полномочия: пусть разбираются Родители. Благо скоро будут». Он, как «здравомыслящий человек», не может больше тащить из пропасти «эту странную семейку», где — девочка гонит пургу о каких — то монстрах, а мальчик — и того хуже! охотнее беседует с саранчой, чем с другом своего отца.

Все это он высказал почти у меня на виду: за окном, в тени липы. Он прижимал к сердцу расправленные и заново сложенные крылья книги... Я ему крикнул во след нашу детскую обзывалку: «Дядя Жора — ты обжора! Съел три шляпки мухомора...»

Сверху на него свалилась кожура банана: это Дасэр отобедал. И наш опекун ушел окончательно возмущенным.

Как и ожидалось, нас скоро «вызвали» на родительский правож: предки решили утратить *пятницу* в понедельник.

Но в доме было беспокойно: Машка объявила «вендетту молчания». Так что пельмени я варил себе сам — и сам разогревал полезное детям молоко. Общались мы с помощью резиновых игрушек-пищалок, ну — и конечно! жестов. Странное такое кино получалось...

Даже, когда я стану седым благонравным старичком, — я все-равно не пойму этих девчонок! Машка хвасталась СВОИМ мотоциклом, СВОИМ Тристаном и этим своим альпинистом — монтажником; Катька — гордилась СВОЕЙ яхтой, СВОИМ лимузином и СВОИМ шикарным кавалером (от которого даже родная мутер в восторге).

Или я — полный бакен-бок, или — это мартышки.

После восторгов (по поводу Петьки и собаки), эта курица вдруг спокойно звонит своему «кудрявому»... А потом он ей мозги полощет: «Вы — такая хрупкая, беззащитная... Когда я гляжу на вас, я вижу — маленького котенка, играющего на коньке крыши с большой пестрой бабочкой... А внизу — пропасть.»

Нет, ну вы — понимаете... Везде пропасти. И такие герои — везде. Задницу не поднимут.

Обычно мы с Машкой договаривались: какую лапшу вешаем предкам... Поэтому к пятнице мы обычно мирились. Но сейчас что-то на сеструху наехало, и придется выгребать самому.

Не успела Машка отойти от домашнего телефона, как он зазвонил снова.

Когда я подъехал, мой насекомец уже плясал на трубке: откуда-то он всегда знал, что вызывают именно меня.

Как всегда, Леха Шампур начал полировать мне уши (как он спас щенка из-под колес — и какая классная девчонка «делает ему знаки»). И как — ОН... И как — ОНА... Как они ВМЕСТЕ («утопись, братуха!») слушали ночью Дикую и «все такое...».

Наконец, он перешел к сути — и сказал, что нам пора поменяться: он вернет мне мою «ракету», (это кресло с мотором), а сам — пересядет на свою рычажную каталку...

Вот так он трепался...

А я — знал, что было на самом деле. На самом деле, когда загораются фонтаны (не бойтесь: просто *цветные струи*), Леха подкатывает к автобусному вокзалу и, прячась за цветочным базарчиком, неутомимо отслеживает всех, задохнувшихся от жары пассажиров.

Сколько раз я его ловил там: сидит, вытянув длинную, как стремянка, шею, и провожает, сканирует взглядом бредущих с шмотками...

Ждет *своего*. Даже покуривает от волнения (видел бы Савраска!.. Заставил бы схватить бычок).

И вот так — всегда. Кто ему вбил в башку, что папаня появится именно этим летом — и обязательно: на этом самом месте?

...Где вообще этот «папаня»? Посылки он шлет, как же!.. Небось, новую семью завел. И ему — вообще! наплевать на этого белобрысого прохиндея Леху, на все его ожидание, щенячий взгляд, потухшую сигарету.

А что, может — мне Леху заложить, а? Вот мочилово будет. (Савраска *таких* вообще притапливал...). И никто ко мне не доломается: я же *друга спасал*.

...ЛЮ-Ю-ЮДИ, а вы об этом никогда не думали?.. Нет, серьезно?

К «прибытию» Родителей на на экран монитора Машка оживила стол: рассовала кое-как Филимона, прикрепив к стулу (чтоб не загремел костями); поставила тарелку с бутербродами, наши семейные чашки с золотым ободком и неизбежный самовар (вернее: самоварчик под хохлому). Из своей комнаты притащила печенье и начатую пиццу. И еще — вазу с фруктами. Когда я протянул руку, она щелкнула по пальцам, сухо пробормотав (по случаю неожиданного перемирия):

— Андре принес. Реквизит.

Потом она добавила:

— Дядя Жора нас уже сдал. Доставка свою «артиллерию».

И я вытащил из-за спины коробку с крупной детской надписью «Твои любимые насекомые», и часть этих *любимцев* расставил на столе, поближе к экрану. А впереди — разместил пострадавшего от розыгрыша кузнечика.

— Смотри: улыбайся! — Приказала Машка, словно я был в тюрьме на свидании.

...Начался вызов — и тут сестрица вспомнила самое главное!

Она рванула в свою комнату, чтобы буквально через несколько секунд вернуться «в приличном виде» (это значит — скрыть безнравственный топик под безобидным фартучком: листики, ромашки...). ХОЗЯЮШКА... (не доплыть мне до финиша!).

Руками сестрица заботливо обнимала горшок, где еще таилось что-то вкусное и зеленое, рекомендованное Гренадером к вечернему чаю.

— Надеюсь, ты убрал своего «великана» куда подальше?..

Она включила вальс Грибоедова — и мы напряженно замерли.

Родители ворвались к нам, как захватчики с чужих миров!

Они — спешили... У них через полчаса — прощальная поездка к океану; анализ текущей информации — «от верного источника»; напоминание в стиле «тепло, светло, едло» — и обязательные, как зубная паста, сожаления о разлуке и ожидаемая радость скорой встречи.

И глядел на нас дивный тропический мир (это они специально подобрали: чтобы мы не оскудели душой за время разъединения). По их столу бегала, привязанная за лапку, рогатая ящерица; яркий попугай (куда ж без него?) орал дурным голосом; чьи-то черные руки (прислуга?) подали на стол блюдо с шипастыми плодами. Из плодов выскочило загадочное в своей наружности насекомое — и Гошка из солидарности тюкнул меня в шею.

Я попросил «подать» насекомое поближе... может, это заинтересует дядьку Мотыля: охотника на всякие экзогамы?

Потом нас попросили разделиться (здесь из комнаты выехал я — там, за экраном, покинул стол человек с профессорской бородкой). Пока только Машке предстояло задушевное материнское слово о предстоящем выборе пути и возможных «кознях» охальных курортников... Только потом Родитель№ 2 начнет (в который уже раз!) выстраивать из меня «настоящего главу дома».

Жалко, что мы с сестрицей разругались: как весело мы обычно хохмили над заведенными порядками предков!

Своего «друга семьи» они, конечно же, не сдали... Наивные старые «плешки»! Вот такое папа-шоу: Родитель№ 2 из какой-то корзинки выпускал кучу мелкой местной фауны... Я так и не понял, что он там наловил (или — для него наловили!). Но моему насекомцу — это понравилось! Он вообще — общительный «парень», вы заметили? Он стал скакать по столу, обходя наши искусственные фрукты. Лицо Родителя вытянулись... Тогда он сразу перешел на «спортивные достижения»: собираюсь ли я в сентябре *надрать задницу* Лешке Шампуру, обошедшего меня в мае?.. И пошли в ход старые ржавые доспехи: о фамильной чести Кузнецовых и — настоящих мужских поступках.

Я сразу заткнул эту лажу: сказал с улыбкой, что звук — плохой, я его совершенно *не слышу*; и он тут же испуганно позвал Гренадера... И они со страхом глядели на безобидного моего приятеля, смоктавшего что-то из забытого Машкой горшка.

Я долго ворочался в эту ночь: все мне мешало, потому что — будоражило и томило. Я не лежал уже, а сидел — а Гошка бегал по спинке дивана.

И я думал: «Знаешь, братец, как мне осточертели все эти «хитрые» отцовские подходы?.. Лучше бы он меня «ремнем поучил» (как, по словам Лехи, воспитывал его самого отец, пока не сбежал...); Или — в угол поставил (нет... Это смешно: коляску — в угол?). И поэтому — он бродил вокруг меня, теребя свою чеховскую бородку и не зная, как меня наказать в очередной раз... И подверг меня самому злему остракизму: выгнал из жизни в классику. До сих пор ко мне приходит ужас всех обезноженных детей: девочка-нянька, задушившая хозяйского ребенка. Она садится на мою постель (с этим, уже мертвым младенцем), и говорит, ласково шлепая меня по коленке: «Дети иногда так мешают, что просто ужас!»

И я — цепенею: хоть на руках — но хочу отползти.

Что-то зашелестело за моей спиной, вздымаясь и отряхиваясь... И холодная арматурная лапа легла мне на плечи. Я вздрогнул, сжался... теперь я уже сам чувствовал себя маленьким: два огромных овальных глаза глядели на меня спокойно, без жалости. *Он просился в мою душу всерьез*. Наверно, целую минуту мы паниковали (как два контрабандиста, столкнувшись на границе).

Потом он расправил себя самого до потолка, тускло блистая зеленым покровом.

Странное вообще было ощущение (словно я опять — на врачебном осмотре). Он сдвинул в сторону мои бесполезные ноги — и уселся с краешку на диван. Челюсти, жвалы (или что там у него?) слегка разошлись — и я услышал писк мыши, попавшей в западню... Я уже знал, что именно так он «умирает со смеху».

«Видишь, — сказал он, — маленькие, мы все — беззащитные...»

— Ну, если тебе нравится быть маленьким...

«Нет, это тебе удобно: можно запихать в неудобный карманчик — или отправить щелчком в неизвестном направлении. Ты даже не знаешь, сколько у меня врагов — там, за окнами. Одно черное псовое чего стоит!»

— От Тристана я тебя как-нибудь спасу, — заметил я. — А если тебя приодеть — никто ничего не поймет. Это же курорт!

«А про гравитацию ты забыл, человек? Я задыхаюсь от земной тяжести.»

— Тогда седи — и помалкивай в своем...моем карманчике!

«Видишь ли, царь Данька...На нашей планете нет понятия: мелкий, значит — ничтожный, слабый, которому всякий может дать пинка... Маленький, но разумный! все-равно считается у нас *взрослой особью*. Имаго! А тебе еще только предстоит последняя «линька: переход в высшее гражданское сословие.»

— Откуда ты все знаешь, глазастый?

ОН как-то грустно вздохнул: и усики-антенны плавно покачнулись, легли на крылья, как в траву.

«Вот чем ты мне нравишься, человеческий организм... Много у тебя вопросов, но гордыни — еще больше! И ЭТО МЕНЯ УСТРАИВАЕТ... *Ты* *ходишь* *кругами*, *как стрекоза над водой*. Не шипишь что-то из норы, будто Краб-отшельник. И друзей фактически нет. В твоём мире — точно! Да и на моей планете ты бы жил под одиноким листом, горе-царь! Я, как будущий Воспитатель, это вижу.»

Хоть рассмешил...

Башня. Встреча

Мы ехали к Башне. Башня эта (высокая кирпичная дура), была за старым морским вокзалом. Раньше там то же был пляж: мы на нем семейно загорали. Мне тогда казалось, что это завод — провалился в песок, оставив одну трубу.

Башня и пляж сейчас заперты длинным унылым забором. Воротца есть, но и они — вглухую!

— Что мы там забыли, Гошка?

«Твое дело — крутить колеса!»

Так и хотелось...

Но я — промолчал. Спорить с дурацкой комахой... Он, конечно, прав кое в чем: вопросы у меня были. Но это он приперся ко мне, а не я — к нему. Разве не так?!

Невидимые барабаны разбудили под утро — и голос, нагло пробравшийся в башку, сообщил: что ОНИ — уже близко (да на здоровье!), что скоро будут (плясать, что ли?) — в общем; «Хай-Тоба, Хай-Тоба», не фиг спать...

Я перекатился злой на диване. Бестолковый советник мой рыскал по столу на передних — ага! коротеньких, беспомощных ручконожках... То же мне, ходить толком не может, «хвост» задрал... — а ту да же, *пришелец!*.. У-у-у, дрожу от страха.

Потом это чучело важно пошевелило усами: «Есть у вас Башня за старым вокзалом?»

Все у нас есть...И тогда он *приказал* ехать.

...Многим мы с Машкой обязаны почтальонке Зине, но самое важное — это простое и надежное средство домашней коммуникации, которое мы нашли в очередном мешке с барахлом, доставленном письмоношей. Там еще записка была, само собой — «бедному мальчику на колесах». Какие-то доброхоты выставляют у почты...

Барахло нам не пригодилось (все ненужное Машка оттащила в детдом поблизости). Но — оставили две погремушки: и вот они-то нас выручали, когда мы играли в молчанку.

И в это утро я пустил трещотку в дело.

Спросонья Машка даже не вспомнила о ссоре. «Куда ты?», — спросила она.

— Гав-гав! — Отсеял я, что означало: не твое собачье дело.

Машка кивнула, но потом сделала упреждающий знак. И я подождал, пока она сварганит пару бутербродов и нацепит мне на башку утконосную шапочку от солнца (она их — уйму по случаю закупила, потому что я их *теряю*).

На площадке перед входом заседал «педсовет». Старушки заворуженно следили за ББГ; белый господин, как всегда, стоял под липой — и кормил своего шофера: узенькая мордочка свесилась к дарующей руке и — мать Божья! облизывалась при виде шикарной гусеницы.

Гневно переглядываясь, бабульки пожимали плечами; одна Мелания Сидоровна вслух озвучивала всеобщее негодование: «Стыд потерял...А этот, из колониальной Африки — терпит...Должно, хорошо платят. Вон — и кузнечика на закуску!»

При слове «кузнечик» очнулся и забарахтался мой Гошка. Вчера из двух спичечных коробков и трех скрепок я соорудил ему вместительное укрытие — и пристроил на правом плече.

«Добрый господин! — сказал Гошка. — И хозяин заботливый...»

ББГ приказал Дасэру подать лимузин прямо к пирсу и — величественный! Ушел, на миг

заслонив от старушек солнце.

Мы пробирались сквозь утреннюю толпу курортников: с неизбежными надувными лебедями и полусонными голосами детей. Солнце — как постовая служба, тормозило всех, забывших панамы. Галдящие дети крутились возле колес и пришлось свернуть в узкие проулки Старого Города. Здесь поджидала другая беда: брусчатка! Радуйся, тренер: я набиваю мускулы... Как ты и советовал нам, рукоплавающим!

Гошка поворошился на плече — и затих. Как все кузнечики, он ночной охотник. А днем его плющит в сон. «Я же — не саранча какая: веганом скакать целый день», — объясняет он. «Я — из рода Длинноусых Кавалеров, сто тридцать восьмой потомок: любитель личинок...»

По левому колесу выросли Гезлевские Ворота и моя дорога нырнула в тень; я будто купался в этом полумраке. Когда-то в каменную арку Ворот загоняли стада и пленников. Теперь она просто нависает высокой земной твердью. Не дождавшись вечера, местные самодельцы в кожаных фартуках уже вовсю лепят, чеканят и что-то высекают у станков по берегам мелкогудящих улиц. Малый Иерусалим, ремесленная улица.

Никак нельзя проехать мимо чайханы. И даже не потому, что там нынче царит (ханствует?..) бобо Худайберды: отчим Катьки.

Сейчас у него — пик! Значит, вернулся из «опасной, как обычно», правительственной командировки... и по этому случаю: сабантуй. Ничего особого: сидят за низкими столиками обычные узбекские мужички; пьют чай, ловят слова, никто не шутит. Хозяин бегаёт с чайничками и утирается хвостом полотенца, пришилленного к фартуку.

А послушать — есть что.

Дядя Худай терпеливо обрывает лепешку (словно гадаёт на ромашке). Он — задумчив; он крадется по следам пережитого...

— Оди тарелка над городом... Начальник молчит. А потом — вдруг! Говорит: «Худайберды, батыр — уже вторОй тарелка над городом... Что делать будем? Ха-Ха-ха!» — Смеются и уставшие от напряжения гости: теперь можно. (Видно по лицам, что опасность для родины — миновала!).

— Серьезная у тебя служба, братец! — Сочувствует чей-то отвлеченный голос из глубин чайханы.

— Да! С небе лепешка не падает... Ха — ха — ха!

А совсем еще молодой джигит напоминает, надеясь на продолжение:

«ВторОй тарелка, бобо...».

И тогда дядя переходит на шепот, как и положено разведчикам. (Я прямо вижу, как припухают его и без того узкие лезвия глаз.)

— Полковник к себе зовет... «Что делать, что делать, ай?.. Спасай, Худайберды...»

Изумленный шумок. Пауза: на пол-глотка пиалы. Подсказки: «Шайтан это. Сбивать надо...»

Публика замирает: синхронно покачиваются тюбетейки... Что будет, что будет!..

— Сбили? — Не выдерживает подсевший.

— Полковник сказал: «Зачем сбивать?» И я сказал: «Тогда — не сбивать!».

И вновь — уважительная тишина. Опять несется хозяин. Несет чай на доньшке. А полную чашку наливать — не положено. Это Катька давно нам объяснила.

Выкатываюсь на широкий проспект, дую к морю с горочки.

Щелкнул по коробку: «Ты там не сомлел?»

«Накрой меня влажным листом!..»

На лету выдергиваю из-под колес подорожник. Вода...Где вода?

Ага, вот. Девочка в раздельном купальнике стоит возле пирса. Минералку пьет. Как там Леха выходил из положения?

— Мадмуазель! Одну каплю — для страждущего!..

И — подставляю две спаянные в чашу ладони. Она льет свой нарзан — и так славно хохочет, закидывая голову от смеха:

— Байрам моей души! Рахмат!.. Мерси! Спасибо...

И я уехал, украв с собой ее смех.

Потому, что она сразу замкнулась.

Я давно понял, что самые искренние люди — те, что смотрят инвалиду в спину.

А вот и одно из моих любимых местечек. Старые мачты уже не звенят; да, ветер уснул. Яхт-клуб превратился в *клуб рыбаков*. Их окаменевшие спины — на фоне бликующей воды; еще — неизбежные кошки. За каждой удочкой — своя.

Мне нравится, что спины никогда не оборачиваются: ни на шаги, ни на скрип колеса. Все, едем дальше. А дальше — НАШ забор.

В тени забора я притормозил. Воротца, припорошенные прошлогодними листьями, заперты. Тут что-то вроде тупичка: слева — ненужный уже вокзал, справа — такая же заброшенная стена. В конце проулка — низенькое зданье наподобие крепкого сарая... Оттуда уже ковылял мужичок, по дороге соображая: как лучше до меня добраться: через заваленный солнцем проезд — или, сделав много лишних шагов, протащиться под сенью ограды.

— Подъем, Гошка! — Сказал я. — Вот твой забор, вот твоя башня...

Мой насекомец выпорхнул из коробка — и сразу же по-хозяйски шмыгнул на подлокотник.

«Забор — высокий. Но — четыре хороших старта... Тут есть от чего оттолкнуться.»

— А что мы тут забыли?» — Вставил я на правах шофера.

«Увеличительное стекло.»

— Убил!.. Увеличительное стекло лежит у меня в столе: левый нижний ящик.

Но он даже не выслушал. Маленький зеленый попрыгун в четыре маха одолел стену — и уже гарцевал на самом верху. И его там ВСТРЕЧАЛИ: сто тридцать восьмой потомок Длинноусых Кавалеров с кем-то *раскланялся* — и тут же исчез!

Зато дворник нарисовался: чудной дядька, вовсе не старый — в охренительной бейсболке, надетой задом наперед. Похож на бомжа... Реденькая бородка (по жизни, а не по моде); подопухшее спросонья лицо. Ноги свои он подтягивал так, словно одолжил их на свалке.

Сейчас он опирался на метлу: такую — же иссохшую, корявую — но вполне рабочую. Вот еще что: лапсердак — с чужого плеча. Но «чужие плечи» были гораздо шире (так что он в нем — напоминал Филимона.) Были еще пятнистые штаны, выброшенные каким-то воякой после трудоемкой операции захвата.

Мужик пожевал губами, призывая к вниманию. Потом он долго глядел в пронзительно голубое небо... И наконец — сделал вывод:

— Катись. Территория запретная.

— А почему — «запретная»?

Он пожал плечами: «откуда я знаю?»

— Нельзя. — Мне друга ждать... — Я сыпанул ему мелочь в заскорузлую ладонь. — Вот, не суетись. Скоро — уедем.

Он задумчиво рассмотрел подношение, сгреб в карман, что-то там себе домыслил — и раздраженно отмахнулся от ненужных соображений. Потом сел в тень. Но перед этим — достал из списанных штанов плоскую флягу — и удивленно изучил ее на свет.

— За тебя, сынок! — Выдал вдруг дворник. — За таких, ка ты.

И он хлебнул своего заздравного пойла. Ну не сволочь? Что он имел в виду, ЛЮ-Ю-ЮДИ? Еще и трофей свой с помойки — классную эту шапчонку, стянул с затылка и прикрыл свою наглуую рожу. И вдруг эта иноземная шапка прилипла к его хारे, засосала под себя... — *и начала расти*. БЫСТРО, как возможно только во сне (ну — или там в фильме ужасов!); и выросла и сама стала стеной и — нависла!.. А забор этот и вовсе загородил все пространство... Еще я ничего на понял, а сверху — уже наезжала исполинская морда с выупленными очами-дирижаблями...

Я забил руками, ища рычаги — но вокруг была только странная пустошь из протертого коленкора.

— Ну что! — Загрохотало надо мной эхо. — Есть у тебя такое увеличительное стекло, пацан?

— Гошка! — Выдохнул я. — Скотина! Верни меня!..

— А вот с этим, пожалуйста, к мамке... Так я тебя и передам: в спичечном коробке со всеми удобствами!

...И вдруг я с ужасом подумал: а ведь с него станется! Вспомнит все тычки и подзатыльнички — и останусь я *букашкой*. Еще и проглотит невзначай: он их *любит*, букашек!

— Это же шутка? — Запаниковал я, ползая по старому сиденью. — Это великолепный прикол, да, Гошка?..

— Пока, конечно, Гошка... Запоминай, человек... ТЕТТИГОНИОИДЕА — вот мое клановое имя! И стану я кавалер Тэтти-Гон из славного рода Длинноусых! Но это — не сейчас; когда пройду экзамен. И получу самую главную должность на планете Цветущий Луг... Впрочем, ты можешь иногда называть меня так: Тэтти-Гон... Когда никто не слышит.

Заболтавшись, он так шумно вздохнул, что меня чуть не выбросило шквалом из кресла... Вот бы он потом меня искал!

— Тэтти-Гон, — произнес я торжественно, ухватив самое важное из его выступления. — Отныне мы с тобой — друзья. Всепланетно — и навек!

И тут же я ощутил, как моя взмокшая спина буквально прилипла к спинке кресла... А сам я, букашка недостойная, обеими руками *цепляюсь* за подлокотники, а не катаюсь у их драной подошвы. И я просто сидел, радуясь уже тому, что небо — далеко, а сердце во мне стучит ровно.

Напротив, закрыв бейсболкой лицо, замер дворник. Вот он медленно-медленно стянул с лица занятную свою кепочку... А глаза все-равно были замурованы страхом. С трудом он развентил себе веки — и очумело уставился на коляску.

...На меня — большого и красивого.

— Черт-шайтан — дьявол... — Пробормотал он, отряхиваясь от морока. — Ты — опять здесь?

— Я — *всегда*, — сказал я свое любимое. — Я буду с вами *вечно*!

Он поискал рядом свою надежду: но пойло его уже впиталось в местную землю.

Едва мы выехали на Набережную, как я не утерпел: пережитый страх потребовал сатисфакции.

— Тэтти-Гон, уважаемый потомок...ну — ты сам знаешь, какой по счету... Какое у вас — самое известное ругательство на планете?

«Чтоб ты съел сколопендру!..»

— А еще — хуже?

«Чтоб тебя съела сколопендра!..»

— И это все?

«Нет...Есть и страшнее между кавалерами: «Ты — настоящая Сколопендра!..». И тогда — дуэль.»

— Насмерть? — Оживился я.

«Нет. Позорное тавро: вплоть до исправления. Поэтому: в тайном месте.»

...Не, ну — какие они заносчивые на этом своем Цветущем Лугу...Я знаю: у нас то же были каторжники — с клеймом на лбу. Так они его сами выжигали: огнем! И — никаких вторых шансов!

7. Айше

Айше: высокая и недоступная

Айше — это моя *тайна*.

Встретились мы судьбоносно. Гремела музыка: город праздновал открытие летнего сезона. У наших предков то же был «африканский сезон»: и мы в толпе пробирались, как птицы между колосьями.

Наконец я прибился к Чернобыльскому скверу (где каменный мальчик запускает каменного журавлика): отсюда мы с Лехой должны были слушать концерт.

Прибыл Леха не один: его — здорового лба! (ну — это применительно к росту...), сопровождала неунывающая бабушка.

Мы с Лехой с виду — никак не «бледные заморыши»: руки — весла, «грести» — то есть управлять рычагами или колесами, можем прекрасно (когда поблизости нет «ходячих» — такие гонки устраиваем: никакой сестре, а уж тем более — старушке! ни в жизнь не догнать.)

Сколько он ни просил свою БАБЦУ — прекратить его нянчить! — эта упертая бабуля всегда сопровождает «мальчика» на общегородские зрелища. И *каждый раз* Леха проделывал один и тот же финт: посылал бабцу за мороженым, а сам — как полоумный, неся через пустую площадь, там подныривал под оцепление (кто остановит колясочника?) — и смешивался с толпой. Мне вот такие ухищрения были ни к чему.

Когда он подъехал (злой и сердитый), я уже страдал от грохота в ушах. Не выношу эти отбойные аккорды, но — праздник (куда денешься?). Вот я и не девался никуда, а молча, пригнув голову, слушал наставления говорливой старушки, ну — «чтоб я приглядел...» и прочие глупости. Машка давно уже от меня сбежала: они с Катькой Миллер поджидали праздничного шествия: основной заманухи любого нашего торжества.

Как назло, мороженщица куда-то слиняла; бабца осталась ее ждать — а мы с Лехой рванули к Каменному Мальчику. Здесь у Лехи была своя «дорожка», заплывать на нее было можно, но *хамить* (в смысле — встречать!) запрещалось.

Летом у памятника — всегда люди. Кто-то возлагает цветы, кто-то фотографирует... А вот эта девчонка — на очень дорогой швейцарской коляске, просто болтала через спинку своей коляски с высоким молчаливым джигитом. Левая нога — вроде нормальная; зато правая — вытянута на всю длину: в бинтах и гипсе. ДТП. Скорей всего — ДТП. Через полгода их «швейцарку» будут продавать на каком-нибудь сайте для инвалидов.

Леха уже вписался в тему. Расправил плечи, надул грудь барабаном — и был сам себе королем (хотя и сидел на замухрыжной «турке»)! Очень ловко он узнал ЕЕ имя, имя ее «погонщика» — и уже очень скоро вещал про свои тяжелые метры на длинных дистанциях.

...Ох и заливал! Даже медаль предъявил (единственную! За мой *проигрыш*...); он ее теперь постоянно возил в своем «багажнике» за спинкой.

Но медаль, к его удивлению, впечатлила не девицу, а ее погонщика Тимура.

— Вот кого ты мне все время напоминаешь — Принцессу! — Тарахтел Шампур, нимало не смутясь. — Москва у нас кино снимала, так там была принцесса: вылитая ты, Айше!.. Это была ты, признавайся!..

А я все сидел и ждал, когда эта очередная «прИнцесса» (или сопровождающий ее брат), наконец, врубятся, что мы на самом деле — не симпатяги-коллеги по ДТП, а самые натуральные ДЦПэшники (хоть я, например, не ДЦП — отлично знаю, что народ нас всех —

обезноженных, складывает в одну корзину)... Поэтому все эти *вальсы* Шампура заканчиваются одним и тем же. Звонит позже строгий дядя: «Слышь, пацан: рули-ка ты подальше от нашей (дальше — имя)... Успехов тебе в спорте!».

Чтобы не маячить, я покатил в сторону неглубокого сухого бассейна: как-раз напротив Каменного Мальчика. Целый счастливый век назад я ШЛЕПАЛ по мелкой воде этого бассейна: среди других, счастливых и голопузых.

Интуиция заставила меня обернуться: это была ОНА, вырвавшаяся из Лешкиного плена.

— Вы всегда так выразительно молчите? — Спросила Айше.

На — «вы». Все они, такие — на «вы»!

Я молчал. Я молчал и тогда, когда подъехал Леха и вручил *моей Айше* фиолетовый цветок, сорванный с ближайшей клумбы. И вид у него был, как у альпиниста — добывшего эдельвейс с горного пика.

И принцесса — улыбнулась, и Тимур благосклонно кивнул.

Так вместе они и пропали в толпе, а я — задержался. Я *завидовал* Мальчику. Обожженному радиацией, с этим — бесполезным «бумажным» журавликом.

Он БЕЖАЛ, этот Мальчик. Пусть к своей гибели — но он БЕЖАЛ!

А я — ЕХАЛ.

К долгой и счастливой жизни...

Встретился я с ней только через год: и снова на открытии сезона. Это было как раз перед соревнованиями. Вновь музыка гремела; вновь — толпа; Мальчик со своей птицей в руке — и опять Леха, спасающийся от настырной бабки.

Я засек его издали: он полоскал мозги очередной юной курортнице.

Лавируя, я ушел в обход — и успел проскочить к кинотеатру. Шествие только началось: шли акробаты и гимнасты в ярких трико; шли баянисты и трубачи; шли целые ансамбли — болгарские, немецкие, татарские, греческие: в своих костюмах и со своими музыкантами; шли певцы и певицы, подметающие новенькую площадь — новенькими же подолами. Да что там говорить! Крутилось, плясало, звенело курортное лето.

И вдруг притих, затих, умер весь этот многоголосый гам... Встречали хвост колонны, — встречали ВЕЛИКАНОВ! И снова разом загрели фанфары (О, мои бедные уши!), загудели трубы, забили тамтамы.

Ходулисты!.. Вот настоящая любовь нашего города!

Они не просто шли: они ВОЗВЫШАЛИСЬ над мирской суетой, над визжащей толпой. Плыли на недостижимой высоте *дамы и кавалеры*: золото и парча каскадами струилось к жалкой земле; у них не было лиц — только маски: лики цариц и победителей... Они — шествовали; и этим все сказано.

Затихли приветственные грома из динамиков, и в тишине толпа обступила своих любимцев. Первыми ринулись дети, путаясь в шлейфах; мамки судорожно вертели в руках бесполезные айфоны: дети и артисты — в кадр не помещались.

Я оказался в счастливой изоляции: просто вертел вокруг головой — и радовался суматохе. И тут с небес — донеслось:

— Вы всегда так выразительно молчите?

Я дернулся, вцепился в поручни. Даже — сделал попытку... вскочить.

И стал просто глядеть на нее снизу, забирая к себе взглядом. Длинное, как зима, белоснежное платье... Я забрался глазами до руки, затянутой по самый локоть в ледяную

перчатку. Я не выдержал: «сбежал» вниз очами.

Странно... Дети вокруг нее не крутились... Ледяная Дева?.. Снежная Королева?..

Какой-то умник попытался зашвырнуть к ней навверх букетик чего-то яркого... Она резко отшатнулась, взмахнула руками — и веер, которым она прикрывала лицо, выпорхнул на свободу — и стал планировать чуть левее от меня. Я еле успел; уже с добычей я бешено завертелся на своем пяточке (забыл про тормоз!), но тут набежали дети и стало тесно, как в очереди за какой-то дешевой ерундой.

«Дорогу!..», закричал я, стараясь не упустить из виду белый подол. «Дорогу, пожалуйста!..»

И радостно подхватила толпа: «Дорогу, дорогу... Мальчику плохо, дайте дорогу...»

Кто-то совал мне воду; чья-то богоспасаемая рука — недоеденное мороженое.

Я бешено гнал своего «коня». Все — мимо! Все — мимо!.. Не трогайте меня: мне не надо вашего сочувствия... Дорогу! Дорогу... Разве вы не можете дать мне дорогу?

Умоляю!.. Не протягивайте слишком далеко «руку помощи»... Когда я захлопну душу — я придавлю вам пальцы!

Шум слегка изменился: впереди меня (!) уже бежали черные слухи.

Я узнал, что на площади «ужас что творится»; что какие-то хулиганы «РАЗДЕЛИ ходулистку» и что руководит бандой «хитрый ОБЛОМ, притворившийся инвалидом»...

Я хлопнул себя по лбу — и рассмеялся.

До слез...

Прощай, Айше?..

В тесном переулке, в дальнем закоулке

Я понял одно: не хочешь встретиться с Миллерами — вообще не выезжай из дома!

Возвращаясь от Башни, я сделал довольно порядочный крюк. Но тихо вписаться в свою улицу не получилось. На перекрестке меня догнала чужая тень. Я не люблю, когда за спиной напряженно дышат (да еще так настойчиво).

— Гутен таг, джигит!

Приехали... В *самое* пекло. Но всего в двух поворотах колеса манил придомовой затишек от частных строений. «Давай туда!..», приказала Эмилия Карловна.

Я скосил глаза. Платьем она мела ущербный асфальт; а лицо... Вот права моя знакомая художница (Графиня О.): знакомые лица описать невозможно! Можно — только сравнить с кем-то (или чем-то), живущем в сознании.

Я, например, вижу Катьку — грудастой дойной коровой; Леху Шампура воспринимаю как офеню из старинных лубков (языкатого и не унывающего); дядя Жора, конечно, мушкетер — не сумевший сделать карьеру; Андрэ — «неоновая звезда»; а моя Машка — это подарок на Рождество от неизвестного друга (который и открыть страшно).

Сама фрау Миллер напоминает *черную даму*, растущую вверх (не помню художника, но *дама* — актриса). Вот и сейчас: она выросла у меня на пути.

— Променад? — Светским тоном осведомилась Эмилия Карловна.

Я такой разговор называю ДОПРОСОМ. Она — выше, я — ниже... Она видит глазами, чувствую ее затылком. Красота...

— Я не задержу тебя... Мне надо знать. Узнать... Да!

Я дернул плечами. Узнавайте!

— Что ты... Что ваша семья имеет против... владельца швертбота? Почему Мария его игнорирует?.. Да и ты — то же.

...Спохватилась... Захомутили твою Кэтрин: дородную девочку — мечту честного бюргера. У нее на уме — только эти, как их, *пропендулли*. Подвески на тему царской короны.

— Он — деловой человек, да, — продолжала фрау Эмилия вслух, даже не озаботившись встать напротив, чтобы я ее видел. — Теперь серьезная речь. Я хочу иметь гарантии... Этот молодой мужчина делал твоей сестре Марии знаки внимания? *Непродуманные предложения?*

— Не успел. — Ответил я гордо. — У нее ...есть друг. Защитник. Тристан.

Она даже не удивилась. Есть Изольда, найдется Тристан. Учите немецкий фольклер.

— Хорошо... Я получила интересное предложение. Когда ты поговоришь с сестрой?

— О чем? Я с ней вообще не разговариваю.

Она, наконец-то, сделала шаг вперед. Теперь я мог видеть ее профиль. «Кошка, поджидающая мышь.»

— Я прошла мимо ваших окон... Девочки — там, секретничают, это ужасно! Их тайны — наше беспокойство! Скажи сестре, что ей нельзя мешать подруге. Они выросли; теперь у каждой — своя дорога. Кэтрин повезло первой: не нужно завидовать. Лучше пожелать счастья... да, счастья.

— Ферштейн! — Согласился я.

Она собралась идти дальше; черная фигура уже пересекла мою линию зрения, как

вдруг...

— Майн готт! Сидите, не двигайтесь!.. — И она почти упала на меня, выставив вперед кроваво окрашенные ногти. Один из этих прокуренных пальцев стал пробуравливать щель между моим бедром и боковой стенкой кресла... И тут до меня дошло:

— Не трогайте! — Завизжал я. — Вы ему голову оторвете!..

Но тут случилось неожиданное: появился *другой* кузнечик, и Эмилия Карловна — не изловив еще первого! просто обхватила все кресло своими противными граблями — и стала мотать и встряхивать, встряхивать и мотать (словно сушила макароны).

— Хватит... — Шипел я, отбиваясь. — Не трогайте их... Ауфвидерзеен, фрау! Хенде хох... Да что вам сказать, чтоб вы поняли?

Эмилия Карловна гордо выпрямилась — и сама себя оцепила сплетением рук (как на той картине). Весь вид ее говорил, что она жалеет о своем подвиге.

Вот так я и проводил ее взглядом (заарестованную собственными локтями); потом я выехал на солнце ...и еще раз глянул туда, где оседала пыль от ее подола.

Я достал Гошку — и возложил его на одр ладони.

«Я только начал брачный танец, — жалобно пропищал он. — Где моя подруга?»

— Смылась твоя подруга, — сказал я мстительно. — Девчонки — они такие.

«Правая среднегрудная ножка... — Пропищал он. — Как я буду *ходить*? Теперь мы — РАВНЫ, человек.»

Он еще шутит...

На подъезде к дому меня подсек шустрый малый: хилая, неудачно скроенная родителями особь. А по-курортному — великолепен. Тельняшка, обтрепанные укороченные джинсы + намордник гориллы. Он так смешно упал, задрав не то детские, не то взрослые (на лилипута) ноги. А самокат его даже не развалился. Навороченный такой самокат: его покупают излишне активным детям, чтобы дали дедушке почитать.

Я ему все сказал, лыбясь на эту его обезьянью личину. Он слушал молча, а потом схватил свой драндулет «за рога» — и, вскочив, резко оттолкнулся худой незагорелой лапой.

Под липой дежурил «педсовет». Все дружно заткнулись на мое «здрассте», а тетка в мужском пиджаке полезла, как всегда, за конфеткой.

А я злобно глядел в наше распахнутое окно. МОЕ окно. Андрэ там восседал. Он крупно хорошо сидел в кадре — и что-то щebetал, выскребая из своего багажа. И Мари и Кэт — слышались где-то там, но не мелькали: суетились, так сказать, за кулисами.

Почему-то мне захотелось испортить им раут. Если б, к примеру, я ХОДИЛ — я бы... Я бы — да! Сорвал маску у того малого — и запрыгнул в окно гориллой! Умора, финиш...

Какое право они имеют веселиться в моей комнате?

Есть у Машки — своя... Так нет! Тянет всех сюда. Ну, погодите.

В коридоре, стараясь не скрипеть, я пересел в домашнее кресло. В этом кресле я и появился в Машкиной комнате. Здесь я старался не шуметь, но меня — слышали. Сразу две дуры бросились к дверям, уговаривая попробовать что-то «сногшибательно вкусенького». У них — нынче: немецкий штрудель. Ага, в узбекском исполнении.

— Рахмат! — Крикнул я через дверь. — Данке... И подавитесь!..

Ну, теперь я до вечера свободен.

— Потерпевший, вы — где? Я буду вас лечить. — Громко объявил я.

(Интересно: они еще под дверью — или возмущенно обсуждают «этих хамских мальчишек»? Андрэ они не касаются: он перешел в стадию *юношей*.)

«Потерпевший?..» Ты забыл даже родовое имя?»

— Нет никакого Тэтти-Гона! Есть маленькая пострадавшая букашка...

«Ты — наглеешь, человек.»

— Да. Я наглею. От недостатка жилплощади. Ну, рассказывай... как у вас там врачуют...

«Нужна паутина.»

Я даже обрадовался.

— С моей хозяйшкой — это не проблема. У нас в ванной живет паук Сережа.

«Сережу — не надо. Намотай паутину на карандашик.»

...Ничего у меня, большерукого, не получалось!.. То паутина рвалась, то спичка — ломалась. Наконец я не выдержал.

— Гошка, Гонша, — как тебя там? А ты не можешь стать большим?

«Могу, — грустно заверил он. — У меня же — Увеличительное Стекло.»

— И я сделаю тебе хорошую перевязку!..

«Не получится... Травму надо лечить в том формате, в каком она получена... Осторожно!»

— Капризный ты, друг! Да мне проще еще одного кузнечика отловить, чем тебе шину присобачить.

И знаете, что этот увечный изрек? «Мне, — пропищал он, — «то же по нраву был бы другой мальчик, а не этот *толстохитиновый* эгоист!»

И дальше — он начал меня грузить про сто тридцать восемь поколений своих предков: какие они все были замечательные, добрые, великодушные!..

Да ладно. Знаем...

Все-таки я закрепил ему лапку. Он, кажется, немного покемарил... И вдруг — оживился! Даже усики задрожали, делая акустическую разведку.

«Царь Данька, — услышал я восторженный писк. — Хочешь послушать, что говорят про тебя в твоей комнате?»

— Если с картинкой — то давай!

И тут же Машкин плакат с «Основными психологическими типами» — резко запестрел, «поплыл» — и слил всю эту лабуду в плинтус рамки... — и открылось окно в залитую солнцем комнату: МОЮ комнату.

И я пять увидел Андрэ, и он восседал во главе стола; и несколько кусков рулета с двойным гражданством еще теснились на его расписной (из сервиза!) тарелочке. Андрэ был в ударе. Черные кудри метались в такт вдохновению; он впаривал девчонкам очередной стих:

Как лань быстроногая —
Бежит наперегонки с ветром...
О, нимфа!

«Безобразие! — Возмутился Гошка. — Покажите мне *нимфу*, которая **бежит**... Все знают, что нимфа — это бескрылая особь, не достигшая возраста имаго. Ей еще линять и линять...»

— Так его, красавца! — и я бесшумно поаплодировал.

Отстрелявшись «домашним уроком», Андрэ тут же забросил пальцы на край тарелки.

Однако тут же спохватился, бодро распишал еду по периметру — тем самым освободив центр, и голосом суфлера предложил считать мисочку «малой сценой». Тут две законченные *театралки* аж взвыли от священного трепета.

— Вот гад, — сказал я, запоздало облизываясь, — Не съест, так — перемацает!..

«Мухи всегда *пробуют* пищу лапками», согласился страдалец...

А девчонки синхронно взглядывали друг на друга — и восторженно кивали: да, здорово; здорово так балдеем, да?.. Балдеем здорово, ну!..

И тут над моим «космическим» подоконником выросла...фиалка! Простая, земная фиалка. Покачалась, словно не решаясь войти — и легла на «кнопку переключения скоростей». Андрэ быстро схватил ее — и швырнул в центр предполагаемый «сцены». А потом сделал каменное лицо (вроде эти фокусы — его хобби) и заявил, что пришел не только говорить, но и слушать.

И все стали слушать Катьку. Вчера она была в Тропик-Парке (это — рядом с нами: частный зоопарк с уклоном в экзотику). Змеи, обезьяны, рептилии...

— Там есть кайман Сеня... — Пояснила девушка. — Вот бывают просто крокодилы, а тут — кайман! Импортный гад. Знаете, как ему не дают скучать?

Публика не знала.

— Берут шест — и пихают в бедную тварь!

— А зачем? — Не поняла Машка.

— Для «обогащения среды»! Чтоб он, значит, не скучал вдалеке от родины. Здорово? (И сразу — без перехода!..) Так вот я подумала: что это у нас Данька смурной ходит, с гусеницами связался...Надо его расшевелить!

Я вдруг понял, как жил все это время: в ОСАДЕ. Дверь летом не запрешь — в окна влезут; В коридор смоешься, тебя и тут выловят, как беспризорника! С самого детства (при тихом соглашательстве сестры) эта Катька измывалась надо мной: запрут к себе в комнату — и примеряют чепчики там, кофточки — и что-то взрослое: из шкафа. Я для этих рукодельниц был верхней половиной куклы — мальчика.

Мне захотелось ее убить.

— И вот тут прочитала я объявление на стройке...

— Ты у нас — уже специалист по новостям из «Бизона»! — ехидно перебила Машка.

Но Катька совершенно невозмутима. Сейчас — ее выход!

— Так вот: во время карнавала! Благотворительная акция! Конкурс колясочников!.Приглашаются...колясочники! Главный приз...

— Коляска. — Вздохнула сестра.

— Рекламная пауза! — объявила Катька — и вцепилась в свой собственный штрудель по-узбекски.

ЛЮ-Ю-ЮДИ! Вы не замечали, что все мы себя рекламируем: просто одни претендуют на «повышенный спрос», а другим — достаточно скидки.

— Не понял, — помахал фиалкой Андрэ. — Какое место на нашем празднике будут занимать прикованные к коляскам люди?

— Новый взгляд на мир, господа! — Объяснила Миллер. — Интеграция «прикованных» в людское сообщество... Там еще эта...общага для них будет: ЛОГО-ХАУС, слышали? Чтобы весело им там было...Как раз, перед концертом, все и начнется: вальс, танго, произвольная программа. Зато вечером — дискотека для нормальных.

И тут фиалка в руке артиста стала биться головой об тарелку; и раз, и — два, и — три...

— Кэт, не томите нас, — с легкой ленцой подал Андрэ. — Мы то здесь — каким боком (и он тронул свой аппарат в ухе)?

— А — никаким!.. (Вот оно!). Я — о Даньке беспокоюсь: надо ему помочь.

— Катька, — ты совсем дура? — Задумчиво спросила сестра. — Ты совсем-совсем его не знаешь, моего братца?

— А что тебя смущает, Мари? Что у него нет партнерши?.. Так и на это есть европейский взгляд: у него есть друг, этот долговязый Леха: вполне приличную пару составят.

— А — что? — Поддержал Андрэ. — Дансы в Париже. Такие себе милые голубые колясочки... Недавно ролик видел.

— Это же — гвоздь программы! — Всплеснула Кэт своими мощными руками прачки. — Вы только представьте! (Глаза ее разгорелись алчным огнем.) Он, ты, я, она («вместе целая страна», подхватил козлиным хохотком Кудряш), нет — вы не догоняете... Мы все — будем в Ютубе. А если повезет — то...

— В общей палате травматологии!

И я ворвался в их дурацкое сборище... И наехал прямо на эту сводницу, на толсторылую Катьку: обхватил ее правым «веслом», легонько прижал — и с силой усадил ее на колени. Чтоб не дергалась, хорошенько ущипнул.

— Достопочтенная публика, встречайте... Гвоздь номера! Даже — не «гвоздь», а — болт с гайкой. — И я начал победный круг вокруг стола. — Где вы такое видели, почтенная публика? Убогий колясочник похищает Европу... Музыка! Танцуем... Танцуем все, господа!

Да. Они — притаились... Катька — та онемела; Андрэ уже сползал со стула, намереваясь нырнуть под стол, а Машка — та самая умная! прыгнула на подоконник.

А я крутил колеса, наяривая круги. И держал свою жертву: так ковбойцы умыкали индианок. Ну — или везли кабана на ранчо.

— Данька, миленький! — Заголосила Катька Миллер. — Ты с ума сошел, да?

Она была для меня тяжеловата.

— Вниз хочешь?

И я глядел на нее СВЕРХУ, как она поднимается, потрясая всем, чем наградила ее природа.

— Да ты — МУЖИК! — Выплюнула Катька, полагая, что это — *оскорбление*.

С улицы донеслось встревоженное воркование старушек, дежуривших у липы.

В распахнутом окне мелькнула было голова Черноухова. Потом эта голова исчезла — и Черноухов — весь! появился в дверях. Тристан скулил — и просился вперед. Как только он проскочил в комнату — сразу сел возле Андрэ: на караул.

— Дверь, гляжу — не заперта, — спокойно сказал Петька. — О чем крик?

Катька вскинула голову — и уже гордо и независимо шла к выходу.

А Машка вдруг уставилась на Андрэ. Потом — на собаку. Потом — опять на Андрэ.

И вдруг — завизжала: «Оба черные, кудрявые, лопоухие... Да вы — братья!»

А я подъехал к артисту. С какими-то девчачьими ужимками он стал освобождать стул.

«Дай!», протянул я руку.

Но тут они одновременно (да-да, именно так!) почесали у себя за ухом (собака, конечно, лапой), и каждый развернул кудлатую башку в другую сторону.

Я забрал фиалку, давась от смеха, и запихнул ее в Машкину чашку.

Кое-что проясняется

Ночью я сидел у окна. Ничего не хотелось: даже пересматривать «Аватар».

Вдруг померещилось, что вся Вселенная за окном — это и есть моя подводная лодка, плывущая во тьме, а круглая (до геометрического безобразия) луна — единственный иллюминатор на судне.

Свет я не включал; мне привычно ладить с темнотой.

Площадка перед домом не была пуста: там тусовалась компания нашего домашнего хулигана Кирюши. Но ребята вели себя тихо: устали от дневных походов. Рядом с ними на лавочке тусил кот Челюскин: здоровенный, как барс. Его законное дупло было занято, и бездомный кот надеялся на защиту. Но Кирюше было не до него: он терзал телефон, напрашиваясь куда-то в гости.

С наступлением ночи мой пострадавший насекомец оживился. Еще не поздним вечером я доставил ему целую охапку вкусного (на мой взгляд) корма. Но Гошка — капризничал!

«Я — не саранча: жрать одну траву! Хочу мошек, хочу мошек...И личинок...»

— Ты мне надоел!

Я устался на три освещенных окна напротив. Там дядька Мотыль питал светом свою коллекцию. Вдоль среднего окошка ползла вверх узкая некрашеная лента пожарной лестницы. Она делила весь дом пополам. А там — наверху! были охотничьи уголья нашего пройдохи Челюскина...Сколько раз я слышал, что он забирается «к девочкам» именно по этой лестнице!..

«Бедный маленький кузнечик...», вдруг ударил мне в уши скорбящий голос.» Некому тебя пожалеть, покормить, обиходить...Никому ты не нужен в этом дремучем углу космоса!»

— Я тебе — не бабушка... И у нас — не «дремучий угол»! Заболел — вызывай «скорую помощь»!

«Вот этого я и боюсь...Я здесь — для чего? Для совершения Ритуала. Наставник Хэм меня не поймет, если я не явлюсь к Трем Мудрецам. И тогда — прощайте, заветные Регалии! ...Я никогда не стану Верховным Воспитателем!»

— Ночь загадок. Кто эти ТРИ Мудреца?

«Коллегия. Судьи...Распорядители. Три выживших из ума старикана, живущих в недрах горы. Они давно потеряли связь с нынешним временем: но без них — нельзя! Славные жуки, между прочим. Бабушка говорила...»

— Жуки?..

«У нас все начальство — жуки. У вас что — не так?»

— Да как тебе сказать...Есть и жуки.

«Вот видишь...Они — повсюду. С ними надо считаться...»

— Ладно. — Перебил я. — У нас, когда авария, всегда оказывают помощь... Зачем вам два транспорта...

«ДВА?.. Откуда...»

— Оттуда. Агент сообщил.

«У тебя есть агент?»

— Вообще это — жуткий секрет, космический гость! Помнишь, мы ехали за твоим Увеличительным Стеклом? И сузив глаза, я прошептал, оглядываясь: «Один спутник, два —

тарелка...Ха-ха-ха!..»

«Ужасные новости ты притаил, царь Данька!»

Он тут же выбрался из коробки — и захромал, бормоча на ходу: «И старый плут, жук-могильщик, ничего не сказал! Вторая капсула, вторая капсула...И я заплатил ему взятку, этому жуку: хранителю Башни... Что же делать, что теперь будет, кавалер Тэтти-Гон, гордость ты наша!..» И он ковылял по истертым кнопкам запуска на моей пилотной панели — и усики его колыхались от возмущения.

— Да что случилось, Гошка?

«Ты — ничего не понял, человек. Второй корабль присылают за н-е-л-е-т-а-ю-щ-и-м кузнечиком...Теперь понял?»

Я только пожал плечами.

«НЕЛЕТАЮЩИЙ кузнечик — это преступник. За исключением особого случая.»

— Полиция, что ли?

«Мы же — цивилизованная планета: у нас все есть — и полиция, и хулиганы — и болота для их исправления.»

— Постой, постой...Но ведь ты не успел нашкодить на этой планете...Значит: ты начудил — на своем собственном Цветущем Лугу!

И вдруг...Вдруг он...захныкал. (Иначе я не могу это назвать!)

«Меня даже наставник бросил! Правда — он сказал, что здесь у меня последний шанс... Я могу *оправдаться*. Хотя я ни в чем не виноват, поверь. Я только — прилетел и сломал свою руконожку...»

— Что, что сломал?

«Когда я стою на передних лапках — это НОЖКИ; когда я прыгаю на задних толчковых — это, скорей, РУЧКИ. У нас — забавная физиология. Четыреста миллионов лет — это не шутка! Конечно: мы — умнее, красивее и...» — тут он запнулся.

— Только не стрекочи, что «духовно богаче!..», подрезал я.

«Нет, зачем... Другой уклад; порядки другие...У нас — бывает! и преступника съедают в зале суда...Смешно, правда? Выходит такой франт — Птица Грач. И все — правосудие совершено.»

Я решил постоять за человечество.

— Не бойся, Гоша! Я не знаю, как ты там *наследил*, но я тебя — спрячу. У Лехи вот есть отличный сарайчик...

«Найдут!», заверещал он — и даже усики разъехались и опали, как брошенные поводья.

— А найдут — что, в каземат посадят? Грача вызовут?..

«Что ты понимаешь, человек...Самое страшное наказание — это когда лишают права быть взрослым! Это — хуже каземата, поверь. Вечное унижение! Ты, имаго и кавалер, вновь становишься нимфантом: бескрылым подростком, НЕЛЕТАЮЩИМ кузнечиком. Это — конец. Остается одно: САМ ищешь встречи с любой прожорливой птицей...»

— Ну — это ты зря! — Не выдержал я его стенаний. — Не робей, Тэтти-Гон. Как-нибудь выберемся.

И я, в знак поддержки, подставил ему свою ладонь. Теперь он был на уровне моих глаз, на уровне моего разума: маленькое беззащитное насекомое, гонимое с родной планеты.

ЛЮ-Ю-ЮДИ! Вы знаете, какое это странное чувство: впервые ты — заступник (пусть даже — малого прыгучего творения?!). Реальный, поставленный обстоятельствами защитник, а не мифический «главный мужчина в доме» (по словам Гренадера).

Я возвысил его (моего опекаемого) на одну линию с луной, запутавшейся в ветвях старой липы.

«...Есть один выход, человек. Если мы *правильно* проведем Ритуал — они не посмеют. Никто не посмеет что-либо изменить *после*. И прежние грехи сотрутся и мне на голову возложат символ Верховного Воспитателя: драгоценную древнюю «сократку». Там есть еще три Регалии, но «сократка» — важнее всего! Когда я надену эту квадратную академическую шапочку, я стану недосягаемой особой.

Боковым зрением я засек еще одну ночную гостью...

— «Не дрейфь, пацан!», как говорит Савраска, прежде чем столкнуть новичка в воду... — И я отпустил бедолагу на кнопку: «Бортовые системы». — Вон, кормилица твоя прискакала. Еще и мошку прихватила... Хозяйственная девка: не доплыть мне до финиша!

Я сидел на дне бассейна, рассматривая игрушки с надписями. Вот батюшка Крот — со своим «усердием» (я все думал: ну почему у него — лопата, а не весло?). А вот — братец Дельфин (он заведует «скоростью»)… Собака Бульдог (это — чтоб намертво вцепляться в соперника). Еще добавились нынче: лисица-сестрица и злобный на вид хомяк. Ну, лиса — понятно (есть свои хитрости в заплыве). А вот — хомяк…

Что означает понятие «хомяк» в нашей жизни?

И вообще: что я тут ищу на дне: какую позабытую истину, скажите?..

Странно. Я хорошо слышу, как вверху надрывается Савраска.

— Саша! Не бей так воду: она не заслужила… Мягче входи, мягче… Петя, Петя — о чем мы с тобой говорили в тренерской? Не надо *возить* за собой свои ноги. Леша Второй! Чтс стоишь, качаясь… бомжик на распутье? Никто не украдет твою тумбочку… Я — посторожу!

Ругаться всерьез ему — нельзя: мы — дети «особенные», к нам нужен подход. Нас даже по фамилии не принято называть! Только «Пети» да «Саши» — вот какие мы нежные!..

Заезжает к нам часто и Седая Дама. Гроза всех прогульщиков (значит — и моя тоже). Дама, как фурия, носится на своей уникальной (в смысле сборки) «ракете». (Язык не посмеет назвать это *чудо* коляской…). Уже с виду: выездное кресло состоятельной дамы: все — что раздвигается, поднимается и складывается, — там есть. Ну — и голосовое управление в придачу.

В руках у хозяйки Инваспорта — знаменитая «удочка»: меня она то же ловила! Но — не сейчас. Сейчас я, как дурак, сижу на дне — а все желающие завтра победить — хаотично проплывают над головой.

В руках у меня — хомяк. Животное с полными щеками, захапавшее лапами полезную смесь для грызунов. У него — преданный взор грызуна, продавшегося в рекламу за кормежку: «СЫТО и ВКУСНО.»

А что — недурно!

…Вот идет господин. У него на груди — «ХАМ». Все понятно. Обходим, улыбаемся… А вот тетка семенит: с острым носом и клетчатой сумкой: вся усеянная метками: «СКЛОЧНИЦА». Здравствуйте, склочница! Да идите, идите себе уже…

Пацан на скейте. Из тех, кого фрау Миллер брезгливо называет «шпаной». Я заметил: архивные леди, с достоинством несущие крест собственного потомства, — больше всего побаиваются вот такой мелкой «шпаны» (не открытых хулиганов, а противно-независимых лиц, склонных к издевкам и противостоянию). И хорошо бы для них (для этих «внезапных мамаш»), пришпилить к таким пацанам веселую табличку: «Берегись киндермобиля!». Я бы и сам стал захватчиком улиц… Если бы!..

А вот — две подружки. У них на маечках — «СПЛЕТНИЦА» и «ЗАВИСТНИЦА».

— У меня — такой ухажер!

— У меня — такой тренажер…

А вот — Леха. Леха Шампуридис… ага! Сын Одиссея. У него — столько девчонок (аж в коляску не вмещаются!). И в профиле — он герой, и ТУТ — на короткой воде (когда меня рядом нет). Сама Графиня О. за ним по всему побережью гоняется, мечтает «в портрет» засунуть; и учителя — в экстерне (вернее — в экстазе!). Прямо — не юноша, а *узороцье городское*. Медаль ему на шею (ту самую: единственную!..) И — лаврушку на темя.

(Я снова переживаю ночь перед соревнованиями.)

Хомяк — это не случайно: тренер — не дурак.

Хомяк — это *посыл*.

Это — жадное, расчетливое, эгоистичное животное. Очень, кстати, необходимое в биологической цепочке.

А с другой стороны: запасливое и экономное... (а кое-кто не может и на неделю просчитать продукты!); и, самое главное — это не ЭГОИЗМ: оберегать границы и без того самой жизнью ограниченного пространства! У каждого есть *ближние* и *остороненные* (да-да, именно так: остороненные люди!..) Заходите за границу? Извольте жить по моим правилам... Я же ваших — не нарушаю, так? А вы — хватаете меня за шиворот и волоком тащите на свою территорию: СПАСАТЬ! И очи ваши возбужденно горят (от самого прекрасного гнева на свете): вы ПОБЕДИЛИ в борьбе с неизвестной *вамдушой*. Вытащили ее из чужого пространства — и сейчас будете воспитывать *по своему образу и подобию*.

Совершенно наплевав, что и *образ* и *подобие* — здесь другие. Просто — ДРУГИЕ.

Поэтому — я и не собираюсь делать вам подарок: определять себя одним единственным словом. Разбирать (и собирать!) себя по косточкам — как Филимона.

Потому, что правду все-равно не скажу.

А по словам сестры, я — «злой маленький циник».

С тем к вам и плыву. Принимайте такого.

А ночь еще не кончилась, не надейтесь

С площадки к нашему окну можно подойти вплотную. Если у вас рост — не ниже метра восемьдесят, можете нагло заглянуть в комнату.

Распахнутая благодать...Шумит липа, древняя — как весь этот мир. На лавочке, свернувшись периной, зло косит глаз Челюскин. Я его — понимаю: дупло — занято чернокожим проходимцем, а идти в душную комнату под бочок к своей хозяйке, гордый сын подвалов не желает. Мелания Сидоровна нашла его на детских качелях: кто-то его родил, а кто-то и выставил: за ненадобностью. А потом он стал РАСТИ. Рос и рос — и перерос всех окрестных котов. И даже — колен хозяйки (хотя там двое детей помещалось: соседских внуков).

Да что — кот! У меня при взгляде на это дерево с дуплом — все сердце обрывается!..Но — никто! Представьте — никто и никогда из детей, выросших в доме, не попытался однажды поставить ногу на спинку старой скамьи, подтянуться до ближайшей ветки — и, упираясь голыми пятками, забраться по старому замшелому стволу до серьезной развилки, где и темнеет священное жуткое жерло...Б-р-р! Никто, никогда. У меня, кажется... (потому, что это — невозможно!) — и пальцы на ногах деревенеют и поджимаются, когда я об этом думаю.

Нет, сидят — все такие культурные мальчишки: все — в планшетах и айфонах. Не сорвиголовы (упаси Боже!); просто ДВОРОВЫЕ ПАЦАНЫ, ласту мне в бок!

Вот только один сапиенс и понял пользу дупла. Дасэр, не известно из каких прерий выписанный Большим Белым Господином.

Когда он утром слезает со своего «гнезда», некоторые старушки церемонно оборачиваются: им неловко подглядывать за человеком из «спальни». Его, кстати сказать, жалеют...Ну вот как — меня. Жалеет наш народ страдальцев, каторжников и чужестранцев. Этот сын джунглей — еще то страшилище! Морда — суженная, как у ящерицы; на спине — горб (кто там в детстве следил за ребенком?); к тому же — бос, хотя к хозяину выскакивает в курточке с галунами — и в необозримой капитанской фуражке.

Мелания Сидоровна домой звала: «покушать». Но он только ватрушку из ее рук принял...Глядя на его бесхозные пятки, вся лавочка дружно вздыхает: «квартирный вопрос», будь он неладен.

Какой-то зомби шарится под окном. Точно: метр с кепкой (а то бы я его уже увидел). Кирюша? Так вроде — уши: ночной курорт — это круто.

Были бы у меня НОГИ (а не этот роскошный «балласт»). Я бы — вскочил! В два прыжка — у окна... Я бы ему...

Ночь катает меня по дивану, ночь. Все эти звезды — так и суются, так и лезут своими «волшебными (провалиться им!)» лучами. Страшно, темно...Темно и страшно — только тому, кто — оттолкнувшись хотя бы руками! не выполз до сих пор из своего детства.

Детство — вот он настоящий хитиновый покров, который (по словам моего зеленого приятеля) нужно сбросить, чтобы стать на ступеньку взрослее.

Кто-то опять зашуршал за стеной. Пугать пришли?

И вдруг закричала старая липа! Медведь там, что ли, забирается?..

А я только-только въехал в сонное ущелье. И вокруг была первобытная тишина. Я качался на невидимой паутине (как это знакомо...). И я приготовился к тайной, закрытой

ото всех жизни. И ветер подул с высот: словно гигантский *веер* взмахнул над ущельем! Я сжался в камень...И тут загоготали барабаны!!!

«Хай-Тоба, Хай-Тоба...мы идем!»

Да чтоб вас... Идите — и идите себе. Дорог мало?

Я дернулся — и проснулся. Шорох за окном...

— Гошка, ты где? Я что — один тут?

«Ты — не один.»

— Достала меня твоя «Хай-Тоба»! Чего ей надо?

Молчание...Потом — тихо, едва слышно: «Лучше бы тебе не знать, человек!».

Тут в окно ударил рассвет. И на один миг в раме окна возникла (и тут же пропала) странная нетутошняя голова: серая, с вылупленными зенками.

Впечатление, что один пришелец стоит на плечах другого.

...Страшный сон геймера!?

6. Хай-Тоба зовет

За мной следят

Есть у меня летом занятие: провожать солнце, как дорогого, но надоедливого гостя.

Со стороны старого порта на каменной набережной есть одно местечко: то самое, с которого видно Башню. Всегда здесь благодатная тишь, народ толчется ближе к церкви, и солнце съезжает в море как на салазках.

Здесь живут, ночуют и умирают яхты, бесстыдно выставленные на стапелях. И высокие тонкие мачты пронзают небо (или приколоты к нему, как экспонаты?...) В совсем раннем, исходном детстве я не мог понять: кто тут плачет и стонет, особенно — если ветер?

А школьником как-то спросил одного рыбака. А он мне ответил: «Катись отсюда...». И уперся опять в свою даль. По-моему, он вообще не за рыбой приходил.

Сюда я и «привез» своих топтунов. Вычислить их было несложно: они с утра уже торчали на детской площадке: оба — худенькие (даже — мосластые), в детских панамках и в глаженных белых рубашечках с короткими рукавами. Прямо — пионеры из детства Гренадера. И сандалии — древние. И — готовность повиноваться любой нахальной старушке.

На скамье под липой сразу решили, что это — дети из гостиниц, которые надоели родителям. И потому — отпущенные в общий выгул.

Я сначала не понял, за кем они. А тут стал заправлять бутерброды в закресельном рюкзаке, а они — здрасте! стоят: справа и слева: ну — точно близнецы! И...словно указаний ждут. Телохранители, может? Когда вдвоем — ходят в ногу, как военные на параде: еще и отталкиваясь острыми локтями. (Кстати, вот руки их — почти всегда согнуты: как у марафонцев на дистанции...). И головы у них — как после аварии: к низу — ссужены; кверху — расправлены, словно по ним каток проехал. Глазищи — не нашенские, вообще не человечьи; и, главное, МОЛЧАТ. (Хотя между собой — вполне чирикают.) Их языка даже Тэтти-Гон сто тридцать восьмой не знает. Только как-то странно заметил: «Может, это и к лучшему?»

Вот так они меня и «водили» по городу: я, как охраняемая особа, впереди, — а эти два молчаливых стража — сзади и по краям (чтоб не сбежал, что ли?).

Я побывал там, где хо тел. Послушал скорбный свист над полузаброшенным яхт-клубом; присутствовал при отходе солнца ко сну; объехал церковь, чтоб ненароком не столкнуться с вредной свечницей... Она, как она кричала — и руки растопыривала: чтобы заловить нас с Лехой — и сдать полиции: «которая бесстыдниками занимается»). А делов-то...

Мы с Лехой (после пивка) поехали к святым вратам — там стали собирать «на шампанское». Леха гундосил, что он — Васятка Подкидыщ, а я попискивал, не поднимая очей на жертвующих, что — «да! папка забил до смерти», «да! добрые люди спасли, остался вот на всю жизнь: сами видите...»; «зовут Мишкой по прозвищу Бедуля...да! скитаюсь, и на помойках — ничего: можно жить...да, есть не могу, желудком маюсь, лучше — денежку... На лекарство.»

И так мы нехило подсобрали (если б не эта свечница). И не поленилась, детскую комнату полиции — напрягла... Как мы крутили колеса!

А с полиции нас передали...Седой даме. Она сама вызвалась забрать двух «погорельцев». Теперь объезжаю эту церковь. Ну ее...

— Слушай! шепнул я Гошке, уже подъезжая к нашему пандусу. — Ты бы хоть своего

приятеля проведал: того — что Стекло дал. Может, он и знает что — про *этих*?

«Подвези до стены, человек.»

Вечером — не удержался: звякнул Шампуру.

— Слышь, Леха: а за мной — следят!

— Кому мы нужны на этой земле... — Грустно вздохнул Леха.

...Кто-то опять *обошел* его на любимой дистанции: 200 кроль.

На абордаж!

Утром я по-быстрому слинял из дома. На то были две причины: надо было поработать моторикшей для моего охромевшего приятеля, а во-вторых: ожидалось явление Савраски. Знаете: есть такая примета: тренер на пороге — это к нагрузкам!!

Поэтому я зашуршал пораньше, пока Машка беседовала ванной с Сережей.

...И так я летел с пандуса, что чуть не покалечил собственную охрану. Оба как раз дремали на пологом спуске, сидя на корточках — и баюкая в немнущихся ладонях свои отяжелевшие за ночь головы.

Услышав мое покашливание сверху, они тут же вскочили (как неваляшки) — и взяли на караул.

В этот раз я погнал на «коньке» с электроприводом. Это специально, чтоб позлить своего «раптора» (так у Гошки дразнят наставников); пусть придет, пусть полюбуется в коридоре на развалюху с ручным управлением (на которой, — по его не слабой мысли, я просто обязан наращивать мускулатуру «весла»).

Пока Машка напевала в ванной: «Ты — изо льда, моя Изольда!», я быстренько «запряг» лошадку, и был таков.

Теперь главное было — не встретится с Миллерами. Народ шел на пляж, как на праздничный митинг; то есть — почти колоннами. Я решил сократить путь, проскочить мимо большого фонтана...и это была роковая ошибка! Здесь были заповедные пастбища Седой Дамы. И здесь она ловила прогульщиков... Бац! И горло мое стиснула ее знаменитая «удочка»: не то аркан, не то — нежный багор. Все, попался...Теперь оторваться от нее — почти невозможно! Сейчас затащит в душеспасительный уголок и станет доказывать, что я «пустил свою жизнь на самотек»...Затем она вспомнит про свои подлые брусья, сделавшие ее инвалидом (но не убившие в ней мечту о постоянном совершенствовании). Потом она станет говорить, какой Савраска — прекрасный тренер. У него, у Савраски, правильная доктрина: мужик, не умеющий плавать — должен сразу повеситься; а женщина — так та просто обязана: не по набережной с кавалером фордыбочить, а — в воду, в воду его, охламона! А потом уже можно и под ручку!..

Весь этот бред я уже слышал. Я молча глядел на ее быстро, как в мультике, суетившиеся губы, и думал (как и прошлый раз, и в позапрошлый...): неужто ей мало собственной неудачной судьбы?..

Две неудачные судьбы рядом — это не одна, *состоявшаяся*, а по-прежнему: две не сложившегося *части целого*. Для меня ее задор — вон тот надувной попугай, которого топят в фонтане счастливый малыш. В мире живых — это птица. Каждой птице положено летать. Эта птица не летает. Она сидит в клетке. Вы — поняли?..

— Суши весла, Кузнецов... Разговор есть.

И все-таки я рискнул!..

Выбросился из ее аркана — и рванулся в веселый ад погони Самое трудное тут — спецэффекты. Обманки разные... Прижавшись к левому краю, я гнал вниз к первому центральному пляжу: но тут выросли стеной курортники и их дети — и пришлось свернуть на Пушкина (кто знает, тот уже смеется: на Пушкина у нас — вся городская полиция). И я стал скромным и законопослушным «мальчиком на колесах». А как вы хотели? Смирение и ханжество — это самые глубокие норы, которые люди роют у всех на виду.

Я сделал круг — и затесался в аллею: узкую, душную, мохнатую от теней... И только тут вспомнил о *своих* стражах.

Они бежали дружно, справа и слева: как президентская охрана. И Седая Дама — ОТСТАЛА на своем «феррари». (Не детей же ей давить, в самом-то деле.)

И тут я застрял на светофоре! Вся хохма в том, что это был «детский» светофор, на детском мотодроме, — и моя преследовательница то же сидела — как гриб на поляне! не решаясь нарушить правила. Гаишник — толстый по должности малыш, важно руководил жезлом, давая проход многодетной семье.

И я прорвался сквозь эту, узкую — как гусеница! аллею и с разгона чуть не таранил Леху. Леха был на своей кляче: разболтанной «турке». И он спешил: он то же за кем-то гнался!

— Седую не видел? Не видел?..

Полный финиш! Она, эта прилипчивая баба, кому-то еще и нужна?

— Автогородок! — Бросил я через спину.

У старой Башни я «растолкал» моего пассажира; и даже помог ему перебраться на ближайший — в стене, уступчик. И он — не поверите! поковылял на свою явку, как раненый, но исполняющий долг разведчик.

Дворника я заметил издалека; незнакомой — *бодрой* походкой, он бежал мне навстречу, словно поджидал все утро. И вообще: был он не в затрапезном свитере, а в почти новой клетчатой рубашке и ...в джинсах! Трезвый, *побритый*... омолодевший. На карнавал собирается?

— А-а, призрак! — Сказал он, заглядывая мне через плечо. — К нам — или проездом?

— К вам. Проездом...

— А эти — с тобой? Я их *тогда* не видел...

Мои стражи уже заняли стратегические позиции при въезде-выезде.

В его камерке было тесновато: «стол» (большой ящик из-под серьезного товара); диван — почти без «пролежней»; плед на диване — в хорошую крупную клетку, и даже «новая» шляпа: пристойный стетсон от загулявшего ковбоя. Франт!

Сразу видно: обжился...

Выставил на стол целую тарелку с целыми мандаринами...Ну да, дворник: все у них сейчас есть: разгар сезона!

Я протянул руку — и тут мы оба замерли. Огромный черный жук влетел в хибарку и прилокотился на моем кресле.

Дворник сделал попытку стряхнуть его.

— Это — со мной!

— Ага. Понимаю. — Он даже не смутился.

Вот пройдоха!.. Алкаша бы я не испугался, а чистый трезвый гражданин — на этом посту! внушал опасения.

— Разговор — есть, а поговорить не с кем, и дворник подвинул мне мандарины.

— Знаете — у меня та же проблема.

А дальше он добавил такое (до икоты знакомое), что я ...остался.

Господин рабушевался

Утром я проснулся от истошного вопля. Крик метался по двору, как пойманный, но — не укрощенный зверь. Еще и старушки галдели, создавая подфонк. В нечаянную секунду тишины вдруг втиснулся счастливый лай Тристана и следом — строгий глас его хозяина, обрывающий веселье. И снова — кошачий визг на весь двор, и рождение новых слов, недоступных пониманию соседей.

Я натянул одеяло на уши.

— Знаешь, Данька: а я по папке — скучаю, — призналась Машка. Случилось это накануне: мы смотрели в окно и ждали последний метеорный поток в этом году.

— Вот мамка — другое дело. Ходит большими ногами, ко всему цепляется: то к мусору, то к единственной чашке в раковине... «У меня, Маша, в твоём возрасте было два платья: пока папа не подарил третье, на юбилей законного брака! Как я его берегла...показать? Это вон то, с рюшечками...»

Машка здорово имитирует Гренадера. Была бы она — старший брат, а не старшая сестра, — мы бы вообще не ссорились! Мы бы — находили компромисы. Это — как в воде: вот есть один спасательный круг, но с его поддержкой до берега могут доплыть двое.

Люди ссорятся, грызутся, рвут друг другу глотку: все, как у матери Природы...

Мы сами с Машкой вчера сцепились: все из-за Гошкиной невесты, покусившейся на последний родительский горшочек с геранью.

...Да что они там — взбесились. Что ли?

Я выглянул. Вся площадка заставлена коробками. Даже на лавочке, с краю — что-то длинное и свисающее. С другого края тулились три старушки (из самых устойчивых к скандалам и временным неудобствам). Сама Мелания Сидоровна в легендарном мужском пиджаке с не боевыми наградами, стояла поодаль, заламывая руки, хватая и без того ошалелого Буца:

— Вы ведь любите животных, молодой человек? — И всем телом (подпрыгивая; делая «домашние», не всем понятные жесты) указывала на злополучное дупло, из которого доносилась шумовая картина сражения. «Помогите!», взывала она, бросаясь наперерез хмурым людям (со всеми их коробками, тюками и чемоданами). «ЕГО там — убивают! Вы слышите?..»

Вот ее — *точно!* никто не слышал.

Тогда она встала посреди площадки — и всплеснула полукрыльями мужнина пиджака (собираясь не то взлететь, не то воспринять неведомую муку).

— Спасите Челюскина!

Она мешала; ее — отпихивали.

Она — сражалась:

— Кот... (Бросалась она наперерез очередному носильщику): — И вы глухой, как Герасим? Это же — Челюскин! Наш Челюскин...Его надо спасти!

— Посторонись!..Посторонись...

— Дасэр! — Рывкнули наконец сверху. — Опять отлыниваешь...Аврал!

Из дупла — внезапно! как поезд из туннеля, выпрыгнула морда Челюскина: поцарапанная, взъерошенная...Барс, дикий барс, защищающий свое логово!

Одним могучим прыжком это чудовище вспрыгнуло на ближайшую ветку. От счастья

застонала внизу Мелания Сидоровна... Но — кот, злобно шевеля усами, не понял (или не принял!) распростертых рук, и — приземлился где-то за древней липой.

Следом показалась фуражка с крабом, а под ней — узкое лицо второго бойца: и то же в шрамах.

Заметно волнуясь, Мелания Сидоровна (с пиджаком наперевес) двинулась в сторону благодетеля: готовая к изъятию благодарности.

— Котика вам жалко? — Сурово и печально вопрошал Белый Господин.

— Ну у... — В замешательстве согласилась соседка. — Это же — кот!

Из окна было хорошо видно, как ББГ легко загнал старушку в тупичок между дверью и лавкой.

— А людей, значит, не жалко, общественность ты наша?..

Мелания Сидоровна с достоинством открестилась от страшного обвинения: «Это вы — о чем?»

— А кто меня сдал полиции нравов, совесть народная... Щас сама уползешь в то дупло!

И он — одним махом! выдрал из пиджака ее покойного супруга круглый, блестящий, ухоженный значок ветерана труда.

— Это — трофей. — Доверительно пояснил он притихшей площадке. — После карнавала — верну! Сам принесу и... понесу: на алой подушке. Впереди процессии. Лады?

— Позвольте заметить: вы — хам! — Отступая к дверям, не сдавалась Мелания Сидоровна. — Вы — недостойны нашего дома.

— Свидетели оскорбления есть? — Воззвал ББГ. — Все слышали?

Он не нашел лучше места, чем — опереться о мой подоконник.

И тут, как холостые патроны! захлопнулись наглухо все форточки в нашем доме...

А в моих ушах зазвучал... призыв к битве: «Бей прямо в жужальце. Я — нападаю с тыла!»

...Это жалкое, ковыляющее на трех передних, насекомое, — оно рвалось в бой!

— Да нас просто размажут, Гошка!

«Тогда — закрой окно, жалкий червяк!»

Да я и сам хотел закрыть эти чертовы рамы. Я бы давно их притер, запер, замуровал... если бы не это: большая белая ладонь на моем «космическом пульте»; доброе, даже участливое лицо. Он протянул руку — и осторожно погладил меня по голове. И тут же как-то весь втянулся в комнату по плечи.

— Дрожишь, чудило... А сеструшка — пеструшка где?

«Скажи: «в норке!»

— В норке! — сказал я.

Он рассмеялся: беззвучно, одними глазами.

— На кухне она, слышу. — Повел он ухом. — Хозяйственная... Не завтракал?

— Не завтракал... Переезжаете?

— Тесно тут у вас, тесно и склочно, — пожаловался оккупант. — А чего сестрица по батарее стучит? Защитника с цербером ждете?

Он опять протянул свою лапу — и, зацепив подлокотник, притиснул коляску глубоко к окну.

— А что — побледнел, герой? Кончилась красивая сказка?

— Вам не стыдно? Оставьте его в покое.

(Это — Машка. Сидела бы уж лучше на кухне.)

— А вот и пеструшка! — Обрадовался Господин. — Подойди, Красная Шапочка, поближе... Я тебя не съем. Пока.

— Отпустите сначала!

— Вот. Уже отпустил. Придешь на «Бизон»?

— Что я там забыла?

— Обратишься к бич-менеджеру Жоржу, — предложил он вполне здраво. — Делаем развлекательную программу... О-о, это и будет гвоздь сезона. Все девочки мечтают о короне!

Гошка, казалось, просто впился в мой затылок: «Ты готов драться?»

С ума сошел, комаха! На себя бы посмотрел...

— К тому же — у меня сегодня благотворительная акция, — вещал неутомимый ББГ. — Вывожу «русалок» в море. Не каталась еще на приличной яхте, пеструшка? И младшенького твоего приглашаю...

— А ты — наглец! — Вырвалось у меня.

— А вот это — не надо! Иначе сестричка не поймет моих добрых намерений... Дать в глаз — может любой «баклан», но договориться по-хорошему...

«Царь Данька! А ведь это — идея!»

И не успел я еще сообразить: что и к чему, как эта крохотное создание взвилось в воздух откуда-то сбоку — и зеленой пулей вонзилось в веселый зрачок!

Он АТАКОВАЛ — мой маленький бесстрашный боец (меньше моего мизинца!).

Отпрыгнув в сторону и отмахиваясь, ББГ запутался в собственных ящиках; он разбил что-то, навалившись на картон потоньше — и этот звон привел его в бешенство!

Отшвырнув меня вместе с коляской, Машка — наконец-то, захлопнула рамы и посадила их на шпингалет.

— Дура! — Заорал я. — Вдруг он еще жив?

— А что ему сделается? — Глаза у Машки стали круглые.

— Я — про моего камикадзе... Про Гошку-героя!

— «Кузнечики кровавые в глазах»?.. Лечиться надо!

Я глядел на пустое окно, как операторы (наверно!..) глядят на засвеченную пленку с неповторимо снятым эпизодом. Я развернулся к Машке спиной (в детстве это называлось: «спрятаться от людей»).

ЛЮ-Ю-ЮДИ, вот сейчас я от вас хорошо спрятался?..

Когда погрузка была в разгаре и процессом уже бойко распоряжалась фрау Миллер, Машка осторожно покинула дом.

У детских качелей она позаигрывала с моей стражей. (Что бы побесить соседа.) Но, скорей всего, Петька только явился: шел он за ней, как на привязи — должно быть: оправдывался.

А я положил руки на «пульт космонавта»: зачем — то нажал на кнопку «прием» — и стал ждать.

Нежданный день — хуже *последнего!*..

Эта подлая пятница — наступила!

Еще утром, не вставая, я зачем-то разглядывал свое «средство передвижения». Дядя Жора, наш бесценный психиатр-самоучка, называет это мазохизмом. Хотя с этой точки зрения все пляжники — мазохисты: они постоянно фиксируют взгляд на своих (или, чаще! чужих) ногах. Ноги бегают по пляжу, оставляют «копытца» — проплешины и ездить на колесах по этим *грядкам* — мучение в белый день.

...Иногда я думаю, что я и родился в коляске. Да-да, вот ходила дамочка на последней стадии «супружеского ожирения», думали — двойня! А загнали ее на УЗИ — глядь, а там крохотный ребеночек (и уже — со своим собственным транспортом!). Так и разъезжает там, как отчаюга-мотоциклист по стенкам шара: был раньше такой цирковой аттракцион.

Вру я все: тогда у нас и «УЗИ» — то не было!

И не думайте, что я — с «приветом». Это у меня мое *пошаговое устройство* в непорядке; аверху — все на месте. К тому же я — сын акушерки.

И потенциальный медик. Но, видимо, династическая звезда на мне закатилась... Не могу насекомое *поставить* «на ноги», о чем уж дальше *жуужжать!*

Отыскала его «невеста»: как они потом вместе добирались — понятия не имею. Я просто выглядывал в окошко, распахнутое по случаю тишины. ББГ — съехал: старушкам это событие в прок. Особенно рад Челюскин: он вернулся на место постоянного проживания и Мелания Сидоровна обрела покой.

Сейчас Гошка лежал, как спинальник: вытянув все конечности (в том числе — полузажившую среднегрудную лапку). «Умиравшим голосом» попросил, в случае чего, не выгонять из жилья его имажку. Еще он попросил доставить (из Машкиной комнаты) цветочный горшок с обглоданными чашелистиками: когда придет время — верная самочка отложит туда яйца. Уже весной из них выйдут маленькие, похожие на него бескрыльши... Им предстоит пройти через линьки (и прочие этапы безотцовщины).

— А переправить ее на Цветущий Луг — ты не можешь? Это же — твое потомство!

«У командированных весь мир — потомство.»

— Замучаюсь я с ней... Ты же знаешь сестру: **ВЫБРОСИТ!**..

«С пауком договорись: Сережа подскажет... Все их племя — юристы.»

Я задумался...

— Но ты же еще не умираешь? Поправишься — и сам с ней танцуй!

«Не могу, человек... Я — должен вернуться. Как только получу Сократку... Но я обещаю не пропадать, сообщать новости. Записывай адрес, Царь Данька!»

И я, как дурак, взял ручку.

«Значит — запомни: первая фраза — это просто «скейт-лозунг», с которым я бреду по жизни... Традиция Длинноусых Кавалеров (ну — как у вас рыцарские девизы в старину, понял?). А дальше — все проще пойманной мошки.

И вот что я записал:

138 — й: *Всегда — Чемпион!*..

Планетарная туманность «БАБОЧКА»

Галактика «Мотылек»

*Пятый спутник чудесной планеты
Где Старая Верба грустит
над ручьем
Бабушке (для шалуна Тэтти)*

— Ты что — серьезно? — Спросил я, вчитываясь в эту абракадабру.

«Можешь вставить в рамочку...» — Скромно посоветовал он. «Чтоб всегда на виду...

Память — она...она такая вкусная! Помню: послал я запрос своему другу Чоко...»

Тут я — поплыл. *Они там — совсем свихнулись: еще и отправляют сообщения по таким адресам!..*

Интересно, как выглядят их почтовые служащие... Сороконожки какие-то или — эти, аэромобильные пчелы?

Но Гошка уже погрузился в воспоминания:

«И Чоко и я — были претендентами на великий пост Главного Воспитателя; Чоко боялся участвовать в кастинге...да, очень боялся. Тогда я решил поддержать его: отправил сообщение высшей категории: аура-депешу. Это — *крик души*, а не порча бумаги или сотрясение эфира. Вы, человеки, еще не открыли этот самый простой вид связи. А я — просто прикоснулся к его нервному узлу. И — бросил призыв его измученной сердечной связке: мы вместе станем бороться за Верховный приз — и, в любом случае! он останется моим лучшим другом... Он — и остался. В памяти (в самой вкусной ее части, где — радость поражений и горе триумфа...).

— Это — на десерт?

Он даже не обиделся: так был увлечен этой историей с неким Чоко.

«Стать Главным (или — Верховным) Воспитателем — большая честь, — играла теплым светом моя аура-депеша. — Пройти испытание — только начало карьеры...Для чего на заветной «сократке» и прикрепляют...»

Тут я не выдержал:

— Что ты гонишь, Тэтти-Гон! Этот твой чувак прилетел на кастинг — и не знал, зачем?.. Что ты ему долбил про карьеру...Воспитатель из тебя — как из меня балерина!.. Какой из тебя «воспитун»? Бабник, задира — еще и сестру мою хотел продать...

«Межвидовая неувязка...Не знаю, как у вас, а у нас — воспитывают те, которых воспитали раньше. Меня выбирал весь клан Длинноусых Кавалеров. Осталось получить Регалии!»

— А без шляпы — никак?

«Это — знак подчинения. Там кто? Сорванцы после четвертой линьки: полу-имаго, что ты хочешь! Все делают наперекор; не почитают общих родителей; не слушают личных наставников, обзывают их; еще не научились толком летать — а уже все мечтают выйти из власти взрослых...

Меня это, скажем так — несколько смутило.

— А может — лучше предоставить им свободу: этим твоим юным кузнечикам?

«Нет!» — Почти завопил он — и крылья его затрещали с удвоенной скоростью: я едва успел разобрать: «Запомни, царь Данька!. Если кузнечиками не заниматься — из них вырастает саранча!»

— А это разве — не другой вид?

«Наши дальние и ненавистные родичи...Тоже — из отряда прямокрылых, между

прочим...Я как-то сам предложил заняться их перевоспитанием...Выделили мне колонистов. И что? И ничего. Все — погибли. Потому что — не слушали добрых светов.»

— Парадокс. Вы — одинокие охотники за живым ночным кормом; а у них — стая веганов.

«А ты никогда не слышал, человек: как встает на крыло голодная стая?.. Этот гул — пострашнее землетрясения! Когда эта орда движется — ты никого в ней не различишь: ни самок, ни самцов...Есть только ПОЖИРАТЕЛИ ПРОСТРАНСТВА. Сколько кузнечико вытягивает в себя это *летающее гигантское* брюхо...Это — потерянная молодежь! Нет... Воспитатель (даже — простой) — это серьезный титул. Вот скажи: ты кем хотел стать в детстве?»

— Сначала — Суперменом. Потом — Бэтменом. Еще — Аватаром...

«Почему?»

— Мир спасти дураку захотелось.

«В одиночку?»

— А как — иначе?

Он ответил гордо:

«Мир спасают те, кто *учит* жить в мире. Всем свое крыло не подставишь...Научить *правильно* летать — более трудная задача. Но я готов взять ее на себя.»

— У тебя такой тон — будто ты грехи замаливаешь!

И ничего он не ответил: устал, должно быть.

Конец пятницы — это всегда томительное надвечерье. А еще — ВЕЛИКОЕ ПЕРЕМИРИЕ. В этот день наша *вобода* будто провисает в воздухе (как провода в ненастье). Вот отсюда — и все признаки классического совместного застолья: «попробуйте наши любимые ватрушки; *детские* новости о всякой ерунде; наше — «загадочное перемигивание» (оно их тешит) — и явление призов в студию: вроде вчерашней пары «поросят», купленных Машкой в магазине приколов: один поросенок (когда его нажимаешь) — орет девчачьим голосом: «Вы — сударь, хам! Ха-ха-хам!», а другой (поросенок — мальчик) отвечает: «А вы, барышня, сама хамка! Ха-ха-хамка!...»

И предки при этом — еще и понимающе переглянутся: «Дети еще. Что с них взять?..»

А в остальном большая пятница (есть еще и внеурочные вызовы) — это всегда ЭКЗАМЕН. На половую и прочую зрелость.

Они нас *проверяют*: (это они так думают).

А мы сидим у нашего сувенирного самоварчика — и всячески помогаем им так *думать*. Простая дружная семья: дети — здоровы; в доме — порядок; Филимон — ухмыляется...

...Все. Пятницу отработали. Мне безумно хочется к морю: к бесконечно добрым старушкам на Дувановской; милым говорливым детям, нечаянно пересекающим drogу; всем этим чудесным людям, приехавшим позагорать и, может быть, наладить личную жизнь... Сейчас главное — не мешать им (поближе прижиматься к бордюру).

Мои конвоиры следуют солдатским шагом. Раз-два, левой-правой... Веселей, ребята!

...А вот и две знакомые собаки. Значит, скоро выход Графини О.

А вот и Графиня О. В своем деревенском сарафане (скрывающем варикоз: следствие волонтерских тягот). Стул заказчика еще пуст... Я приталкиваюсь рядом: делаю вдохновенное лицо: *она пишет мой портрет* (так это выглядит со стороны). Леха мне слегка завидует, но Леху брат в модели художница не желает. «Морда у него рабоче-крестьянская», — говорит она сама. — «А у тебя, Данька, — презрительный байроновский

прищур...». Ей виднее, но публика *клюет*. В чем тут загадка?

И я разворачиваю лицо на три четверти. Пусть смотрят. Потом она засовывает этот вечный набросок куда-то в папку. Я его — видел. Я — меняюсь.

Вот закончится этот сезон и я, наконец-то, выпрошу этот эскиз.

И уничтожу его. Потому, что он говорит правду.

...Что-то тяжелое навалилось на меня; я опять тонул: я раздирал руками мягкие водоросли: мои нежные вериги. Истошно сверлил ухо чей-то страстный призыв. Если это *тот самый* ураган из детских сломанных лет, то — значит, все должно закончиться сейчас и сразу. Я просто не выплыву — и меня похоронят (как и до этого хоронили тысячи отбегавших свое мальчишек).

Рама стукнула: ветер, опять ветер.

Ветер?..

Я скомкал водоросли левой рукой, а правой успел дотянуться до кнопки...Свет от настольной лампы — это и есть рождение мира.

— Пошел вон, Челюскин!

Но это чучело даже не сдвинулось!.

Я пожалел, что не знаю телефона Мелании Сидоровны. Вот бы я ее поздравил с добрым утром!

Но как спихнуть кота? Эта скотина придавила мне ноги. Смешно...Толкаю его в мохнатое рыло, а он...урчит он, понимаете? Я ему *оживляю среду обитания*. Говорят, что самое грозное оружие против таких нахалов — домашний тапок (у меня его нет по определению). Я — безоружен. Таскаю его за космы, щекочу за лапы — отмахивается, как от неразумной мыши.

Стукнула рама...Так вот же они, спасители!

Два одинаково не спящих лица *ждут*... Чего они ждут?

— Что, непонятно? — Сорвался и я в мышинном писке (как в прошлом году: при ломке). — Что уставились? В кино пришли?

И тут же ногам стало легко-легко (вот ничего не чувствуют, гады: кроме тяжести).

А грузная мохнатая «туча» легко взнялась с места, подалась чуть выше, грамотно развернулась (не меняя, впрочем, барского своего положения) — и выехала, как на повозке — в окно... Где и шмякнулась с утробным ревом.

Я быстренько рванул к окну. Вот она, липа. А вот и — дупло!

И там — в жгучей черной темноте, мерцают «новогодние» от ужаса шары Челюскина.

А моя гвардия, как всегда, на качелях...И домовый хулиган Кирюша их не цепляет, принимая за состоятельных деток беспечных отцов.

Утром накатило огромное солнце; оно все пыталось влезть в мою комнату: лапало лучами, давило духотой... Бывают такие дни, когда не рад — что на курорте. Хочется снега... Я молча запер рамы, забил щели — и покинул бункер.

Чтобы не встречаться с Миллерами, я выехал на улицу, бегущую к морю от автобусного вокзала. Но я их встретил!.. Как две фурии — пронесли и фрау и дочка в плотном потоке курортников, и только в самом низу, у четырех фонтанов — рассосались куда-то в общем коловращении.

А на «моем» месте, возле Графини О., уже ошивался Леха Шампур. Ну позарез нужна Лехе «картинка»; рамочку вот приобрел... «Ну, графинечка: чего вам стоит?.. Только сделайте меня покрасивше!»

Представляете, сказать *такое* Графине О?..

Раньше она бы просто заметила, что Леха ей — не интересен: «он — такой же внутри,

как и снаружи». Вот-вот, и я не добирал вначале, чем *собственно-человек* отличается от *человека-картины*. Лицо — одно, а человека — два. И настоящий — он там, у нее «в руках».

Но «графинечка» и «покрасивше» — это аут: все-равно что — вместо солнца — «Квадрат Малевича» в ясный день!..

— Вам — туда! — Указывает она карандашиком. И Леха — осматривается.

Это — лавочка-«дезертир»; каждое утро ее притаскивают невесть откуда, но вечерами она решительно пропадает. Арендуют ее Мирончуки: это *бледные люди*, которым позволено все, кроме счастья остаться при своем мнении, — сказала однажды сама Графиня О.

«Бледные» они — от того, что загорать им некогда: сестра делает снимок заказчика, брат несется за угол, в фотоателье, там — быстренько увеличивает — и приносит «готовую морду». Остается только загримировать эту «морду» — и портрет готов! Через пару-тройку часов поплывший на жаре клиент забирает заказ — и очень доволен! Еще и соседей по пляжу гонит.

Вот туда строптивая тетя и посылает всех, кто хочет «побыстрее» и «покрасивше».

Леха так и не понял, отчего художница въелась на этих «ребят Мирончуков».

— Они чисто рубят бабло, так? Не всем же «Трех коней на холме» — писать... Как могут — так и работают.

Сейчас брат с сестрой — Мирончуки, пахали на детском пляже... Вот где были *полные сети!*

Да и на всей Набережной кресла художников-любителей были заняты... Одна только Графиня О. (в сарафане, тургеневской широкополой шляпе и домашних тапочках) гордо восседала перед пустым мольбертом: как королева в изгнании.

Со стороны казалось, что это присела утомленная туристка.

Кончается лето... Лето, которое «зиму кормит».

Люди не шли, и она рисовала собак.

...Большая пушистая особь (у которой в роду — тысяча неясных предков!) спокойно и отстраненно, как Мона Лиза, следила за мной, охранив в лапах заново возрожденный город. НАШ ГОРОД.

Наверное — это единственная картина Графини О., выставленная в галерее.

«Собаку» просили продать.

— Я не *продаю* собак, — говорила она. — Я их *отдаю* в добрые руки.

Седенький старичок умащивался в кресле художницы и я, чтобы не спугнуть удачу, подозвал Графиню О., чтобы шепнуть пару слов. Потом я покатил туда, куда — собственно, и собирался. Пляж «Бизон обзавелся отдельной проходной. Извинявшийся за «временные неудобства» плакат был усеян игривыми «деточками Мазая» (словно сбежавшими с борта яхты). Сама яхта гордо возвышалась в конце пирса: на ее фоне уже кучковались рабы Инстаграма.

У проходной все кипело!.. Не пляжные люди озабоченно сновали туда и сюда, таская на себе и за собой (на тросиках) какие-то ящики, тюки и длинные упакованные штуки. Буцай стоял на воротах. Сверяясь со списком, он нагло хозничал, а когда заметил меня — сделал вид, что не видит. Да и мне — не привыкать.

Я стал искать палатку, где обычно работал дядя Жора. Сейчас ее переместили поближе к воротам. И правильно! Теперь это — не «павильон массажиста», а — «кабинет бич-менеджера». Даже табличку прилепили: «Офис». (Слово-то какое: как легкая пощечина,

ненароком так, пустой дамской перчаткой... Ну — вроде заигрывания).

Внезапно из палатки выкатился сам пан Опекун!..

Отряхиваясь — как пес после холодной воды, дядя Жора тут же просек пространство — и заспешил к проходной, торопливо закручивая на пузе расхристанные полы рубашки-милитари. Буцай звякнул, ясно.

А я мстительно следил за палаткой... А вот — и дама! Фрау из Шпандау! Ну — дела... А как же — новый жилец? Ах да, он же «молодой человек с серьезными намерениями». Утопись, семейка! Куда бобо Худай смотрит?

Только наш Родитель № 2 (человек с профессорской бородкой) мог верить, что дядя Жора — потрясающий психотерапевт, к которому идут увечные на душу люди... Мы давно с Машкой знали, что каждое лето он *служил* массажистом на «Бизоне» и что клиентками его были в основном пожилые тетки с претензией на «родство душ». (А Гренадеру и другу юности он заливал что-то невообразимое из области этой самой улетной психиатрии.) А мы — помалкивали: потому, что он нас *устраивал*, а не — *строил*.

Сейчас он изображал Рэмбо. Грудь — вперед; душа — напролом!.. Затарен — в страх и ужас: у-у-у!.. Заросшие мелким терроризмом аккуратные грудейные ложбины посверкивают чем-то сумбурным: цепи, скелеты (и — ключ от сундука?). Да, прилагается бандана.

Детский сад, в общем. Я это уже перерос.

Пропустив девчонок, желающих поступить (вернее: заплыть!) в «русалки»: передовую когорту за обладание пропендулиями, — а потом еще покричав для остратки в какую-то щель под новой эстрадой и потрепав за ухо волонтера (парень показался мне отчаянно глухим) — наш бывший опекун, наконец-то, соизволил заметить и меня. Я понял, почему он не спешит: новое положение обязывало, не так ли?

Малую поблажку он все-таки сделал: «ожидайте, юноша, ожидайте...». Примерно так я и оценил его жест — которым приглашают к чужому столу посторонних детей (пока хозяин не видит).

Явился он чуть позже, явно сильно расстроенный... Даже не присел на лавочку, а стал шумно топтаться за моей спиной, (ненавижу это с детства). С тех самых пор (когда дядя Жора стал считать себя *психиатром*) — во мне он видел только *пациента*. Когда меня вытащили после урагана, мои (тогда *безномерные!*) родители с легкой душой отдали меня ему на съедение.

Сдав курс юного колясочника, я навсегда выпал из их жизни: теперь они жили в Африке, а я — под надзором «друга семьи». Сначала он отработал на мне навыки массажиста, потом — обучил этому нехитрому искусству Машку, а потом — я послал их всех к черту. Чувствительность так и не вернулась: у меня не было НОГ. То есть — физически они были. Они даже росли — и выросли: ровненькие такие — на загляденье! И ногти, собаки, нарастали. Все, как у людей.

А дядя Жора потихоньку стал готовить Родителей «к самому худшему»: не соответствию моей физической и психической жизни... Представляю, что он щебетал им по четвергам (четверг — был день его связи с Африкой).

Предки уже почти достигли нужной кондиции (я замечал по *нашим* пятницам). Вопросы у них были *гладкие, круглые* как шары, — и всегда имели готовые подсказки (как в нынешних идиотских тестах). Иногда мне вообще казалось, что меня просто-напросто *задвигают* в самый дальний угол, где стыдливая занавесочка прикрывает еще частично нужный семейный хлам.

— Ты — чудовище! — Однажды бросил в сердцах дядя Жора.

Однажды он принес мне не книгу, а — котенка. (Для эксперимента, как я полагаю.)

А сам ушел *ждать*.

И я аккуратненько припалил хвост рыжему. Совсем чуть-чуть. А еще на ночь — запер его в компании с Филимоном (чтобы уже *предъявить* все сразу...).

Вот тогда дядя Жора — и УСПОКОИЛСЯ. Не сумев поставить «мальца» на ноги, — о все-равно оставался в тренде: теперь уже в качестве «душевыпрямителя». И Профессор (Родитель № 2, кто не забыл) стал шутливо-восхищенно называть его: пан Георгий).

А Машка тогда — предательница! впервые вывесила у себя плакаты об особенностях разных психотипов — и прочем. И запоролила напрочь свой комп. Запретила входить в комнату без стука. И — самое обидное! Катька — эта *крыска* (сто раз предававшая ее!) — стала ближе к ее душе на полшага...

Боковым зрением я заметил, как мой конвой группируется напротив. Там стояло кресло для заказчика; там сторожили свою добычу Мельничуки: брат и сестра. Арт-лимитчики, как говорит Графиня О.

Вот потеха... Один мой бодигард (не сориентировался парень!) уже сел в их рабочее кресло; сестра тут же щелкнула его на телефон, а брат помчался в фтоателье.

Сзади топтался пан Георгий: я слышал его озабоченное дыхание.

Теперь он со мной — не церемонился:

— Чего надо?

— Деньги! — Сказал я. — Мне нужны *мои* деньги. — И я назвал сумму.

— Зачем?

Он был нашим кассиром: выдавал Машке ежемесячное содержание.

— Надо.

— Так много?

— Разве?..

Сам он как-то хвастался, что *такую* денежку зарабатывает за неделю.

— Конец месяца! — Сурово напомнил он. — Вы все вычерпали... Попроси у родителей. Скоро будут.

— Нужно сейчас... Сегодня. «Контрольная сумма.»

Это были деньги «на всякий пожарный»: за четыре года «сумма» хорошо выросла, но мы ей — не пользовались.

— Много работы... — Пробурчал голос. — Карнавал на носу. Некогда мне ерундой заниматься!

И, словно подтверждая его слова, через входные воротца вдруг хлынула актерская публика: полуголые молодые люди, которых Буцай тормозил в ожидании инструкций.

— Генеральная репетиция! — Взвыл голос. — Надо всех бедуинов по клеткам распахать, а я — забыл... Слушай, Кузнец: дуй отсюда! Не до тебя...

— Так мне нужны деньги, дядя Жора, — напомнил я (вполне так себе дружелюбно). — Мне нужны мои деньги, которые... моя мать — если помните, оставила именно *для меня* — как главы семьи! на крайний случай. Он наступил: этот очень крайний случай.

Тут он вдруг схватил мою коляску — и так тряхнул, что я чуть не слетел с подушки.

— Где я тебе их возьму, на пляже...сукин ты...

Он разогнулся, чтобы сказать что-нибудь редкое и злое. Но тут на нем повисла какая-то тетка... И тогда он добавил сквозь зубы: сдержанно.

— Должен разочаровать тебя, мой юный друг! Места в данс — шоу — уже все заняты.

— Все? — Невинно поинтересовался я. — А вот фрау Миллер — та, что вышла сейчас из вашей палатки, говорила мне...

— Шантажист... — Промычало у меня за лопатками. И еще, пакостнее: «режиссер недоделанный...»

Но я уже знал, что победил. Не будет такой прожженный ловчила, как пан Георгий, накануне карнавала терять свою репутацию: да и босс не позволит. У него, у *хозяина*, как я погляжу — свои виды на этих Миллеров.

Нет, ЛЮ-Ю-ЮДИ: да это — мистика какая-то... Стоит *подумать* о Миллерах, как они — уже тут. И уже улыбаются. Особенно тепло и странно — улыбается эта самая Катька. Дела...

— У «сухой лодки», вечером! — Крикнул мне на прощание дядя Жора.

И голос у него был — не сказать, чтобы противный.

Просто навстречу шла строгая фрау.

5. Сейчас помедленнее... рапид

Конвой летел за мной, образцово — как на школьной тренировке по бегу, прижимая локти к мосластой груди. На рывке один из них успел зацепить с планшетки сестры недокрашенную фотографию — и на рысях закинул ее в карман.

У самого дома я почти налетел на дядьку Мотыля, снующего повсюду со своим длинным сачком. Он как-то извернулся — и цап меня за плечо:

— Куда спешишь?.. Когда привезут?.. Сколько ты хочешь?

На первые два вопроса я ответил сразу. «Домой!!..» и «Скоро!..». Третий вопрос поставил меня в тупик.

— Сколько ты хочешь за своего...э-э-э, трансформера?

— Не понял...

Дядька Мотыль слегка приложил меня сачком.

— Не валяй дурака, парень. Разведка уже донесла: у тебя кто — «африканец», «азиат»?.. Неужто — «австралиец»: ну, такой пестренький, крупный, мимикрирует под сучок, да? Да телись быстрее, юннат: на вахту пора. Меня мамка с папкой не кормят.

Я пытался скинуть его сачок:

— О чем это вы, дядька Мотыль?

Он заскочил перед коляской. Причем — так шустро, что сачок только развернулся колом, но остался на месте.

— Дам хорошую цену, — пробормотал он, запахивая плащом солнце. — Больше — все-равно никто не даст!

— А с чего вы взяли... — Начал я, но он стал терпеливо долбить сачком мои плечи.

— Эй, парень, ты же не считаешь, что я тебя — даром поджидал? Вон и твоя сестра...

Я глянул снизу в окошко: там сидела Машка, свесив наружу ноги. В *платьице*, чтоб я не доплыл до финиша! (За все лето — впервые.)

Собралась куда-то, изменщица.

— Нет у меня ничего! — Окрысился я. — Залетал дурак-кузнечик, пошастал — и вылетел! Больше не заходит.

— А вот не — ВРАТЬ! — Учительским голосом заревел коллекционер. И опять пустил в ход свой проклятый сачок. — Тут весь двор слышал, что КТО-ТО есть...И ты с ним — разговариваешь! Огромный, зеленый — точно из Австралии, верно?

Я вздохнул облегченно:

— Это потому, что я — сумасшедший: с кем ни попадя болтаю, лишь бы слушали меня!.. А еще я люблю потрындеть с бабочками. Только — не со стрекозами: они все такие *жуткие сплетницы* (и я дурашливо помахал сестрице). Поэтому — стрекоз я игнорирую, дядечка Мотыль.

— Ладно, — Задумался о чем-то вахтер. — Порхай покуда, прогульщик.

И он ушел; и утащил с собой солнце на расправу (и от него ему что — то было нужно).

Совершив все маневры (восемь поворотов, два отката...), я, наконец, скрылся от людей в своем полутемном дзоте. Машка, судя по всему, то же слиняла...хотя — нет!

И — стук в дверь! (Какие мы — вежливые...). Ба-бам!!!

Ну — заходи...Лучший друг младшего брата (как убеждала Гренадер).

Не оборачиваясь на вкрадчивые шаги, выбросил за плечо сжатый кулак: вот тебе, сестрица!

А сам скоренько сорвался к столу: там, в тени календарной пирамидки, меня должен был встретить заждавшийся Гошка. Мой друг Тэтти-Гон из клана Длинноусых Кавалеров!.. Вам — смешно?.. А как мне смешно, когда «овца» покупает «барану» еще парочку «круторогих» — и потом дарит... в честь Дня Рождения! Пастух виртуальный!..

Гошки — не было. Я похолодел от недоброго предчувствия.

— Где он? — Спросил я, по-прежнему не оборачиваясь.

— Не скажу!

Но теперь я видел ее: эта наглая морда объявилась на другом конце стола, продолжая заниматься самым бессмысленным делом в жизни: красить видоизмененные эволюцией когти. Причем — в цвет вампирской ночи: багрово-фиолетовый.

— Где он, Маша?

Если она что-нибудь понимала в интонациях, то сейчас должна была с визгом вылететь из комнаты. Руками я ее не достану, а вот любым предметом — запросто!

Но Машка преспокойно занималась своим дурацким лаком. Даже не поменяла позицию на более безопасную. Это и настораживало.

— Что? — И я подставил к уху свернутую рупором ладонь.

— Не скажу...Вернее — скажу. Если ты сейчас переодеваешься — и мы идем на премьеру! В «Волшебном Очаге» сегодня премьера — ты не забыл?

— А я — и не помнил. Это — ваши затеи...Так где он?

— Ну, Данька... — Заканючила она. — Ты же мне — друг, товарищ и брат?

— Только брат! — Сурово поправил я. — Тащи сюда Гошку, если жить хочешь...в мире.

— Это не моя «затея»! — Сказала она примирительно. — Это ваша начальница — как ее, Седая! Попросила, чтобы одни *особенные* дети — поддержали другого. Пойдешь?

— Поеду... Запомни, наконец: я — не *особенный*; я — исключительный... Так где мой маленький приятель?

— А ты — не чувствуешь?

И тут я понял: у меня — бейсболка из грубой джинсы... А он — маленький, легкий, воздушный. И я подставил ладонь, чтобы он не торопился... Только вчера стонал и охал (в смысле: пощелкивал и посвистывал); а нынче — танцует джигу на моей голове!..

— Так мы готовы?! — И сеструха так отмахнула кисточкой, что за один раз умудрилась забрызгать и меня, и стол и — здрасте, угадайте! — даже бедолагу Прямокрылого!

Но Машку уже было не остановить: приближался заветный миг (всегдашний миг ее торжества): сейчас она будет меня, неразумного, одевать: в смысле — давать советы и — подавать вещи.

— Оденем ту тряпочку, что папахен прислал на Рождество, да?

Меня просто бесила эта рубашка: вся в «счастливых попугаях»...

Я молча нянчил «окровавленного» Гошку.

— Мы его ацетоном отмоем, — сказала Машка. — Но потом. Потом...

— Знаю я тебя: приедем — и ты сразу смоешься...Туда: к бизонам.

И я надел родительский подарок. Все мы — лицедеи: и кто пугает, и кто — подыгрывает.

Когда мы выезжали, я вдруг достоверно и четко услышал его тонкий, словно *дребезжащий* голосок:

«Не покидай меня, царь Данька! Не бросай... На этой планете — я чужой!».

О чем это он?..

Но что-то кольнуло меня в сердце...

Спектакль был, как сейчас принято делать, «по мотивам». Сам Бурат (ну, Буратино!..) — клон; папа Карло — чокнутый профессор; Карабас — директор лаборатории. Вся интрига крутилась вокруг подлого Сверчка, продающего родину и клона злобной парочке... Типичная, значит, чикагская мафия: наркодилер Базилио и танцовщица из кабаре — Элис. Мальвина носилась с диктофоном (ловила компромат). Самым близким для зала оказался Пьеро: он ездил в инвалидной коляске (простой «турке» с ручным управлением). Большинство невеликой публики было как раз на таких.

В самом начале ведущая (я с трудом узнал маму Андрэ) долго объясняла, что «артисты — не слышат, но речь у них поставлена». Но все-равно, два суфлера с этой бедой не справятся, — и Седая Дама вызвала на сцену добровольцев: на помощь брату Бурату. Как всегда, она ловила своих «добровольцев» на удочку — и, под здоровый смех, волокла счастливца на сцену.

Сейчас это называется: «интерактивное общение с ребятами».

Когда доброхотов стало двое, я уже не сомневался, кто будет третьим... (Эта Седая Дама мне уже подмигивала.) Нас тут же распихали за кулисами и объяснили сверхзадачу: по взмаху белого платка — судорожно начинать хлопать!

ВСЕ.

Мы клакеры; мы должны были заводить публику. Со всем стальным прекрасно справлялись специальные суфлеры — с уже исписанными плакатами.

Театра, собственно, и не было. Была эстрада, скамейки (как на вокзале) и еще забор. Меня примостили в левом крайнем углу, подальше от первого ряда. Мимо все время бегали артисты, загораживая мне белый платок. Жара здесь была и от далекого солнца и от ближней кулисы и от щербатого пола.

В антракте Седая Дама передала через Машку банку теплого сладкого пойла и «настойчивый» совет: не спешить после окончания спектакля. Она — «хочет поговорить», ага!

Не выдержав духоты, народ уже стал разбегаться в середине второго акта; и какой-то злой демон выпустил в это время Андрэ: он играл собаку-следователя (сеньор Артемоно); носил на плече — огромную лупу, на голове — пожарную каску (?), а на каждом клетчатом бедре висело по ужасному кольцу. Только он стал рыскать — по не особо заваленной сцене! как угловым хлопателям был дан знак — и мы истово забили в ладоши... Но тут пробежала огорченная ведущая: «Расходитесь, все — расходитесь...» и я распрямил затекшую спину — и подался на выход.

По сцене, заломив в отчаянии руки, металась сама мать Андрэ. Ее сынок, в собачьем комбинезоне, глядел удрученно вдаль — где, по всем правилам, должны были собратиться его поклонницы. Что-то на мамашу нашло... «Снимай! Здесь это — никому не нужно!», и она хищническим броском сорвала с него черную лопоухую шапку... Что-то вылетело у него вместе с реквизитом — и откатилось к моему креслу. Андрэ замер только на миг — и тут же бросился на перехват.

Но руки у меня — как у гиббона; и то, что он уронил, я зацепил первым!

Он подскочил — и закрыл мохнатой грудью и зал и сцену. А потом накренился, почти

умоляюще прошептал: «Ну отдай, ну?!..!»

Вдруг стало тихо в публичном месте. Народ притормаживал, народ озирался... «Скандал» — вот истинное зрелище; и любимый сериал — вот он, веселое дитя улицы!

— Отдай ну, верни...

И он стал выворачивать мне руку. Ага, разбежался!.. Мои *весла* посильнее будут, чем твои артистические лапки. Я с гантелями дружу, а не — с девочками: пес ты поганый!..

Тут и мамка подскочила, загудела в микрофон, пытаюсь *сохранить лицо*.

— У мальчика — стресс! — Вещала она полупустому залу. — Это бывает... Великая сила искусства! Давайте все вместе похлопаем пареньку, который не желает покидать эти священные стены... До завтра, наш любимый зритель!

Она трещала в свой мегафон, а мы за ее спиной почти дрались!. Кулачных боев в колясках еще не придумали, так что мы — с этим пуделем! рубились быстро, сейчас и сразу... Эта псина хотела перекрутить меня, но мы — «дети уколов»! умеем прятать свою задницу. Тогда он схватил меня за шиворот — и стал придушивать (о мое же колено). Какие-то мужики уже лезли на сцену... И тут я — взлетел! Мелькнула опарашенная морда с отодранным ухом... Мои бодигарды вынесли меня на руках: вместе с коляской. В потной ладони я жимал то, что мамашка Андрэ так удачно выбила из его уха... Одним кавалером у Машки будет меньше!

Под забором меня догнала Седая Дама.

— Только поговорить, Кузнецов!

Вот и поговори: тут столько народу...

Я развернулся — и с понтом лихо выкатил на аллею, почти пустую: все живое уползло в тень, спасаясь от неистовой экспансии солнца.

Мои избавители ровно дышали рядом: слева и справа. Как ББГ — съехал, так и стали спасать понемногу. Хоть какая-то польза.

Сейчас я хотел одного: увидеть сестрицу. Пусть даже — с этой коровой Катькой. Главное — ДО ее встречи с Андрэ, а не — ПОСЛЕ. Скользкие эти — и мальчишки и их родители; а примазываться к инвалидам — последнее дело! Машка это поймет.

Дома я ей покажу добычу: непарный вкладыш из специальных берушей для плавания. И, значит, Андрэ прекрасно слышит, — и нечего ему делать в дефф-театре «Волшебный Очаг», верно?.. Пусть строит свою карьеру в другом месте.

Дома я открыл все окна: на кухне и у себя в комнате. А потом снял пострадавшую в драке рубашку... А потом я сидел у окна и слушал «заседание педсовета» под старой липой. Как всегда, докладчиком по мировым новостям была почтальон Зина. На этот раз она лично страдала от гибели нескольких сотен фламинго на острове с труднопроизносимым названием. Но публику на этот раз больше волновало подорожание цен на холодную воду и почто съехал (ставший почти родным) господин ББГ, — так что Зина была в пролете.

Ко мне в окно заглянул Черноухов: мимо шел, ужасно переживал за сестру... Я его по-мужски понимал: мне самому не нравилось все это — ни театр, ни ее недалекая подруга, ни — тем более! этот подозрительный пляж «Бизон», к которому все девчонки слетались, как мотыльки на огонь.

— Так она в театре была, — говорил Петька, что-то прикидывая. — Это там, где глухой красавчик выпендривается?

Тут я его успокоил:

— А он уже — не глухой! Он уже слышит лучше всех... Искусство лечит!

Черноухов хотел что-то добавить, но тут сбоку втиснулась Зина. Я видел только ее макушку.

— Труба зовет! — Радостно закричала Зина снизу — и все старушки под липой разом онемели! На их глазах рождалась *новость*.

— Труба!.. — Гордо повторила почтальонша. — Зовет, значит... Осенью — марш-марш! Прямо с собакой: на границу! Понял? Тебе расписаться надо, солдат. И повестка перешла в руки Петьки.

— А я в десант хочу! — Растерянно улыбаясь, сказал новобранец.

— В десант тебе нельзя, сынок! — Сурово поправила письмоноша. — Собаке парашют не положен... Только — земной рубеж. Правда, баба Уля?

Баба Улька, хозяйка Черноухова, торопливо закивала: собака без постояльца — ей ни к чему. Верно.

— Жалко, тетеньки... — Ложно всхлипывал Петька. — Форма у «десначей» — красивая! Как же мне перед девками-то красоваться...,а?

Лавочка *повелась*, всполошилась:

— Тебе — перед девками красоваться — или долг Родине отдавать?

— Баба Уля, я вам что-нибудь должен? Вот видите: я никому ничего не должен! — безобидно заметил Петька.

Тут они и заголосили: разом! Все припомнили: и танки под Москвой, и редуты под снегом, (Ивана Сусанина, само собой); еще какого-то пацана (вон памятная доска: иди, глянь!); Мелания Сидоровна рвала на себе военный пиджак (с не боевой раной на лацкане). А одна старушка, как выяснилось, вообще — прямая наследница маршала Конева (только он об этом не узнал никогда...).

Диспут оборвала Зина (обидевшаяся за своих фламинго).

— Это — твоя обязанность, Черноухов! Вот скажи: кто нас охранять будет, ежели супостат какой?

Петька почесал в затылке. И вдруг — радостно спохватился:

— Челюскин, кто же еще? Его враги и так испугаются: вон тигра какая!

От возмущения скамья притихла...

— Ну — и Тристан ему в помощь!

И он нагнулся: видимо, чтобы погладить напарника.

И как только он нагнулся, я сразу увидел их всех: и взволнованую, растрепанную мамку не доигравшего *артиста* и летящую на своем «боинге» Седую Даму и — с другой стороны! бегущую к дому сестрицу. Тристан выскочил ей наперерез, подпрыгивая и салютуя хвостом. А Петька шел ей навстречу, чему-то улыбаясь и обмахиваясь повесткой.

Атмосфера сгущалась; намечался «свежий» скандал.

Оттолкнув призывника, Машка пулей влетела в дом... В это время я успел захлопнуть рамы. Когда она забегала по комнате, я — СПАЛ.

Почти сразу же забарабанили во входную...

И я услышал *спокойный, чуть усталый* голос сестры-сиделки при болезном младшем братишке:

— Он — отдыхает... Он — устал. Зачем мне его будить? ...Прекрасно он может устать: весь день в коляске, без движения... А тут еще — жара. А еще — солнце! Голову перегрел... Да, я знаю: *что ему еще там стало плохо!*..Всего хорошего. Спасибо. До свидания...

Конечно, вызову: у нас свой врач.

Потом еще царапался в дверь Черноухов. И ему она что-то вешала из своих макаронных припасов.

Выждав, я пересел в коляску и покатил в кухню. Хотелось пить.

Разворачиваясь в коридорчике, я вдруг услышал странные, не свойственные Машкиной комнате звуки. Она РЫДАЛА в подушку.

Вот приплыли... И первый кавалер — кандидат на вылет (я уж об этом побеспокоюсь!); и от второго — никакого толку.

Как избавиться от избавителей

Приближался вечер — а с ним и эта проблема (смотри заголовок). К концу дня остывшие пляжи — безлюдны; все подходы просматриваются. На самой набережной, конечно, вечная суета, но дядя Жора недаром назначил мне randevu у «сухой лодки». Вот здесь — самое место для шпионских встреч! Лодку, приваленную землей для устойчивости, со всех сторон окружают деревья; уголок — тихий, не фотогеничный, а дядя Жора — человек осторожный: свидетели ему ни к чему. Стражи здесь быть не должно! И точка!

Я почему-то еще утром решил, что этой встречей — у проросшей цветами лодки! пан Георгий захотел меня унизить... Я же — как та лодка: и целая с виду, и мачта на месте — а вот не плывет! Я же — как та лодка: вроде и существую, да не в своей естественной среде.

В полумраке я лежу и думаю: куда деть бравую стражу... Духота... (Скупой дядя опекун утверждал, что кондиционер — самый злобный враг человечества: и что в пещерах была естественная вентиляция...). Открыть рамы?

Нет, эти brave ребята не должны маячить за моей спиной... Сегодня, сейчас. Особенно — сейчас. Запросто спугнут моего спонсора своей боевой выправкой.

Надо срочно предпринять... Срочно!

— Гонша! Не притворяйся, что и ты — теперь глухой... Слышишь меня? — Я отстучал «подъем» на тумбочке.

«Чего тебе, человек... Еще день — на дворе.»

— В том-то и дело, что *еще* день... А ведь будет — и вечер, так? А мне нужно на набережную...

«Пусть отдых ждет тебя под каждым листом...», — проскрипел он напутственное слово.

— Что ты гонишь, Тэтти-Гон! (Ого, это у меня уже входит в привычку!..) Ты мне лучше скажи: как мне избавиться от моих бойких ребят?

«Всего-то... Договорись с другим видом. Вы же млекопитающие, чего проще-то?»

— О чем ты?

«О том. Загляни в дупло! Что ты видишь?»

— Морду вижу. Челюскина вижу.

«Нет, царь Данька! Там, где ты видишь «морду Челюскина», твой караул видит своего естественного врага!.. Воспользуйся этим.»

— Ты очумел, зеленый? С людьми-то невозможно иногда договориться, а тут — кот! Венец творения — и орущее по ночам животное.

«И чем ты в принципе отличаешься от кота?»

— Ну... я ДУМАЮ.

«А он что — совсем без мозгов? Он тоже думает: по-своему.»

— У него — четыре ноги...

«А ты не променял бы свои две — на его четыре?», ехидно цапнул Гошка.

— Ты — издеваешься? Совсем здоровый стал...

«Учись, человек. СИ-волны: единый код живых существ...»

Он запрыгнул ко мне, его усики-антенны заходили ходуном... Странный пунктирный свист поплыл к старой липе — живой искрящей лентой... Морда кота перекосилась, он зевнул, обнажив нехилые клыки, потом буд-то отмахнулся от чего-то лапой... И тут цепь прервалась. Челюскин скрылся в своей амбразуре.

Я глянул на качели: мои ребята там раскачивались... Раз — два, раз — два...

— Устарела твоя технология, Великий Воспитун!

«Не устарела, а дала сбой. Раз система дает сбой — она однозначно жизнеспособна.

Надо искать другое решение...»

— Ищи! У тебя времени — навалом. А меня уже — поджигает.

Я завертелся в своем драндулете, отыскивая чистую футболку. Потом наспех прихлопнул рамы (чтобы со стороны казались закрытыми), потом...потом меня *осенило!*

Я рванул в коридор. Ура! Ключи на месте; и я стал бомбиться в сеструхину дверь.

Есть у нас с Машкой непреложное правило: как бы мы не грызлись, в критический момент (после волшебных слов: «Это для меня!») мы помогали друг другу. Пусть молча, раздраженно, отдельным фактом... а все-таки *объединялись*.

Моя идея ее затронула. У нее даже бесики в глазах всполошились:

— Сделаю!..Честный ты наш...

(Вот чем-нибудь да подковырнет! Теперь — и честность моя не по нраву... Ну так — сиди себе на коньке крыши, играй с бестолковой бабочкой дальше...)

Через четверть часа я уже затаился перед выездом на площадку. Но первой сквозь двери протиснулась Машка ...с «больным мальчиком» на домашней скрипучей «кляче». Сам я давился от смеха, слушая ее рассказы про «тепловой удар»; старушки под липой только охали. И вдруг что-то щелкнуло — с характерным таким треском! Ну говорил же я — скотчем надо, скотчем!.. Теперь, наверно, вся лавочка столбенела: у «мальчика» — отвалилась челюсть...Взвыли колеса на вираже — это Машка уносилась по пандусу вниз!

А теперь появился я. Общий испуг под липой: еще один «бедный мальчик»! Это вам, бабоньки, не мексиканский сериал. Это наш — русский триллер!

В мертвой, будто подводной тишине, я молча проехал мимо — и свернул на первую, идущую к морю улицу. А моя голенастая гвардия дружно щелкала сандалиями за своим *охраняемым объектом*. А Машка — то, ну актриса: еще и остановилась на перекрестке — словно давая братику осмотреться. А что? Это первый выезд Филимона *в живые люди*, понимать надо.

Когда я подъехал к лодке, по-могильному поросшей цветами, никого вокруг не было. Курортная публика гудела рядом, на набережной. Небольшая толпа была возле Мальчика-с-Гирей: приезжие мамы охотно ставили рядом с ним своих худосочных заморышей: маленький атлет источал «железное» здоровье.

Между лодкой и кафешкой начинался причал; отсюда, уже ближе к закату, вся курортная рать ринется «наблюдать море».

Самого пана Георгия не было, но я слышал его рупор: занятый человек... Чтоб не торчать *просителем*, я решил заехать на чудом еще не закрытый пляж какого-то санатория. Здесь думали об «особенных «клиентах»: весь пляж пересекали несколько бетонных дорожек, и я пригнал свою «ракету» поближе к воде. Рядом возвышалась горка из сложенных лежаков; из-за нее доносились голоса. Один из них я сразу узнал — привычный тембр, подсевший от долгого и безнадежного говорения.

— А хуже всего — косатки! Что им не понравилось на нашей прекрасной земле, что? — я вас спрашиваю... А все, как один — забыв про свои обязанности...

— Какие «обязанности»? — Проснулся и второй голос (рассыпчатый, сухой — как песок под ветром).

— Обычные. Домашние... Они же — за детьми присматривают...

— Кто?

— Бабушки — косатки.

— Да что чушь нести? — Ласково упредил голос.

— Нет! — Зашуршали чем-то бумажным. — Вот тут, в журнале: только у косаток — семьи! И еще — у белух, конечно. Теперь — представляете: вы приходите домой — а ваша бабушка — с балкона!

— Я — детдомовский... — Задумчиво возразил голос. — Бабушка... Скажете то же...

— Вот потому и — детдомовский, что все косатки повыбросились, а дети — без присмотра!

— Странные речи...

(О! Это он еще раньше ее не слышал!..)

Я выглянул. Возле отдельно стоящего лежака, обняв почтальонскую сумку, горбилась сама тетя Зина, а возле нее — полукругом! вечные (и часто — единственные тут!) благодарные слушатели. Кошки. Зина их подкармливала.

Обращалась Зина сейчас к завалищенькому на вид мужичку: я видел только согбенную спину — с полуоторванным хлястиком.

— Знаете, — бубнила Зина, — это же катастрофа: это кара земная и небесная. Земля дрожит; конь бежит... Вы слышали про коней Пржевальского? Их угнали в Англию — за тысячи верст... Но несколько лошадок сказали: «Баста!.. Хотим домой, в родные степи...» А их ждал пролив; их ждали звероловы — и люди, которые вложили деньги в поимку...

И, не прекращая речи, она сбоку совала ему журнал.

Спина вдруг развернулась. И я увидел лицо: до жадности внимательное... А потом — глаза: совсем закрытые, навсегда.

...Наверное, я никогда не буду счастлив.

По опыту знаю. Когда человек хочет спрятаться от людей — весь мир становится прозрачным. Тогда он и забивается в самую глубокую нору, которую способно вырыть воображение.

Я прячусь в кадре. В самом темном — непроявленном. Нет там ни близких, ни дальних отражений. ПУСТОТА. Это *жемечта*, ЛЮ-Ю-ЮДИ, спрятаться от всего живого, высокоразумного. Забиться в спасительную геометрию угла, зарыться в тишину. Притаиться... Выждать.

Дядя Жора нарисовался внезапно: вот только что его не было, а уже — здрасте! Торчит со своим рупором, в нетерпении перебирая «копытами». Он спешит. Он считает, что уже стряхнул с себя все обязательства, данные моим Родителям (и Первому и Второму номеру). Он и глядит как-то иначе: не как «дядя Жора — ты обжора...», а на порядок откровеннее... и пугающе.

Я даже растерялся. Жутко не захотелось взрослеть: сейчас, сразу, мгновенно. (Будто сломали поручень на пандусе.)

— Ну что, рэкетир? Тебе скоро четырнадцать... я тебе не нужен. Вот мой последний взнос (Он швырнул мне на колени бумажный сверток). Надеюсь — теперь в вашем доме воцарится настоящий хаос! Чур — морды не бить!..

Он был доволен своим *благородством*. Теперь его с нашей семьей ничего не связывало.

Он старательно обошел мое кресло по кругу (помнил: меня бесило это с детства!..)

Потом встал за спинкой, надавил, развернул — словно собираясь коляской торпедировать цель: старую лодку. И, наконец — так *дружески* хлопнул меня по плечу, что я весь перекосялся. «Пошел!», закричал он, подталкивая кресло на выезд.

Но тут ему позвонили... Не дослушав, он легкими обезьянними прыжками нагнал меня. — Стой... Босс сказал: «придержать шпаненка», понял?

Но я уже внедрился в стонущую толпу вокруг Мальчика-с-Гирей. Каждая мамаша норовила вместить в кадр и себя, и наследника — и железного крепыша в придачу. И пану Георгию (несмотря на его руководящий рупор), все дружно загалдели святое: «В очередь, мужчина, в очередь...».

Пан Георгий озирался... Здесь он был не менеджером: здесь в нем видели халявщика. Ему в руки сразу сунули чужого младенца: точно такой же был на руках напротив. Совсем юная мамка (утопись! не старше моей сестры...) глядела на него, как родная дочь, угодившая дедушке...

Не дожидаясь развязки, я дернул к четырем фонтанам. Но к моей спине прилип чужой взгляд... (летом, через футболку — это вообще отвратно). Я даже попытался стряхнуть его: физически... Графиня О. была уже почти рядом (ее территория — первый фонтан по бульвару при спуске: или четвертый — от моря). Кресло у нее было занято давешним дедком (поселился он здесь, что ли?). Я молча подсунул ей за мольберт сверток; она так же молча кивнула. И я «дал шпоры своему железному коню» (так пишут в романах, девчонки!).

Но тут везение кончилось. Буцай меня уже ждал. (Он же не цивилизованными дорогами шел, а бежал промежду палаток). И стоял — набычившись, как Хозяин: большой босс.

Я замер. Заорать, забиться в истерике?..

Ну — и кто рядом?

В позе древнеегипетского писца (я такое видел в школьном учебнике) сидел не самый великий силач с пляжей: бездомный Дикуся. Старенький «Поляроид» через тощее плечо (он им иногда даже снимал, увязавшись за парочками) — вот и все имущество Бессменного Фотокора Вселенной (так он себя именовал редким заказчиком). Дикуся — совсем не придурок; но он чтит законы рынка. А рынок подсказывает ему, что каждый уважаемый сумасшедший — оригинал в меру. Создавать нужно только антураж городской среды ... (приезжают смотреть не на Дикусю, а на эту дивную набережную, где есть вот такой чувак:

Старый облезлый фоткач, похожий на сбежавшую из Каира мумию. Вообще — публика (из разомлевшего на солнце сочувствия) всегда советовала Дикусе, чтобы он начинал петь «такое что-нибудь» — ну или там: «дудеть на дудочке». Но старик подвис на другом: на подобранных флайерах он писал свои неутомимые одинокие рифмы:

Напиться бы — и молодость проспать!

Или:

*Гаснет свет; Электричества — нет.
Вот и кончился эксперимент.*

К Интернету у него была какая-то врожденная библейская ненависть; он посвящал ему

программные сочинения (смотрите Пятитомник в самом начале). Вообще же обходился одной, реже — двумя строками — и брал со своих трудов по прикрепленному возле худых, распластанных коленей, ценнику: «1 текст — 1 гусь».

Гусь стоял рядом, замещая экзотического павлина — недавно украденного. (Вообще, живность у него часто менялась...).

Конечно, публика с *гусями* (как формой оплаты) — не ходила. Имелся в виду корм для птицы, а если повезет — то и пирожок для самого поэта.

...И что: я должен устраивать потеху с привлечением Дикуси в качестве защитника?

И я просто пожалел, что Машка увела моих гвардейцев. Оставалась еще праздная толпа (в ней и заступников и жуликов пополам!..) Но орать я не стал; Я просто вернулся под надзором Буца. У вросшей в землю лодки меня уже ждали; я испытал ужас пигмея, молодого мальчика пигмея, которому нужно пройти инициацию: сразиться со львом!..

В начале широкого причала стоял лимузин: белая машина, черные окна. Там, в кабине, мышкой в норке, выглядывал Дасэр.

Меня толкнули рупором в спину:

— Сейчас хозяин пройдет на яхту. Здесь свой ритуал, понял? Не спеши. Пойдешь после гостей...

— Что я там забыл, дядя Жора?

— Я тебе уже не «дядя», сосунок! На борт — марш, «племянничек»: после всех, ясно?

— Никуда не поеду! — Уперся я.

Голос стал теплее, сговорчивее.

— Я что тебе всегда говорил, тупое создание? «Ты — *кузнец* своего счастья,» так? А сейчас оно может уплыть, если не подсуетишься... Видишь?

Он так развернул мою голову, что чуть не свернул шею.

Белоснежным облаком там, в конце пирса, покачивалась «Мечта Мазая»: яхта Белого Человека. Юркие зайчата еще всюю гонялись друг за дружкой, а мохнатая мамкина лапа лениво грозила им, обнимая форштевень.

— Тебе, Даниил, решать... — Бухтел за спиной пан Георгий. — Инвалиды — вечные детки! Судьба их списывает подчистую... Сестра выйдет замуж, с кем останешься? А главное — с чем? А у хозяина будет тепло и сытно. Он сейчас такое важное дело замышляет — все будете присмотрены: как пчелки у матки. Надо только капельку соображения...

Тут его прервали, он рявкнул, что — скоро будет, а бороду Водяному Царю пусть ищут сами: не дети.

Лимузин уже окружила публика: всем хотелось селфи. а самые отважные делали попытки пробраться поближе к яхте (с теми же намерениями). Все больше нервничая, пан менеджер стучал рупором по своей загорелой ноге.

— На твоём месте, Кузнец, я бы — не выеживался... Пора тебе притираться к серьезным людям! Друг твой Леха от счастья бы помер... Но пригласили не его: пригласили тебя. Какие у тебя шансы пристроится в этой жизни: в монастырь — не пойдешь... Хоть и — Даниил, но не Заточник же, я тебя знаю; и Стивена Хокинга из тебя не получится: не тот посыл, не те зачатки... Разумеешь?

И он ткнул меня рупором в спину. (Да что за день такой!..)

Но и этого ему показалось мало: он приставил рупор к моему уху.

— Эй ты, проснись!.. Я с кем разговариваю?

Но я не обращал на него внимания... Напрягая слух, я — как радар, ловил звуки этого

голоса... Такого знакомого, как с высоты. Но я еще сопротивлялся.

— Мне нужно домой, — бормотал я. — Очень нужно...

— Ехай! Езжай куда хочешь, режиссер хренов...

Тут он меня убил (как наставник, он знал все болевые точки *питомца*).

— Думаешь, я не знаю: зачем тебе деньги? На камеру, змееныш!

Я смотрел на него, улыбаясь. Его лицо перекосилось. Крупный план. Глаза мечут молнии. Ноздри расширены, губы кривятся... Классический «индийский злодей» (по моей классификации).

— У вас — пробелы в образовании, дядя Жора. Камера нужна оператору. А вот режиссеру, как раз, достаточно той шпуки, которой вы все время бестолково размахиваете.

— Садист! — Дядю Жору уже ничего не сдерживает: ни репутация «друга семьи» (в добром смысле), ни его всегдашние потуги выглядеть этаким миротворцем. — Садист! — Почти сладострастно кричит он. — Твоя сестра вычислила; она на тебя — целое досье собрала: и ты его не увидишь: Я сказал — *запоролить, немедленно!* Скоро загремишь в психушку!..

Скрипнувшие дверцы лимузина заставили его заткнуться.

Громоздкая фигура стала выползать как бы по частям — и собирать себя уже снаружи. Все завертелось, запестрело, зазвенело вокруг Хозяина: белоснежный костюм, ковбойская шляпа в руке на отлете, пестрый на горле шарфик... Гляди, народ, любуйся — вот Господин тебе. Пора и мне ехать, пора. Ну Машка, ну — сволочь...

Но тут причал *пошатнулся* (словно неведомая Годзилла почесалась о сваи...). Я прирос к своему креслу... Все в привычном формате, ЛЮ-Ю-ЮДИ, в привычном формате...

Вот белый плантатор; вот его лимузин; вот его причал; вот его яхта. Вот он ведет за руку свою *гостью*.

А вот — брат гостьи; щемится к самому краешку ограждения. Он еще пытается идти *независимо* (и, как бы, рядышком). Но он уже знает, что независимость — это первый пробный луч на право существования под солнцем; и потому — многие предпочитают проспать.

Красивый белый дракон, свернув кольцами нахальное тело, возлежал у причала. Его хвост взбивал необозримую синюю гладь.

А у меня (вместо копья) — только *гнев*; святой детский гнев возмущения — никогда не приносящий удачу...

И я погнал «коня» в разъятую пасть.

Яхта — вот она: рядом. Борта — высокие; сходни узкие. (Сходни здесь — не для колясочников). Как дитя над пропастью, я замер перед узким въездом. Стыдно было поднять голову: они все уже были там: и Большой человек и его свита. Они молчаливо и поощрительно переглядывались там, наверху: «Мальчик остался внизу, ах! Мальчик на колесах... Вы видите?»

...Развернуться?

Хватит мне на сегодня пощечин!..

Но я гляжу на распахнутую калиточку — именно от нее и сползают на причал издевательские мостки. И там — где она начинаются, суетится Буцай, пес хозяйский. Он караулит вход, и вдбавок стережет какие-то сигналы из крошечной кабины крана-лилипута. «Сейчас!», кричат сверху. Да это же Катька, моя несостоявшаяся «партнерша по танцам»...

Дать бы сейчас примитивного драпака!

ЛЮ-Ю-ЮДИ, вы меня слышите?... Я не хочу на этот борт.

Там у меня все *потеряно*.

«Чтобы развернуться — надо оглянуться!» (Это — первое, чему учат маленьких колясочников...)

Я оглянулся. Плотная толпа с айфонами. Все молчат — облизываются. Ждут *крови*.

Их *стена* (живых людей!) показалась мне прочнее самого несокрушимого бастиона ... по белой стене которого — как блики! скачут непоседливые зайчата.

(...именно **зрелище** когда-то столкнуло — и объединило людей; а **хлеб** все предпочитают жрать в одиночку: неважно — у себя под подушкой — или в отдельном кабинете шикарного ресторана).

Наконец опустилась стрела (с какими-то безобразными крючьями). Буцай с полуспушенной штаниной — ходил важно, как прораб на виду комиссии:

— Вира-а! Вира помалу...

Опустили меня нежно: как в мамкину ладонь. Кто-то захлопал и засмеялся; и публика — порадовалась...(Так себе: относительно.) Подскочил Белый Господин, приподнял шляпу — фрау Миллер сняла для потомков. Потом Тимур с Буцаем притащили щит (с рекламой «комфортной жизни для наших *особенных* братьев) — и опять снимали (там фокус такой: квадратная дыра, куда я засунул голову — и оказался в нарисованном особняке). Потом мне поднесли полный оранжада бокал с эмблемой «ЛЮГО-ХАУС» (малыш с костылем, сидящий на серпе луны) и — опять снимали. Все внимание переключилось на Белого Господина:

— Отдать швартовы! «Поднять брамселя!..» «Штандарт — на флагман!» (Наверно, в детстве не наигрался в кораблики...)

Но где-то внизу загудел мотор, чуть завибрировала палуба — и под счастливые возгласы яхта торжественно поплыла вдоль берега.

Меня забыли. Вот так достают щенка из лужи, тискают (захлебываясь от нежности) — и оставляют на пороге ближайшего магазинчика: авось, кто-нибудь и подберет.

А на корме ожидался сабантуй. Два официанта во фраках и белых перчатках; толстый (как и положено!) шеф-повар в гигантском колпаке; специалист по мангалу, уже вовсю что-

то строгающий.

А я, как дурак, сидел на самом солнцепеке: у трамплина для спуска на воду. Но желающих купаться еще не было; яхта шла мимо редких причалов: фотосессия продолжалась, но переместилась куда-то внутрь.

Скоро я почувствовал себя таким одиноким, будто оказался на необитаемом острове. Причем — не Робинзоном или Пятницей, а самым настоящим попугаем (только еще — не прирученным).

Гости — надо полагать! толпились где-то в нижних каютах; оттуда — и музыка и дозированный хохот. И еще — неистребимое дамское восхищение.

А я мотаюсь на доступной мне территории, подыскивая тень. Делаю круги — от кранбалки — до желтого желоба, нависающего над морем. Как они, интересно, обратно залезают: по штормтрапу? Или их тоже краном достают?.. Точно! Вон и манежик (навроде детского): пока свернут без надобности. Гости еще не *накушались*...

И я притулился у борта. Не надо был мне играть в эти игры.

Я стал смотреть на море... Когда начинают *шалить* такие мелкие волны, показывая *молочные зубы*, — жди большого движения. Когда вырастут *настоящие клыки* в виде морских загнутых глыб, — тогда лучше быть на берегу. Это точно.

Надо самому шевелиться.

Народ уже выползал из кают, голоса стали громче, завистливее, злее...но все восхищались чем-то «классным» и «великолепным». Кто там кого поразил?

Прежде, чем явиться хозяину, по палубе пробежался Буцай. Нырнул под широкий бело-синий тент (сам при этом стал в полосочку), что-то обнюхал, что-то попробовап, дал указания... И даже — не посмотрел в мою сторону. СПЕЦИАЛЬНО так, уже одним видом намекая, что держится неких распоряжений.

Смешно; звонить Машке *отсюда*, чтоб она позвонила Катьке *туда*, чтобы Катька сказала мутер — что хорош издеваться над братом: кидайте на ближайший пирс...

Кому — смешно, а кому — жарко!.. Не успел я набрать Машкин номер, как чья-то загорелая узкая кисть выхватила у меня аппарат, тут же его «раздела», выцепила «симку, батарею — а все остальное швырнула обратно, на колени.

По нынешним временам — это Конец Света.

— И кто ты теперь? — спросил я Тимура.

— Ординарец.

— Ты меня не понял. КТО ТЫ ТЕПЕРЬ?

Он ничего не добавил; он ушел, сцепив за спиной руки.

— Хочу пить... — Сказал я, обращаясь к пустоте. — Я ХОЧУ ДОМОЙ. Я ХОЧУ ДОМОЙ...

От бело-синего тента отделился человек. Человек шел ко мне — ТЕМНЫЙ на солнце.

И я сразу стал меньше; если б я был собакой — я бы забился в угол и уписался от страха. Потому что при одном взгляде на этого человека — неведомая сила вышвырнула меня из Очереди на Взрослость.

Забыв про пульт, я дергал колеса. Когда Он навис надо мной — у меня и руки одеревенели (вот так — вросли в подлокотник).

— Гуляем, бедуин? Помогать сирым — мое призвание! — И он тут же легко зашвырнул мое кресло в узкий тупичок между платформой крана и высоким ящиком. Тут был спасительный полумрак (как я его раньше не заметил?).

— Зачем кричать? — Укоризненно вздохнул Господин. — Гостей пугаешь... У меня — банкет, люди... Ты же ситрА хлебнул, так?

Он потрогал накалившееся колесо:

— Идиоты! Самих бы сюда, в эту чертову кузню.

И он — подмигнул мне. Ну — кореш просто!.. Свой в доску.

— Знаешь — чего ей надо, обслуге? (И не сумел я ничего понять. — как он уже щелкнул пастью — и буквально «прыгнул» на меня оскаленной мордой!.. Я вжался плечами в алюминиевый каркас.) — Ей то же хочется и потиранствовать и влезть в кожу *белого человека*... Жаль, что Дасэра нет: уж я бы погонял его на мачте!

И он опять подмигнул: ну как дитя после незлобивой шутки.

...Как *она* подошла, я не заметил. Но *она* уже стояла рядом: легкая, воздушная как одуванчик, занесенный случайным ветром... И платье было — как *ореол* (от любого дуновения готовый распустить семена по свету).

— Зачем тебе Дасэр? Здесь я.

Руки Айше стелились по его плотным плечам. А сам он напоминал султана, которого навестила избалованная жена.

Она что-то прошептала в его придвинутое ухо. И он тотчас интимно зарделся. И похлопал хозяйской лапой по ее тонким пальцам. Одним из этих пальцев она указала на меня:

— Он присвоил мой веер! Каталонский — из косточек редкой рыбы... Испанские дамы назначают им свидания. Накажи его, Алладин!

Теперь господин изучал меня вплотную:

— Я уж думал, что ты меня совсем разочаруешь, бедуин! А ты еще — тот пройдоха! — И он так саданул по моему колену, что — не будь мои ноги обездвижены — парализовал бы их напрочь!

— Отпустите меня, — едва успел я прошептать.

... Тут начался такой ор из динамиков, что от гула у меня заложило уши. И сразу словно большая мягкая подушка притушила сознание... Громкая музыка — мой бич!

— Я что приказала, Алладин? — (Это я прочитал по ее губам).

Почти не глядя, он крикнул через плечо: «Заглохнуть... Всем!». Потом он доверительно нагнулся ко мне:

— Вот живет в тебе, бедуин, какая-то замечательная пакость... Еще тогда заметил: когда жил в вашей «коробке». Я о тебе, пожалуй, позабочусь... Ты мне —ходишь: наглый, неуступчивый, серьезный: пора делать карьеру, щенок! Глянь — как быстро *вырос* Тимур! Стал новым человеком... Да, моя... — как ее там, девочка?

— Юлдуз. — Несколько обиженно помогла Айше. — Юлдуз — значит «звезда».

А я глядел на человека, сделавшего *карьеру* у Господина. Опустив взгляд, он хмуро прохаживался у трамплина.

— Вот! — С гордостью представил хозяин. — Прошу любить и жаловать: денщик!.. А был кто? Просто брат моей э-э ...звездочки! Сегодня — денщик, завтра — водитель... Умеешь водить машину, Тамерлан?

— Прав нет, — буркнул Тимур.

— Купим. — Сказал господин.

— О, Алладин!

«О, Айше... *Высокая. Недоступная*... Где ты сейчас? За что тебя купили?».

И вот странно: не гнев я испытал, а — жалость. Последнее утешение неудачника.

— А ты — не страдаешь, бедуйн? — Скосил голову хозяин. — Может, я чего-то не улавливаю?

— Скоро будет буря. — Сказал я. — Смотрите!

И он старательно посмотрел: сначала — на свой закат, потом — на свои волны. Потом уже — на свою палубу и, наконец, перевел взгляд на меня.

— Алладин! — Трепала его за шею «моя бывшая». — Ты мне не сказал еще самого главного!

— Ах, да-да. — Спыхватился Господин. — Пошла прочь, когда разговаривают мужчины.

Он даже не посмотрел ей в след.

— Бабы! — Господин придвинулся поближе. — За побрякушки все сделают... Вот брат у нее — с норовом. А Дасэра — гнать!»! Вчера работяги пришли — арык углублять, так он на них прямо с платана свалился... Значит: позорит!

И он грустно пожевал губами. Я решил, что наступил подходящий момент. Я сказал, что меня ждет сестра... Он сразу оживился:

— А-а. сеструшка — пеструшка! Знаю, видел, уважаю... — И вдруг с пафосом воскликнул: «Вот где бродят *эти* родители, где? Небось — в Африке: бабло заколачивают, так? Распавшиеся семьи — бич нашего времени! Поэтому я и задумал Великий Проект: собрать под одной крышей всех несчастных, убогих, обездоленных... Дети полстакана, дети ползанюха. Никакого насилия, пацан: только пинок — в нужную сторону! Дети-осколки, дети-обноски, «цвет» окраин — они не станут искать ЛУЧШЕГО, если будут на всем ГОТОВОМ. А как мамки-то буду рады — сечешь, Бедуин? Вот скажи мне: в чем фишка завтрашнего карнавала?»

— Шары, конкурсы, подвески... — Пробормотал я, видя, что разговор сворачивает не на ту колею.

— Муфлон Муфлонович! — Воскликнул он радостно, намекая на мою баранью тупость. — Конкурсы — да не те!.. Пропендулии — заман для состоятельных дурочек!. А вот — танцы на колесиках, это — круто! Публика — в обмороке; пресса — гудит; ЛЕГО-СЕМЬЯ, собранная из обломков общества — вот истинный гвоздь шоу! «ДОЛОЙ ХАОС — все в ЛОГО-ХАУЗ.». И ты — их поведешь. Вернее: повезешь... В общем — заставишь двигаться! Сын известного профессора, знаменитой акушерки, спортсмен, «не был», «не числился», «не замечен»... На празднике будешь, кем хочешь, лады? Что тебе в «клетке» сидеть... Мы тебя на ворота поставим: будешь гостей на «Бизоне» встречать... Щас менагеру звякну, чтоб прикид сбацал к утру... — И он на полном серьезе стал набирать номер!

— На чужих колесах — в рай въехать?

Он замер; руки продолжали произвольно набирать на дисплее. Он продолжал, как ни в чем ни бывало.

— Английский дворецкий, малыш! Адмиральский мундирчик, парик, шпага, борода... — и ордена до пояса. Что еще надо?

— Ничего не надо. Оставьте МОЕ будущее в покое.

— Да ну... Откуда ему взяться: ТВОЕМУ будущему, а? Вот где оно, ТВОЕ будущее! — И он сунул мне под нос плотный белый кулак. — Или ты хочешь индивидуально шить тапочки, клеить шкатулочки... Учти: у меня вакансий для таких, как ты — не разгрести!

Я прямо физически почувал, как меня сковывают какими-то средневековыми прибабасами... Р-раз! — и одна рука в цепях; Два! — и вторая там же. Три! — и я не могу

двинуть шеей... Еще бы он мне ноги сдавил. Да кому нужны мои мертвые «ласты»?

Он принял мое молчание — за согласие.

— Значит: дворецкий... А что, малыш: если ты будешь ...будешь не просто сидеть в коляске! Делаем кэб; можно подпрясти пони — видел я такого лохматенького в Тропик — Парке; еще — грива в косичках... Возле кэба — фонарь с «настоящей английской набережной». Так, поехали дальше...

...А дальше — уже было некуда!

Я знал, что этого делать нельзя, не стоит... Но я все-таки сказал, что дорога (кривая, косая, с ухабами) — у меня СВОЯ; что личного дворецкого пусть изображает полоумный Дикуся; и вообще — я уже *устал* от его гостеприимства; гуд бай, «Мечта Мазая»!

И вот тут я понял, КТО был тот заяц — что, раскорячившись, улетал с его борта в бездну. Это был НЕПОСЛУШНЫЙ заяц.

Я увидел глаза плезиозавра, обитателя местных вод. Немигающий, тупой взгляд змеи, всплывшей из древних топей...

— Бу-ца-ай! — Заревел он рыком, идущим из полуголодного брюха. — Мы плохо заботимся гостях. Ванную, живо!

А сам — грузный, плотный (как все *белое*, оседающее в сумерках) — сам он легко запрыгнул в кабину палубного крана.

И почти сразу — заскрипела стрела; а подоспевший Буцай (единым узлом: через колесо и подлокотники) закрепил свои поганые стропы... Дернулась и напряглась стрела...и я, почти кувыркаясь и — точно! хватаясь руками за воздух, — повис над палубой, как раскоряченная муха. Но я — молчал. И моего хозяина это снова взбесило.

— Купа-а-аться! — Заорал он истошно.

Так заорал. Что из-под тента высунулись любопытные головы.

Потом меня со всей дури шарахнули в море — в белые гребешки на темных водах. Я хлебнул воды сразу; коляску «возили» туда-сюда, пока я не отрубился.

...Очнулся от того. Что бьют по щекам (и грамотно бьют!). Однажды я такое имел от Сан Саныча, тренера, когда полез дуриком на глубину, чтобы достать смеющейся девочке тигренка без лапы (но зато с гордой подписью «Отвага»).

Я заворочался, стал бить руками по воздуху...по воздуху, ЛЮ-Ю-ЮДИ!

Что-то жесткое и ледяное пыталось спину... Когда светом промыло глаза — я понял. Козел Буцай затащил меня на самый край площадки, откуда начинался спуск для купальщиков. Площадка была металлическая, а сам желоб — пластиковым. Из пластика были и перильца с двух сторон.

С трудом развернувшись, я сел — обживая новое место. Коляска лежала внизу, рядом с лесенкой на трамплин. Вт тогда я подумал: человека не надо убивать физически: просто оставьте его наедине со своим ужасом. Время сделает все остальное.

...Однажды я спрятался от обид (меня собирались «вести» в школу). Я в школу хотел (Профессор объяснил, что наступает *великая эпоха*: я узнаю все то, что человечество натворило раньше). На перемене веселые старшеклассники — перед ВСЕЙ школой! заволокли меня на руках в учебный класс: где были *нормальные* дети. Потом другие *нормальные дети* ходили глядеть на «особенного» ребенка (районо посоветовало не *обделять* его вниманием). А на первой же перемене добрая девочка Катюша Миллер нагрузила меня мячиком. Чтоб я, значит, не чувствовал себя *одиноким*.

От этой вакханалии сочувствия я одурел к середине дня; к тому же — у меня болел живот. Когда я узнал, где туалет — за мной шла целая толпа. Я развернулся; я забился в ближайший угол, поджидая спасительного звонка. Но какая-то охающая от непорядка училка вернула меня к месту приписки: в мой галдящий класс. Все-таки я вырвался из опеки; я гнал свою скрипящую «коробчонку» по гулким пустым коридорам... Нигде не было пологого спуска: только ступеньки!..Последний стыд настиг меня изнутри, перед входом: появилась вызванная завучем *родительница*; Гренадер выдрала меня (зареванного до соплей) из мокрого сиденья, засунула под правую подмышку, левой рукой зацепила кресло — и со всем этим бараклом вытряхнулась на улицу.

Дома она запихнула меня на кухню, что-то впопыхах швырнув на стол и — вернулась в свой родзал: принимать здоровых бутузов.

А я решил исчезнуть. Навсегда. Я сидел на полу у огромного шкафа (там жил Филимон) и разбирал свой любимый «зоопарк»: коробку с игрушечными гадами, зверятами, морскими и небесными созданиями... Я на полный серьез мечтал! Вот сейчас случится чудо, я стану маленьким (не различимым среди них), совсем незаметным... Может, у меня даже появятся крылья. Тогда я улечу отсюда.

В своем убежище я и заснул; учить меня стали дома; никуда я не улетел — потому что крыльев мне не дали. Но «запертую комнату» я представлял: она — большая, в ней много воздуха. Но в ней — душно. А *уйти* — не позволят: пандус присобачат, обкормят свободой и всю жизнь будут пасти.

На солнцепеке я еще вспомнил, как мы играли у Миллеров в прятки. Тогда Миллеры жили в прежнем семействе, с отцом, дядей Ральфом. Вокруг нас бродит хозяйка в национальном тирольском наряде; ее муж то же корчит из себя немца. Всем весело, всем вкусно. Но я — вечный ведущий (а как можно спрятаться вместе с коляской?). И я

добросовестно твержу, прикрыв руками глаза:

*Кто-то где-то убежал —
Мамку с папкой потерял...*

Попробуй — потеряй «мамку с папкой»: ОНИ найдут! ОНИ всегда находят: выискивают — и находят, чтобы спеленать по рукам и ногам (по ногам-то зачем?) своей самой подлой паутиной: *родительским долгом* (как ОНИ сами его понимают).

...Но солнце уже не печет; вообще — вечер... Вон там — горизонт. (Все *горизонтальное* — это запрет, вы не замечали?). Хотите *запретить* — проведите черту. С пещерных времен это... Вот сосна; растет ввысь (то есть — вертикально). Мы, непокорные дети мезолита, обходим ее и тихо сбегает. А вот — та же сосна: жертва урагана. Не просто так лежит — закрывает весь оком... И все: пришли! Сосна закрывает выход; КТО-ТО не хочет, чтоб мы уходили; КТО-ТО (большой и могучий, как это дерево) препятствует, сторожит, хватает за шкуру... Пойдете — пропадете: там — опасность! Там дикие звери (можно подумать, мы сами — уже не *дикие*).

— Данька! Да очнись ты...

Ага, вот. За перильцами, исчерченное решеткой ограды, маячит почти знакомое лицо Катьки. Вращает зрачками, что-то сигналист... Катька — небольшого росточка (значит: до палубы недалеко). С тех пор, как мы учились «плясать танго», мы с ней не сталкивались.

— Держи! — Она перекидывает через решетчатый бортик замечательную бутылку холодной минералки...

Вот тогда я пришел в себя: музыка, голоса... особая, расслабляющая истома курортного августа... Когда хочется быть кرابом — и забиться под лежак.

Боевая подруга впивается в решетку своими пухлыми щеками:

— КА-РА-УЛ... — Шепчет она по слогам. Как иностранцу. — Тебя велено караулить, Данька!

И она, как заговорщик, скашивает глаза куда-то вниз — и в сторону.

Караулит Тимур. Въехал, значит, в тему. Добрый сторож: уже дремлет, прислонясь к нижней ступеньке лестницы.

— Где мой «конь»?

Я слежу за ее рукой: «конь» пасется возле кран-балки. Далековато.

Я допиваю минералку — и швыряю бутылку в море (через Катькину голову).

— Дай телефон!

Катька молчит. Ей тоже не хочется неприятностей.

— Что им от тебя надо? — Задает Катька вовсе не глупый вопрос.

— А я — знаю?

Конечно, я — знаю. Но Миллерам это знать — ни к чему.

— Хозяин велел взять тебя измором, — шепчет Катька, прижав к решетке расплющенные губы. — Что ты им сделал, Кузнец?

В том то и дело, что НИЧЕГО.

— Меня то же запрягли... — Вздыхает Катька не совсем искренно. — Завтра буду русалкой... Конкурс — на самую красивую. Ты уже понял, кого выберут?

Обида ее зашкаливает... Хочется ей в «самые красивые» — хоть плачь! Вот она и

плачет: невысокая росточком, с курносеньким профилем (в теневой проекции — мечта аниматоров, рисующих наивную принцессу) и — немерянным бюстом (тут уж — не аниматоры в очередь!).

А все-равно: жаждет в дочери Посейдона, хоть тресни!

Ей хочется оправдаться:

— Там, конечно, все — обман! — Говорит она решительно и трезво. — Пропендулии — уже обещаны...Сама слышала! — Она задирает подол платья — и скоренько (пока не засекала мутер: радетель *этикета*) обтирает свое лицо.

— Я тебе по секрету скажу: мы их все сегодня примеряли, эти подвески!.. Сегодня они — фальшивые, для рекламы; но завтра — будут вполне настоящие, ты понял, Данька? Что скажешь, здорово?

И вдруг ее голова куда-то исчезла. Вместо нее — появилась другая.

Хотя места хватало, Тимур не сел рядом. Он стоял молча, держась за перила (словно за этим и пришел).

Море сердилось...Откуда-то набежали тучи. И ветер цеплялся ко всему, плохо притороченному на палубе. Полетели за борт красочные буклеты (пригласительные?..); подхватились — и тут же унеслись надувные шары; лицо мне залепило чье-то полотенце... Шторм?!

На конце длинной железной стрелы заалел КРАСНЫЙ СВЕТ.

(Туда тебе и дорога: моя недоступная фея!.. Красный фонарь — тебе в помощь!..)

Еще шаги...Господину забираться не нужно: круглая башка с серебряным бобриком нависла над плетеным заборчиком.

— Жоржик звонил, — отчитался хозяин. — Сейчас возвращаемся...Заморочки с реквизитом! — Он так глянул снизу на денщика, что тот буквально скатился с лестницы, лапая перила как обезьяна. — Еще я его спросил: что мне с ним делать, с *твоим воспитанником*? Знаешь, что он ответил?

— Знаю! Что мне пора в психушку... — Я усмехнулся: — Меня преследуют гигантские кузнечики?

Попечитель, похоже, обрадовался.

— И еще — ты его шантажируешь... Был наезд, друг насекомых?

Я невинно пожал плечами.

— Сам себе обрубил концы, Муфлон Муфлоньч!.. — Вздохнул — почти сочувствующе! мой владелец. — Чем тебе не в кайф ЛЕГО-СЕМЬЯ, скажи? СВОЯ, что ли — лучше Разбежались, как тараканы — и шипите по углам! Я же не цыганам тебя продать собираюсь... — И он тюкнул меня чем-то острым по темечку. Скорей по запаху (чем по виду) я признал шампур. Шампур после шашлыка.

— ...Хотя — могу и цыганам. — Продолжал он, играя острием. — По экстерьеру — не совсем проходишь...Но там — помогут. — Он растянул свой лягушачий — во весь горизонт! рот и с удовольствием стал хлебать прохладу... Клоун!

— Я — человек светский...Но прежде всего — делец, капиталист и буржуй. И никуда тебе от меня, изверга, не спрятаться... Я тебя, как пса — за уши тащу к миске, а ты, сирота! еще сопротивляешься... доброду. Так?

И он стал чесать у меня за ушами своим шампуром.

— Не так, — огрызнулся я. — У меня есть родители: мама и папа. Понятно?

— Нет! — Заверил он искренне. — Родители — это те, которые родили, чтобы

воспитать. А тебе — только бабосы шлют...Знаешь: как таких — как ты, называют? *МАНИГРОШЕК*. Ты просто — безЛИЧНЫЙ перевод. Усек?

И снова — шампуром по голове. Чтобы лучше понял?..

— Думай, двоечник. У тебя — несколько минут. Вернусь: проверю домашнее задание...

Живи пока.

Яхта развернулась — и горизонт стал берегом. К этому берегу подгребала туча — вся в рваных швах далеких молний. Кто-то, грозный и неумолимый, уже командовал наверху свирепой армадой; вот он дал отмашку — и первый грохот ливня взял яхту на абордаж... Уже не видно было ни саму бухту, ни — добрую половину яхты... Обвалился тент; послышался неизбежный женский визг, насмешливые кавалерские причитания...

И стража моя — смылась!

А слева что-то заскреблось... Зловещий кто-то взбирался по сетке; меня опрокинуло на спину... Еще толчок, еще! Я тону... Я на «Титанике». И я давно знаю, кто сбегает с тонущего корабля первым.

...Яхта бестолково стала «заныривать» в пенную гущу; а из рубки доносился глухой звон стекла и уместный сейчас разговор насчет того, кто на судне хозяин.

— А ты — вырос, джигит! — Вдруг услышал я рядом. — Да. Ты вырос.

— Просто раньше я глядел на вас снизу, фрау Эмилия. Вернее — это вы глядели на меня сверху.

Зато теперь мы были на равных. И я увидел бледное, размазанное по решетке лицо. Тоскующее лицо дамы — в ярких сполохах багрового фонаря. Дамы, которая дышала не «духами и туманами», а ядреным банкетным духом.

— Я чувствую себя, как в зоопарке, — пожаловалась она. — Или — ты в зоопарке? — Она повозилась у себя внизу — видимо, отыскивая по привычке сигареты.

— Доннерветер! Все намокло...Значит, пора валить с этой страны. Возьму чемодан, нет: и баул и чемодан. А этот «один чайник — два лепешка» — пусть остается...Дом сторожить.

— А Катьку возьмете?

— Да! — Оживилась фрау Миллер. — Моя дочь поедет со мной — в государство, где еще есть порядок! Да. И приличные люди не обманывают женщин: вчера обещают *корону* моей Кэт, а уже сегодня — примеривают ее другой претендентке...Это не есть правильно! Это — незаконно! Я буду жаловаться в Брюссель, в ООН, в Гаагу... Куда еще можно жаловаться, забыла!.. — И она принялась трясти свою часть трамплина... (Я даже не понял: зачем?).

— Где тут лестница? — Кричала она. — Эта страна совсем свихнулась...Мадмуазель, проводите меня до каюты!

Но та, к кому она обращалась, даже не обернулась. Шла, как в тумане — бледным призраком. На ней действительно был фартучек в оборках, мокрый, уже слившийся по тону с платьем. Не дойдя до трамплина, она резко свернула в сторону тьмы — и пошла вдоль борта, на ощупь перебирая руками леер.

— И это — сервис?! — Отплевывалась от своих разметавшихся волос фрау Миллер. — Куда она бредет?

— *Вам виднее!* Это же ваша дочь!

...Должно быть, у Катьки «полетели все настройки». Ее шатало: вместе с леером и яхтой. Но вид у нее был такой, что это она все раскачивает.

Пробежавший мимо Буцай еле ухватил дурочку за полы, отшвырнул на палубу... Еще выскочил официант, зачем-то прикрываясь газетой — и вдвоем они оттащили хохочущую Кэтрин в каюту. Потом вернулись за мамашей; следующим приготовился я...

Но никто не спешил ко мне из жилого тепла.

...Качка стихла внезапно. Отворились все двери — и палубу заполнили возмущенные непогодой люди. Официанты отбрехивались за разбитую посуду. Начали разбирать какие-то не размокшие остатки — и сносить вниз. А Катька зачем-то полезла на спасательный круг, притороченный к стойке НАД бортом!.. Народ замер; Буцай опять бросился спасать. «Что уже карнавал?», раздался в тишине *сонный* Катькин голос.

— Кончился твой карнавал! — Свирепо рявкнул Буцай.

Перехватил ее поперек — и, как овцу, уволок отпаивать кофе.

И тут я осознал, что жалею Катьку: не по-братски, не по-мужски, а просто... по-человечьи. что ли: как жалел бы всякую божью тварь, застигнутую бурей на чужом корабле.

И взгляд мой переместился к фрау, добравшейся до сухих папирос.

Что ты там замерла в дверях, мутер-шмутер?.. Это же — твое дитя? (*Избитое* пока только ливнем...) Тебе понравился *герой*, фрау Миллер? Что, не похож на *героя*? А как же так... Вот такие нынче *герои*: простые разбойные ребята. Они по команде — *геройствуют*. Невкусно? А — придется есть, что дают. Здесь не обрыв с мифической рожью... Здесь — *настоящая пропасть*, тетка Миллер, и ваша дочь все еще собирает ромашки: там, над бездной...

И я — над бездной. Замерз посреди лета! Кутаюсь в собственные локти. Рубашка — ледяная; я сам — как тот заяц в «ледяной избушке». Или — тот, до которого никогда не дотянется теплая мамкина лапа из-за бушприта...

Я вдруг подумал, что я — умираю. Вернее — мне понравилась сама мысль, что я так подумал. Вот разлечусь я на атомы (и прочие элементарные частицы!) и буду жужжать у кого-нибудь над ухом: «Живи, гад, живи... — только не думай, что я *твое* место в очереди занял... Я просто из *своего* выпал. Совершенно случайно, между прочим».)

Что-то тут меня зацепило... Недосказанная мысль, наверно, хуже не долеченной болячки, да?.. О чем я думал, ЛЮ-Ю-ЮДИ, о чем — вот сейчас... О смерти? Ну да, о смерти Книжки бубнят, что герои перед смертью *глядят в небо*. А что там увидишь? Грешил-то на земле... Вот там и нужно договариваться прощению (а небо крышует только святых). И потом: у каждого — свое небо; вот у меня сейчас — с кулачок: ну — как найти там, в крошечном просвете, это созвездие: ДЕВУ?.. (вообще-то своим «алкам-виртуалкам» я представляюсь Скорпионом: солиднее как-то...).

Нет ее, нет! (Все *девы* — пропащие... И *эта* — туда же!)

Я уже собирался бросить бессмысленное занятие, как вдруг створы туч отворились, обнажив покатый экран, бликующий молниями помех — и две звезды явились разом. Они спокойно и редко мерцали, словно переговариваясь о своем. Будто две сестры, взявшись за руки, они — как по пандусу! спускались в Каламитскую бухту. И когда от их света резко вспыхнул курсор собора, я уже знал: за кем они явились...

И тут я завопил!.. «Буца-ай!», кричал я в нижнюю темноту. «Тиму-ур!»... «Катька а!» — а вот это был совсем лишнее.

Сегодня в полночь — я должен быть секундантом! Он же меня предупреждал, мой насекомец. Он же мне говорил: «На тебя, царь Данька, вся надежда...».

Вот и все! Прощай, «сократка»! Прощайте, Регалии...

И я снова завопил, стуча одеревеневшим кулаком по этим идиотским перилам.

Но вместо Буца я пришел он: попечитель городских удовольствий. Хозяин. Босс. Пахан...

Он вырос внезапно, что-то дожевывая на ходу (из прихваченного за столом). Он был высок очень: возвышался даже над трамплином.

— Вопрос жизни и смерти! — Бросил я в жующую пасть. — Срочно в город!

— А я — таксист, — чуть не подавился он. — Прыгай... Успеем!

— Меня ждут... — Я, как психованный, забил ладошами в такт истерике. — Если я сейчас не вернусь...

— А задание выполнил, двоечник? — Спросил он строго. — Я задавал домашнее задание.

Я поднял руки, чтобы уцепиться за решетку — и холод ударил ножом под ребра.

— Чудак... — Усмехнулся он совсем по-доброму. — ЛЕГО-СЕМЬЯ — отныне твой приют. Станешь полноценным человеком: во всю... *длину*. К делу пристрою; в люди... вывезу. Чего еще надо?

— Меня ЖДУТ. Пожалуйста... дяденька... (Вот этого я и сам не ожидал от себя!).

— Ну — и кто тебя ждет, манигрошек? — Он весьма специфично покрутил пальцами: будто дверь открывал.

Я молчал, подавленный — и его «отеческим» тоном и, главное! полной, абсолютной беспомощностью... А в голове вдруг стало наезжать на мозги: россыпью, накатом, каким-то запредельным криком: «Не бросай меня, Данька! Не бросай... Пусть я легкий как перышко — но даже соринка может спасти чью-то жизнь: если она попала в глаз снайперу.»

— Ну что, малыш... Давай! Где он?

Вот и кончились все сказки о «нашей дружной семье особенных деток». Ему просто был нужен ключ. Ключ от моего дома. Где Машка живет. Где Машка ждет.

— Тут! — Указал я на запертый у самого сердца карманчик.

Под его негнущимся взглядом я стал рыться в своем хозяйстве ...а его ладонь свернулась удавчиком, ожидая подношения.

Я погремел ключами навзрыд — и почти без размаху, с лета — запустил их за борт по низкой дуге. Он еще пытался «поймать» их взором (а они зацепились за спасательный круг!) — но все-равно глухо брякнули — и исчезли.

А жадному «удавчику» я скормил другое животное.

И стало тихо.

Совсем тихо. Как над обрывом: и без всяких идиотских колосьев.

— Что это?

— Не «что», а — «кто»... Это — Мелания Сидоровна.

Его рука раскрутилась — и змеей обвила мою шею.

— Я — добрый, помнишь? Я избавлю от балласта всю твою семью...

И он так скрутил несчастную поросюшку, что она завизжала на всю Каламитскую бухту: «Вы хам, сударь... Ха — ха — хам!»

...А следом я рухнул в холодную воду.

Задержка дыхания

Ее было много: много большой холодной воды. И она была плотная: можно разгрести руками. Она забурлила — и потащила меня за собой... Я выдохнул все — и остался ни с чем. На сумасшедшем подводном бросе я тащил свою обувь: бесполезные ноги.

Когда я вынырнул, смутная громадина уже удалялась; еще я успел разглядеть, как две фигуры в тусклом адовом свете перебросили через борт мое кресло.

Теперь у меня не было хозяина. Я остался один.

Где-то далеко (за верхушками волн) ломалась и дробилась береговая линия... Если бы я хоть немного мог «лежать» на воде, как Леха! (У Лехи чувствительность есть; он даже может пройти *кривляясь и приплясывая*: но он предпочитает «быть в седле»: чтоб не смешить девчонок.) А вот мне с моим диагнозом — только «стоять» в воде солдатиком; или истошно лупить «веслами»... Но сегодня я устал. Я дико устал. Замерз... А сейчас подавился мрем.

...Сеструху он спас, Герой! Да у нас окна — как на проходном дворе! Что ЕМУ ключ, скажите?.. Но ОН хочет, чтобы в НЕМ видели *светского* человека... ОН же — бизнесмен. Благодетель... Попечитель — опора слабых, сирых, убогих.

...Ненавижу!

(Нет, не ЕГО.)

Ненавижу, ненавижу тех, кто лезет в душу, вьет гнездо — и откладывает там яйца. Где вы все — сейчас, когда я «стою» в жидкой воде по плечи, а спина УЖЕ не сгибается от холода... где? Веселые, утопись! утят и зверята со своими: «Держись!..», «Ты — сможешь...». «мы справимся»... (Где это чучело в красных трусах и прочие мутанты, где-е-е?..)

Да все со мной в порядке... Допрыгался: маленький злой циник?.. Не лезь поперек чужого счастья. Конец тебе, технопитек!

...Что-то мягко толкнулось в мою железную спину. В ужасе — я хлебнул немного моря. Акулы?.. Да откуда здесь — акулы. Катраны есть — да они и кошкой подавятся! Вот зацеплю сейчас острозубую рыбку пасть... Но вместо рыбьей пасти в моей руке оказалась... подушка! Самое дивное, замечательное изобретение на свете: НАДУВНОЕ СИДЕНЬЕ.

С трудом, но я запихал свою находку под мышку... И стал грести к берегу свободной рукой. Вокруг была первая ночь — еще не густая, но уже пошедшая в разнос. Курортники знают... А спасительница моя — подушка! стала худеть... И я вспомнил: острые дамские ножницы, которыми Фрау Миллер изгоняла *случайно запрыгнувшую ко мне маленькую тварь* в переулке Уютном. Старая мымра достала меня и здесь! Поранила: и приятеля и сидушку... Надо теперь выбирать самому.

Сначала я считал взмахи (полный период от выхода руки из воды — до ее следующего погружения в воду); потом мне это надоело... Берег по-любому уже должен быть ближе, так? Где ваши чертовы дельфины? Где эти все наяды, сирены, русалки... Вот-вот, русалки, да! Завтра дядя Жора врубит вам Грига, девочки. Дядя ББГ — вручит подвески (и не факт, что — настоящие!..) А дядя Нептун (я уже знаю, кто это: но — секрет!..) — дядя Нептун, путаясь в косматой бородине и потрясая старой метлой, будет выкрикивать злобно: «Один шапка — две красавиц... Ха-ха-ха!»

Волна вспучилась где-то рядом, и я провалился между валами. Мне осточертело спасать ноги (эти халявные пожиратели энергии!..) Когда-нибудь я состарюсь... Стану похож на

Вольтера, иссохшего от собственной желчи...Сидящего как-то вкось (радикулит? Люмбаго?..) на своем мраморном кресле...А я буду сидеть в своем — и усмехаться, слушая очередную лабуду про «всеобщий прогресс» и «общественную благодать»... Тонкой и холодной дланью (как у Филимона в шкафу!) я все терпеливо благословлю тот мир, что позволил старому дураку *оплевать* его!..

Вот такой я буду мерзкий старик. И сестра сбежит на Дальний Восток — (на радостях перекрестившись) и напрочь забудет про «садиста»; а я буду выкобениваться здесь, старый хрен!.. По уграм — в левой половине жилья взойдет солнце, потом — его приморозит малость (и оно расплзется мутным пятном). Так и пройдет зима. И — не одна.

...По вечерам (под гул тишины) мы сидим с Филимоном. Он — в шкиперской фуражке. Я уже отпустил бороду... да она уже поседела!

Мы ждем *пятницы*.

Пятница — это святое.

Занудные Машкины внуки *лезут* из дисплея («видеобазар» давно уступил место Х-реальности). Но внукам интересен только мой Филимон. «Почему он — не двигается, ультра-деда?»... (Ультра-деда — это самый занозистый дед в мире!) «Потому что — когда он был *живой*, я его поставил в угол. А потом — забыл...В наше время родители «игрушек» поступали строго...»

Никого в целом мире!.. И я — один у экрана...(Да шевелись ты, онемевшая скотина!) Косой ветер бьет в лицо; волна уже засасывает меня с гулом. Натощак...Я сбился с пути; я не знаю, где берег...Вот дядька с морского дна — ухватил меня за загривок, забил рот водорослями...И я закричал прямо в воду! Как кричат еще не рожденные в мамкином пузыре, страшась выйти наружу. «Это — не моя остановка...Я не хочу — у!»

Страшный дядька подсунул мне свою кудлатую голову: «Держись!». (Когда хочется жить — все схватываешь невероятно быстро.) Я ухватился за этот ком, чуть не утопив его на радостях. Что-то лизнуло меня в щеку... Я обнял его за шею; вцепился мертвой хваткой (потом мне сказали, что Черноухов не мог отлепить меня от собаки...)

Когда мы ехали домой (Машка — на заднем сиденье, а я — в «корыте» его древнего «Урала»), Петька что-то кричал на поворотах; а я беспокоился только за собаку. Но собака бежала следом.

С Машкой я — вообще не разговаривал! Все, что она сделала для спасения единственного брата — это захватила айфон, подаренный Родителями к окончанию школы. И снимала потом всю эту порнуху: «бедного мальчика», «отважную собаку», «бесстрашного воина»... Селфизда!

А героиня — Катька, украдкой позвонившая с телефона Тимура. (Потому что, в сущности, она единственная *рисковала*...).

Ну — и еще, конечно, Тристан!

4. Регалии регента

Наш дом еще не спал; окна мерцали желтым и тусклосиним, где досматривали новости и сериалы. Где-то на верхних этажах доругивались соседи, которым не хватило светового дня. А на лавочке под липой — в ожидании полуночников, грустил Челюскин. Почему-то вход в дупло ему был заказан. Кто там опять его выселил?

Заднее сиденье на «Урале» — выше переднего и, заглушив мотор, Черноухов ждал, пока первой сойдет «дама»... А я — оцепенел!

— Машка! — Взревел я. — Окна!..

— Вижу, что окна... Правда, Петр — я их закрывала?

Подошел Черноухов и одним махом выдернул меня из железной люльки... Потом он посадил меня на подоконник — и шторы стали хлестать меня по щекам, как предателя... Я вглядывался сквозь темноту: открыт шкаф — или закрыт? Филимону было приказано стеречь «кавалера»...

Хлопнула дверь; свет в коридоре... Машка подкатила «клячу» и даже протянула руку, но я отверг ее помощь — рванул к убежищу. Там скалился мой единственный друг в этой жизни. И рылась сестра, подыскивая слева, на полках, что-то сухое.

— Где он?! — Я стащил мокрую рубашку — и залепил в нее мокрым комом.

Потом они впустили Тристана и сели за мой стол: СПАСИТЕЛИ! Чай пить посреди ночи... Знаю я этот чай! Ждать будут, пока засну.

— Ты собираешься братишку кормить? — Спрашивал Петька с каким-то глупым видом (а может — так оно и выглядит: *чужое счастье?*). — Нам еще мотоцикл отводить. На стоянку.

...Знаю я эти стоянки!

— Пойдем на кухню: не будем ему мешать...

Знаю я эти кухни!..

Пока они там бормотали вполголоса (заговорщички!..), я все это время вслушивался: в каждый шорох, в каждый скрип... Куда ОН мог улететь, дурачок?

Я буду ждать его у окна, решено! Хотя всю ночь. И еще завтрашний день... На карнавале у меня — одна *забота*. Я это сделаю быстро. А потом у меня останется... останется еще одна ночь до приезда моих бесценных Родителей... И — что: вот так все закончится?... Закончится *детство*... (Разве *детство* может закончиться?)

Вот в прошлый раз (это когда мои предки прибыли на побывку) я неожиданно заметил, что мой Номер Второй — косолапит. Носки ставит внутрь — и ступает так осторожно — будто у нас в доме одни препятствия!.. А всего-то: стол, стул, диван... И вообще — я заметил, что ему даже пройти мимо меня *скорбно*. Бочком ходит, словно краб... Чтоб — не помешать, не нарушить выдуманную им самим границу. (В больницах возле тяжелобольных так усталые родичи с пятки на носок переступают...)

К тому же я до сих пор не определился с «призванием». Не подсказал ему на ушко заветное желание; не поделился — сухарь бездушный! святыми сыновними мечтами... Не вытряс перед ним короб пусть даже несбыточных проектов... То есть, попросту говоря: не ПУСТИЛ его в свою душу.

«Блуждаете во мраке, юноша!..»

Блуждаю... Как эта звезда в ночи. И чего — пялится, чего — выискивает...

Выискивает!

...А ведь это пришли за ним, за Тэтти!

За *моим* Гошкой.

...Что я им скажу?

Если меня спросят. Если с меня спросят... Если, если, если.

Сразу две треугольные морды вспрыгнули из мрака — я чуть с кресла не кувыркнулся!..

Охранники! Поди — весь день рыскали.

Они дружно кивнули — и вмиг исчезли. Заикой можно стать!..

А тут еще и Челюскин заорал: его, занявшего половину скамьи, бесцеремонно спихивала компания хулигана Кирюши.

— Ступай в дупло!.. Катись отсюда...

Вот всегда удивлялся, как эта огромная *рысь* не падает, вцепившись в старую липу когтями... Но ведь не падает!

Но в дупло он не полез, а расположился гораздо ниже: на подходящей для его туши развилке. Кирюша меж тем гремел жестянками, а два его кореша уже пробовали пинать оставленный под окном «Урал».

Я быстренько покинул комнату — и добрался до кухонной двери. Заперта!..

...Ну как: тоже станете утверждать, что «семья — это святое, а старшая сестра — лучший друг младшего брата»?..

Чем можно заниматься в темноте на кухне, что обязательно нужно запираеть дверь, скажите?

Я вернулся к себе... Да пусть — хоть разнесут эту древнюю колымагу: повыдергивают колеса, повыбивают фары... Только рад буду!

Но тут компания допустила стратегическую ошибку: им захотелось *музычки*.

Весь дом этого ждал!.. Кирюша с компанией были *местными*, а с местными дом умел разбираться! Сразу все дружно стали звать участкового...(Ага! Разбежались...) Мелания Сидоровна позорила хулиганов, а баба Улька вспоминала каких-то дружинников...

Я уже хотел закрыть окно, как с другой его стороны нарисовалась макушка. Малой не допрыгивал до подоконника; темечко то появлялось, то исчезало — видно, его хозяин не мог удержаться на цыпочках. Следующей появилась рука с перевязанным пальцем:

— Во, видишь, пацан? Ты нам должен!

— С какого краю?

— Твой гвоздь, да? Твой ответ! Ты нам должен.

Его повело в сторону; нелепо взмахнув руками — он тут же пропал из виду.

Я решил воспользоваться обстоятельством — и прикрыть окна. Как вдруг... Этот голос донесся с лавочки: Кирюшин голос:

— Кончай, Болт! Тебе Мотыль компенсировал травму?... Компенсировал! Гребни сюда... Здесь телка на подходе.

И я все понял...

На том месте, где сейчас качели, раньше был прудик. И комаров — навалом!.. А у нас была антимооситная сетка. И дядя Жора вбил пару гвоздей (по краям подоконника), чтобы эта завеса держалась.

Так что (если разобраться!) дело не в Машкиной небрежности: окна были закрыты! А этот скот просто заполз к нам по наводке... Вот же они: эти два гвоздя! А если отъехать, на полу — точно! Отыщется и пара-другая капель загустевшей крови.

...Я знал, где искать кандидата на эту глупую шляпу: «сократку»!

И только я это сообразил, как ожил наш домашний телефон!

— Меня — нет! Я — умер... Не отвечай!

Но никто и не думал поднимать трубку; а Машка гордо и независимо пришла ко мне. Из-за ее спины таращился смущенный Петька.

— Сгинь! — Приказала мне сестрица. — Пусть побегают, побеспокоятся... Никто здесь не видел, как мы тебя привезли... Эти, — указала она на окна, — пришли позже.

А там продолжалась своя дискотека: какой — то блеющий дискант клялся на могиле старушки, что пересмотрит свои прежние асоциальные принципы... Потом вдруг все как-то решительно оборвалось: из дома вышла парочка нехилых с виду ребят, присоединилась к поджидавшей их девчонке — видимо, курортники собрались в ночной рейд. Компания на лавочке подхватила и, гремя недопитыми жестянками, стала консультировать возможных клиентов: где лучше «оторваться», а где — «полный отстой»...

По сути, Кирюша этим и «зарабатывал» все лето.

А я вцепился в Петра мертвой хваткой! Я пригласил его срочно «поговорить». Но когда я сказал, что мне нужно — он обалдел! Он даже спросил: не сильно ли я пострадал, скатившись с яхты?.. Ну там — головкой не шибанулся? У меня сжалось сердце, когда он вернулся к двери — и дернул ее на себя!.. Машка чуть не свалилась ему на руки (подслушивала? Это у нас — семейное).

А Машка — сияла! (И с какого баяна — такая счастливая?)

— Грабить Мотыля? Я — с вами!

— С ума сошла. — Нежно предупредил законопослушный Черноухов. — Никто никуда не пойдет! Дождемся утра...

Тут я встрял:

— Ладно, сосед, забыли... Ты же не супермен, в самом-то деле! (Это я на Машку играл, кто не понял.) Я... Я сам к нему поеду! Он в субботу — дежурит; прорвусь на вахту — (Тут я всхлипнул дозированным *страданием*), — вот только собаку мне одолжи, ладно?.. Тристан не предаст: он — прикроет, я же *знаю*.

Но Черноухова уже бросило в раж. И, самое главное! Машка... Ну прямо расцвела! (Ей над парнем поиздеваться — обновки не надо!..)

— Собаку не дам! — Еще туго соображал Петька. — Хозяин — на вахте. А кто — дома?

— Сигнализация... — Ласково подсказала Машка. — Он один живет: своих бабочек охраняет.

Петька беззащитно огляделся: мы загоняли его в тупик.

Он помедлил: — А... со стороны окна?

Машка чуть не пританцовывала...

— Пожарная лестница, шестой этаж. Всего — шестой... Кто у нас альпинист?

Она подтолкнула его к окну для дальнейших указаний:

— Видишь, дверь на балкон открыта... И свет сеется: там у него — аквариумы.

Черноухов как-то странно поглядел на нее. А потом выдавил с заметным усилием: «Значит, ты хочешь, чтоб я сел в тюрьму?»

— Да! Хочу... — Машка то же как-то особо на него сощурилась. — Буду носить тебе передачи. И любимую газету. И заберу Тристана. Побег устрою...

— В опасные игры — играешь.

Однако уже глядел в окно, как стратег: что-то взвешивая и решая. И вдруг — резко

развернулся:

— Но там же — туча насекомых, верно? — Он почти торжествовал.

— Бедный Петя! — Не по-девчоночьи зрело вздохнула Машка — и даже руки на пузе сложила, как делала баба Улька. — Пойдем, мой родненький, отведем мотоцикл... Или лучше — сам шаркай в свой гараж! Я знаю, кто нынче еще не спит в Евпатории...

Это, конечно, было жестоко. Но у нас вся семья — «кузнецы своего счастья».

— Его легко узнать. — втиснулся я в опасную паузу. — Крылышко с правой стороны испачкано красным лаком. Машка пролила.

— Да! — Подхватила сестра — и выставила в доказательство свои *когти*. — Вот такого цвета крылышко, мой Роланд!

— А если что-то случится?..

— Я буду молиться за тебя, рыцарь! (Бросила она реплику в сторону: то же у Андрэ научилась?)

У меня, честно сказать, что-то царапнул в душе, когда он наклонился и потрепал по загривку свою собаку... А потом — вскочил на подоконник — и сиганул оттуда на площадку.

Теперь мы с Машкой только смотрели... Он шустро, как — будто занимался этим всю жизнь, вскарабкался по узкой пожарной лестнице... Я даже дыхание затаил: мне казалось — я слышу, как она скрипит и елозит по стене... Потом он исчез за балконной дверью: мы с Машкой поглядели друг на друга (как два подельника)... Показалось, что его нет целую вечность... И все-таки он появился! Сестра, дура — даже захлопала в ладоши... Он стал спускаться. Медленно, жутко медленно... Потом я уже понял, что там непорядок с лестничкой... И на уровне третьего этажа эта старая ржавая рухлядь вдруг отошла от стены... Впору было перекреститься!

— Смотри: что ты натворил! — И Машка дала мне подзатыльник. (Не, ну как вам это?..)

Сама эта красавица сидела на моей «панели космонавта», свесив наружу ноги. Ага, я теперь и виноват!.. Дать бы ей сдачи, но что-то отвлекло... Дасэр! Он-то здесь каким боком? Сидит на спинке скамьи... — то же, представьте, не сводит своего змеиного личика с нашей лестницы; один Челюскин пока в выигрыше — в несколько прыжков достиг заветного места — и уже топорщит усы из дупла. Как теперь вернешься, Дасэр?

А маленький юркий водила ББГ (уже — разжалованный?) и не собирался воевать за временное жильё. Он скатился со скамьи — и почти распластался в чудном галопе, спеша к погибающей лестнице... Петька висел на перекладине, суча ногами... И тут шквал ветра потряхнул всю эту «гуляющую конструкцию», что-то загрохотало в забывчивом небе: ярко вспыхнула молния, до ужаса отчетливо осветив черные гнезда на стене — от вывернутых болтов. Шквал ударил вторично: вот здесь он и раздался — ожидаемо дикий крик. И в следующий миг Черноухов, как куль — свалился на голову прямо Дасэру.

В ту же секунду и моя бестолковая сестра спрыгнула с подоконника — и ринулась в копошающуюся под домом темноту. А следом — прыгнул Тристан.

«Вот и все», подумал я. Судить меня не будут, но в лицо тыкать станут: я — погубил хорошего светлого человека. И еще будут говорить: «из-за *жалкой комахи*...». И ничего ведь никому не докажешь.

Маленькая смуглая рука швырнула мне на «панель» обыкновенный спичечный коробок... На всякий случай я — осмотрелся. Никого... И на лавке — никого. А из-под дома напротив доносятся Осторожно я выпихнул пенал... Как неподвижно ОН лежал!

— Ну, вставай... — И я дунул на него. — Очнись, Тэтти-Гон: сто тридцать восьмой потомок славного рода...

И тут он шевельнул усиками! А у меня в ушах начался такой галдеж! Будто запищало, застонало и засвиристело все доселе невидимое, неслышимое и неуяснимое духом *царство* прямокрылых: «Все кончено, царь Данька! Мы — не успеем... Никто — не успеет!»

— Хай-Тоба! — Заорал я так, что — наверное, у него долго чесались коленки!.. (Я его оглушил.) — МЫ — УСПЕЕМ...Если ты сейчас поднимешь свою тощую задницу,*дохлая* *сколопендра!*

(Каково я его?..! Леха бы заценил.)

И он вскочил, маленький мерзавец...И даже попытался меня *лягнуть!*

— Ты здоров, как бык! — Похвалил я его.

«Как жук-носорог», — поправил он.

Свободное падение. Полет

«Отойди от окна, человек... Ну — «отъезжай»...не спору: сейчас — не время! ТАМ все живы. Нет, рамы не закрывай! Просто задерни шторы, запечатай вход. Нам не должны мешать...И захлопни свой ротовой аппарат: один отряд, один командир!»

...Нет, вы это слышали? А кто здесь, на минуточку, *царь природы*?

Но возмущаться было уже некогда: он стал *расти* — прямо на глазах (в едином растянутом кадре из фильма ужасов): и вот, огромные каплевидные глазищи уже нависли надо мной...Он стоит: исполин и великан; и уже недовольно щелкает перепончатым крылом (его раздражает багровое пятно). А страшные жвалы ходят ходуном, словно он непрерывно поедает воздух...Он занят: в мелких его конечностях что-то блестит, мелькает. И он направляет на меня Увеличительное Стекло!

...Почти сразу раздается дикий грохот; до меня не сразу дошло, что это — трещит телефон в коридоре. Просто очередной звонок.

— Надеюсь, ты плохо обедал сегодня... — Слышу я его НАСТОЯЩИЙ голос. — Некоторых впервые — тошнит.

И тут я чего-то страшно испугался; как я захотел в свой нормальный рост — и передать не могу! Пусть — с «балластом», пусть — «бегом на заднице — вперед!» (шутка Лехи перед гонками); пусть что угодно — лишь бы не провалиться в трещину порванного дермантина на этом дряхлом домашнем кресле...

А он вдруг сказал серьезно (и в голосе его не было ехидства великанов):

— Сто тридцать восьмой потомок Длинноусых Кавалеров приветствует тебя... А теперь дай мне руку, человек!

— Зачем тебе моя рука? — Пискнул я.

Он так грозно жмакнул челюстями, что меня передернуло.

— Съесть хочу...*маленькая ты букашка*... Испугался?

«Веселый тренер — серьезный тренер!», ответил я любимой фразой Седой Дамы.

Он согласно кивнул — и вдруг выдернул меня из моего драного сиденья!.. Его глазищи-«желуди» пристально следили за мной, сторожа каждое движение, а в бойких, хоть и мелких, конечностях перекачивалось Увеличительное Стекло.

...А я — СТОЯЛ. Стоял на своих ногах, чувствуя — что тяжелею и уплотняюсь; осознавая, что упаду — если сделаю хоть один шаг. И не на что опереться: только огромная торпеда, взявшаяся невесть откуда, загораживает путь.

— До утра так будешь торчать?

И он не сводил с меня глаз, когда я сделал *свой первый шаг*.

Потом — другой... Еще один. Другой... Еще один.

Он и не думал меня поддерживать. Он ждал. Просто терпеливо ждал.

— Готов, человек? Ты видел, как люди взбираются на слона? — И он выставил свою ажурную заднюю ногу (и даже нетерпеливо притопнул ею).

— Держись... Взлетаем!

И я почуял вибрацию — не механическую, (как на утонувшей «ракете»); а — настоящий, теплый, живой трепет организма: заряжающий мускулы к полету. Я уцепился за какой-то вырост на шее — и глянул вниз. Вот она, моя грозная торпеда: колпачок от шариковой ручки.

А с могучим «телом» моего корабля что-то происходило:

— На кры-ы-ло! — Взревел Тэтти-Гон. — За регалиями!.. Впере-ед!

Я едва уцепился покрепче за скрытый покровный сустав (напоминающий перекладину для подтягивания из бассейна), как все вокруг — разом ухнуло вниз, и мы стремительно вписались в темный туннель между гуляющими от ветра шторами... Мы были на свободе!.. А вокруг — незнакомый мир: мир ГИГАНТОВ. Они были похожи на людей, но я не понимал их — и не узнавал. Они вздымали к небу огромные руки; они сотрясали воздух гулом и грохотом (чтобы они не говорили — все слышалась брань...); они встали цепью вокруг белой горы с красным крестом; и здесь — опять ругались, и тут огромное животное в светлом плаще чуть не настигло нас исполинским сачком...

Тогда мы резко ушли вверх: к огромной пещере, мрачно зияющей за целым лесом ветвей. Там зиял провал... И нам нужно было именно туда.

Тэтти-Гон шел напролом. Хозяин пещеры уже ждал его... И тут меня взял страх! Настоящий, доисторический... Я увидел саблезубого тигра — с рычащей пастью, с не пускающим взором... И вдруг подумал: если упаду — то прямо в глотку Челюскина... И еще мелькнула мысль-предательница: а ведь дома — тишина, покой... кресло! (и кота я этого гонял, как сидорову козу...)

Тэтти — Гон сделал обманный финт, и на вираже ушел в крутое пике. Котище только впустую шелкнул пастью... Но мы были уже *внутри*: мы опускались в глубину неизвестно кем выточенного (или — выеденного?) ствола гигантской липы; Тэтти-Гон сложил крылья — и началось свободное падение.

Повеяло бездной... Все исчезло: и звук, и свет, и цвет, и запах... Не было совсем воздуха, бьющего в грудь, а значит — и ощущения полета... Темный, неподвижный, бесконечно вбирающий в себя время, — кадр: самый длинный за мою короткую жизнь!

Тьма уплотнилась, загустела — и я почувал впереди опасность.

ОНИ появились россыпью, скопом: словно высыпались разом из дырявого мешка.

— Первая линия защиты! — Проворчал мой ведущий. — Факельщики... Уходим!

И мы — уходили. То — снова вверх, то — по наклонной... Подземные тропы играли с нами. Несколько раз мы ошиблись туннелями; еще нас пытались ослепить этими самыми факелами... В дикой спешке мы влетели в пещеру... И тут я понял, что «факельщики» — это просто светляки... Просто их кто-то поднял по тревоге (этих, безобидных, в общем-то, ребят...). А вот — для чего?

— Где мы? — Пробарабанил я по сложенной перепонке (словно это был привычный подлокотник).

— Еще раз стукни — узнаешь!

И я притих. Я молчал до тех пор, пока вдруг не услышал:

— Не спи. Сейчас будет жарко...

— «Вторая линия»?

— Может быть...

— А может и не быть?

— Может и не быть, что «может быть»; а может быть — что «может и не быть».

— ...Как тебя дети понимают? — Усомнился я.

— А я — не просто «Умный, красивый и ловкий...» Я — тот, в которого они *не доиграли!*.. Ты сам недавно был *нимфантом*: должен помнить, что по-настоящему игра начинается, — когда она уже закончилась! Каждый участник *доигрывает* ее по-своему: один

облачается в латы героя, другой — сладострастно втискивается в облик жертвы... А вот я — не уловим! Меня им — мошкаре! не вычислить...

Он еще хвастается... Давно ли сам — из *детства*?

— А сейчас нам сделают «темную»! — Радостно признался Гошка. — Каждый воспитатель проходит через это.

И пропали все отблески света; посыпался какой-то мусор, полилась вода — сам Тэтти-Гон прорвался сквозь легкие нагромождения (сети, паутина?..) — и резко забрал вверх; и здесь нас встретило пестрое войско во главе с недовольным командиром.

— Где вы застряли?

— Это не мы — застряли! — Отвечал нам усач со страшно торчащими рогами. — Это вы опаздываете на церемонию... — И он облетел вокруг меня. — Это и есть ваш *первый* помощник, кандидат?

— Вам что-то не нравится, начальник торжественного караула?

— Не очень-то эта особь похожа на кузнечика... — Пробормотал смущенный начальник караула. — Даже — на очень редкого кузнечика не похож... К тому же — в плац-листе указано: «Чоко Тумако, из рода кочевых канатоходцев, исторический ареал...

— Я знаю, что написано в плац-листе! — Серdito перебил Тэтти, явно разозленный задержкой. — Основной признак есть?

— Ну есть... — Недовольно протянул командир. — А длинных усиков — не вижу!

— Земная регрессия... — Туманно пояснил Тэтти. — Издержки трансформинга! Он — еще не имаго. Не задерживайте нас из-за пустяков!

Я ничего не понял, но решил промолчать. Пусть эти великаны договариваются сами.

И мы полетели дальше, но теперь — уже в кольце охраны. Местами казалось, что я плыву по реке, загроможденной блестящими спинами бегемотов.

А потом — целая бездна простора (это мы вылетели из полумрака); внизу дышали степи, отяжелевшие от дневного зноя и уже вспучивалась земля, рождая редкие скалы. Мы втянулись в предгорья. Я никогда не был в этих местах.

Сокращая путь, наш «отряд» чуть не врезался в одинокий утес; Тэтти-Гон возмутился, но тут мы опять занырнули в очередной тоннель. Стало шумно и тесно; все толкались спинами и неподвижными в полете крыльями.

Странно: или мне было беспокойно — или он транслировал мне в уши свою озабоченность предстоящим?.. «Ты же меня выручишь, царь Данька?», пропищал он почти по-домашнему (словно мы с ним мирно прохладались у подоконника). «Тебе нужно просто произнести *формулу*. Для тебя — пустяк, для меня — *судьба*.»

Что-то настораживало меня в этой просьбе: так, слегка — но царапало нежными коготочками по сердцу.

Тут мы — всей эскадрильей! прямо-таки выпали в большой гудящий зал. Это была еще одна пещера: огромная, без конца и края! И мы всей ордой неслись по видимому периметру, с каждым кругом снижаясь все ниже и ниже — пока, наконец, не приземлились на очень скромный кружок-ориентир.

— Спускайся. Прибыли...

И я съехал по его крылу, как по пандусу.

Теперь можно было и оглядеться. Выполнив свою задачу, наш караул медленно втянулся в мрачный боковой тупик.

Здесь все было: *камень*.

Камень стен, подножия, сводов. Защита, а — может, угроза? Отсюда — не выскочишь.

Я не разобрал толком, что в центре. Потому что к нам уже шел, переваливаясь, старый знакомец: жук-могильщик из Старой башни. (Теперь он был — не продажный таможенник, а служащий в смокинге. Идти на задних лапах было ему крайне неудобно (но я понял: это требование этикета).

Он был мрачен, этот могильщик. Я разглядел у него саблю, мешающую идти. (Ну — и чиновники у них!)

Он подошел ближе, неуклюже поклонился. И глядел на меня так, как я сам *тогда* на него смотрел: с нескрываемой печатью эволюционного снобизма.

— С тобой? — Сухо указал он на меня — и отошел сразу, стараясь не раздавить.

Тэтти как-то неуверенно кивнул.

— Ну так реверсируй! Или ты хочешь, чтоб его *затоптали* как самозванца?

Странная у него была интонация. Но Тэтти уже крутил Увеличительно Стекло.

И меня тотчас будто взорвало и выломило из лилипутского кокона: и я стал — вровень с ними... Выросший, я тем более не напоминал «кузнечика», — это прямо читалось на брюзгливых жвалах жвалах Могильщика.

— Покажи ему предков, сто тридцать восьмой... — Буркнул он кандидату. — Пока еще коллегия соберется... Старички отдыхают: забились в расселины... Здесь своя духота.

И мы пошли знакомиться с предками. Это была стена-галерея, испещренная наскальными рисунками.

И увидел я пращуров древнего народца... Телосложением — приматы, безусловно!. А вот — *головы*... Я быстро взглянул на идущего рядом. Вот она, голова: что там — на стене, что у моего голенастого Гонши, — одинаковая!

— Кто это?

Крылья у моего ведущего чуть дрогнули...

— Тебе трудно принять *это*, человек? Вы называете его — инсектоид. Это — наш общий предок. Своим внешним видом ты просто напомнил об этом моим родичам. Поэтому — они и смотрят на тебя недоверчиво. Но *правилами ритуала* — это не запрещено!

«Они смотрят на меня недоверчиво...» Да я сам глядел на эту галерею — недоверчиво! Более того — с законным возмущением более развитого вида... Эти лица с выпуклыми глазами без зрачков, эти усы-антенны, выбитые в мертвом камне... Финиш! Полный «буль-буль»!

— Это все началось после Первой Межвидовой Склоки. — С непонятной грустью пояснил мой гид... — Весь этот О_С_Т_Р_О_В тогда был нашим кормовым полем. И еще захватывал часть материковой впадины, откуда однажды и явились чужаки. Они сказали, что им нужен этот остров. Еще они сказали, что дадут нам новые земли. И разделилось наше племя... Большая половина согласилась на переселение: «Дом — там, где еда!». Но судьба посмеялась и над этой половиной и — над теми, кто остался. Это была планета-флора; и там огромные инсектоиды деградировали в мелкие популяции... Они разучились высоко порхать

в темноте под звездами и говорить через утренний воздух. А те, что остались «внизу» — вскоре забыли даже навык полета (их просто в насмешку сбивали!); их гнусно называли «инсектопитеками»: низшей расой... Тогда — в напоминание разобщенным потомкам, — этот О-С_Т_Р_О_В_ тоже перерубили пополам (как и наше злосчастное племя). И приморская его часть — попросту затонула.

— Эта пещера — наш последний алтарь, — Тэтти взмахнул крылом, предлагая вернуться. — Сейчас здесь приносят клятвы все те, кто «взлетает» на высокие должности. Клятвы принятся на гробнице регента Новой колонии, погибшего здесь, но завещавшего нам путь в галактику «Мотылек». Там наш мир. Совсем не похожий на ваш...

— А эти...поработители, — сказал я, стараясь не отставать от его голенастых шагов, — они куда делись?

— Никуда не делись! И вашу планету без устали терроризируют и на наш Цветущий Лут посягают... Ничему у своих поработенных — не научились! Усы стали короче, а желудок — шире... Одним словом — саранча!

Тяжело переваливаясь, к нам спешил старый знакомый: жук-могильщик. Его галстук-«бабочка» сбился на сторону. Он пыхтел, подманивая нас к себе мохнатой лапой.

А Тэтти вдруг застыл: прямо-таки окаменел — словно памятник самому себе.

И тут до меня дошло: он попросту *боится!* Ну — как земной пацан строгих учителей — или там директора в школе.

— Давай, Гошка! Я — с тобой!..

В центре пещеры уже возвышалось надгробие, прикрытое гранитной плитой. За плитой молча громоздились четыре сумрачных создания угрожающего вида. Выправка у них была человечья, но взгляды — злобные.

— Жук-Олень, Жук-Носорог, Жук — Голиаф и — казначей Скарабей в придачу, — упавшим голосом пробормотал Гонша. — Все в сборе! Коллегия... А вон и наш «караул»: как всегда — спрятался за спины.

Четыре черных панциря встали по углам возвышения — и дружно сдвинули плиту. Нас каким-то ветром швырнуло поближе...

В каменной гробнице уютно лежал индивид, которого мы только что видели на фреске. Руки и ноги — вроде человечьи. Но грудь — ужасно впалая... Плюс — ветхие, осыпавшиеся до трухи надкрылья, как-будто вывернутые из-под спины и *подтянутые* до острых коленок и *птичьих стоп*. («Наверное», решил я, «это создание передвигалось прыжками...»)

А голову я не видел; голову до поры до времени прикрывала деревянная маска, похожая на африканскую. На этой маске глаза были огромные и овальные (как и положено кузнечнику) Сама личина была светлой коры, а «очи» казались залиты смолой.

Все четыре наблюдателя усталились на Гошку. А он зло выпятил жвалы, собираясь сражаться!..

Самый крупный из коллегии — Голиаф, пораженный высотой, вдруг сказал каким-то мирным упреждающим говорком:

— Объясни, прибывший, объясни нам всем, бестолковым министрам, — зачем ты привел с собой *человека*... Разве такой помощник должен быть у Главного Воспитателя потомства прямокрылых?

— Я привел ДРУГА! — Бросил вызов Гошка. — Разве не такой «помощник» должен быть у Главного Воспитателя?

— И у него есть все *четыре достоинства?* — Почему-то не поверил озадаченный

Голиаф.

— Есть! — Зазвенел юный голос — как медь в потревоженном колоколе. — Конечно, есть, уважаемая коллегия!

И он отскочил на свободное пространство, красуясь. И каждую фразу точил речитативом, приводя в движение свой тощий торс и прихлопывая ближними надкрыльями:

ОН. Готов отдать жизнь за меня ... даже если спикирует птица!

ОН. Готов отдать *самое дорогое* для него в этой жизни...

ОН. Готов делиться едой, влагой и тенью...

ОН. Готов спасти всех, кто этого заслуживает!

Учитывая все это, я — согласно закону Цветущего Луга, передал ему на хранение, почитание и использование ИМЯ моего погибшего друга — Чоко Мутаку. Отныне ОН — мой собрат Чоко. Мой помощник Чоко-кузнечик!

— Лишь бы — не саранча! — Выкрикнул из-за спин «караульный».

И все дружно подхватили: «Смерть саранче!..Смерть короткоусым!..»

— И если вспомнить нашу многовековую историю... — продолжал Гошка, но тут его дружно перебили: видно, и сами знали эту историю.

А жук-носорог проникновенно сказал:

— Все-таки уточните, соискатель: что вы ждете от вашего...э-э, не совсем обычного помощника?

— Понимания и ...объединения. Это мой путь: возвращение к истокам. Чоко сказал как-то: «Каждому имаго — нужен амиго!». В этом — моя миссия.

И тут же он бочком-бочком отскочил в сторону. А надо мной навис Голиаф:

— Ты согласен с Правилами Цветущего Луга? Ты действительно хочешь принять эту ношу: имя погибшего друга? Ты хорошо знаешь кавалера Тэтти-Гона? Ты согласен оставить свою планету?

Тут я подрастерялся. Вся эта церемония стала давить на меня...Что там, в этих Правилах?.. Делиться едой (да пожалуйста!), тенью (еще проще...). Еще там пикирующая птица (да — «веслом» по башке!..)

...И еще: про что-то «самое дорогое»... А что у меня — «самое дорогое»?

Тут Тэтти быстро подскочил ко мне, обнял (прикрыл меня своим крылом):

— Мы — согласны, — сказал он.

Коллегия переглянулась, но со стороны это выглядело не иначе, как дружеская поддержка.

— Теперь подойдите к Великому Предку! — Трубным голосом возвестил Голиаф.

И мы подошли (шаг в шаг) и встали напротив с разных сторон гробницы. И почему-то дружно уставились на маску, а не друг на друга.

— Формула Братской Клятвы! — Шепнул из-за спин командир встречавшего нас караула. — Помните?..

И все замерли. Все ждали.

И я выдавил заученное в дороге: «МОИ КРЫЛЬЯ — ТВОИ КРЫЛЬЯ»

Облегченный вздох вырвался у Тэтти-Гона. Но на него никто не смотрел: все уставились на деревянную личину.

...Выдолбленные очи (залитые мазутом, нефтью?) — заблестели, задвигались, ожили... Она глядела на меня, эта маска! Она — глядела... И в этом взгляде тихо мерцали давно отгоревшие страсти.

— ПРЕДОК — согласен! — Закивали хранители. И, как только они это произнесли — амбразуры очей заново умерли, окаменели и заплыли вечным мраком.

А новоутвержденный Верховный Воспитатель уже был готов к великой цели; согнув под острым углом голенастую конечность, он по-рыцарски встал на «одно колено», подставил Голиафу свою покорную овальную голову; еще он предусмотрительно забросил за спину усики-антенны.

И они подходили к нему по очереди:

Жук-Носорог торжественно препоясал его *экзаментой*;

Жук-Олень вручил красивую обувную коробку;

Хозяйственный Скарабей передал (из лапы в лапу) — *жезл начальника*: трость-«кафедралку».

И, наконец, могучий Голиаф возложил ему на темя шляпу-«четырёхзубку» (похожую на гигантский лист клевера). Как я понял, это и была та самая «сократка»: квадратный академический головной убор зеленого цвета — с каким-то странным букетиком вместо кисточки.

(Позже я рассмотрел это *дополнение*: это был пучок секущих растений, обычные розги...Надо полагать, символ воспитания.)

Не то, чтобы для взрослой руки, но — для того мира, который и сам невелик.

(Самое главное: сделано с любовью...)

Перемотка сознания

Мы вернулись в город при полной луне, в сопровождении «крылатой пехоты». На прощание начальник караула — наш добрый старый *могильщик!*, о чем-то посекретничал с Главным Воспитателем, пока я (заново *реверсированный* в букашку) глазел на огромное, развороченное Челюскиным, дупло.

Шторы от ветра колыхались надутыми парусами. (Значит, Машки нет дома: нянчится со своим героем...). И площадка была пустынна.

Дома гулял сквозняк... Все кончилось... Я сидел в своем кресле, а он — беззаботный! скакал по нарисованным кнопкам давно выцветшей панели. Он, Главный Воспитала, был готов к завершению своей миссии.

Он так и сказал: «Миссия окончена... Я — готов! Еще один день; еще одна ночь... Два корабля: для эскорта — неплохо!»

Плохо было — мне. Весь обратный путь я *грезил* об ином.

— Кто твой помощник, Тэтти-Гон? — напомнил я ему.

Молча он вздрогнул.

— Я — пригожусь... Я могу быть хорошим надзирателем. Особенно — если у меня будет плеть.

Он опасливо отпрыгнул:

«Розги — это не цель... Если воспитатель берется за плеть — воспитывать надо самого воспитателя.»

Я ждал... Тогда он добавил со вздохом: «Пойми сам: я не могу тебя взять...»

И тогда я все понял. Он *предал* меня — еще там, у гробницы. Он знал; он не мог не знать — зачем мне вся эта канитель!.. (*Лучше ходить по неродной планете, чем ползать — по собственной.*)

Опять обманут... Сначала — дядей Жорой, таскавшим меня на руках по окрестным бабкам («...вот этой травнице верю: скоро поскачешь, Козленок!»); потом — эти пронумерованные мной самим отцематери, сиречь — Родители, спустившие столько бабла на приехавших отдохнуть профессоров и академиков); потом — эта полоумная Седая Дама, кормившая меня рассказами о «чудесах на финише»...

Даже — Леха, мой друг — и тот *делал вид*, что тогда — на майских! честно пришел к финишу первым... Болтуны все.

И с кем я тогда остаюсь?.. Если меня даже надсмотрщиком не берут на другую планету.

ЛЮ-Ю-ДИ, куда, в какую щель забиться, если все рушится?..

А пока я был в своем кресле. Сам дурак — доверился жалкому насекомцу, повернутому на своей шляпе. И я грохнул кулаком по табличке «Осторожно: метеориты!..». Так грохнул, что «мой начальник» — подпрыгнул. И еще — после всего этого, заявил назидательным тоном: «Когда рушатся скалы, самое главное — не КУДА бежать, а к КОМУ...».

Вошел в процесс, называется.

А я понял, что пора стать взрослым. Сразу — и навсегда! И Родителям радостно будет, да и всем *остальным* понравится. Завтра...нет, сегодня же — закрасу эту *детскую вселенную* самой черной краской на свете (или — что там найдется). Хватит пудрить мозги!

Чтобы узнать ночные новости, я решил дождаться утра. Так я и задремал, уложив голову на привычный левый локоть, а левый локоть — на еще более истертый «главный рычаг» на

обреченной панели. И снилось мне, что я лечу к звездам — и ни одна не хочет меня принять! Как сговорились...И только одна — маленькая, плюгавая такая планета сказала:» Возвращайся туда, где был: если там не нужен — нигде не ждут...».

С утра площадка кипела: ночью «ужась что творилось»; и дом соседский ограбили (и полиция была и МЧС не скучала!) и «Скорую» вызвали и террористов ловили... А еще руку сломали жильцу, и беспутная девка из первой квартиры всю ночь шлялась туда-сюда... Потом громко поссорилась с своим *одноруким* — и умотала на праздник в цыганской юбке, умора!.. с! А брата ее искали с собаками и фонарями, в окна светили. Столько новостей в одно утро (и это — не считая грядущего карнавала!).

Собрав всю информацию, я задумался.

И было отчего.

Вот скоро мне, лопуху, исполнится полноценных четырнадцать...Раз, два — и гражданин, здрасте! А то, что было прежде — куда его, в коробку с пластиковой живностью? В самый дальний угол памяти — задвинуть, затереть, забыть?..

...А это действительно здорово, что через три с половиной часа — номинально кончится *детство*? (Меня родили в четверть одиннадцатого)... Как же так, как же все это?.. Может — ничего и не было? Просто — приснилось в душную ночь, так? И по вечерам я по-прежнему буду подъезжать на своей «кляче» к черному-пречерному подоконнику, долго буду смотреть на него — и думать: вот это и есть настоящий космос. Темная материя. Черная дыра. И — никаких Цветущих Лугов... Мимо!

Голоса под липой выдернули меня из дремоты:

— Чего грустишь, Зинаида? Макаки сдохли — али слонов постреляли?..

— На «Бизоне» — мертвый дельфин, девочки! В сеть залез: они же — любопытные... Сколько там всего понастроено, пораскидано — уму непостижимо И все — на один день, страшно подумать...Завтра уже раскурочат!

Дельфин меня не интересовал, а вот к бабе Зине дело было.

И вообще стоило поспешить: когда приедут Родители — свободное перемещение по дому будет исключено. ОНИ займут мою комнату. А меня — как болезного братца, отправят к Машке. «Детки в клетке». А мы будем изнывать на маленькой территории: ни Машке — к Катьке, ни мне — к Лехе! (Мы же — *смертельно соскучились!*..)

И самое главное — тогда я вообще не подберусь к ее компу: его на время приватизируют Родители (так было всегда: в своей Африке они работали на древних «стационарах», предоставленных миссией «Врачи без границ»).

— Тэтти-Гон! — Приказал я.

Вдвоем мы подъехали к Машкиной двери. Замочная скважина — пуста. О-кей!

Проинструктировав подельника, я запихнул его в скважину.

Отмывка небес

Девчонки, мой вам совет: никогда не заводите «тайный дневник». Всегда найдется *младший брат*, который его взломает!..

Я огляделся во владениях сестры. Идиотский плакат с «психологическими типами»; афишка с кобельком (на ней кудрявый Андрэ еще больше напоминает Тристана): подпись красным фломастером: «Котенку, играющему с бабочкой на коньке крыши...».

Что, Черноухов, пролетел? Моей изысканной сестричке нравятся артисты (пусть даже в ошейниках — и «слабослышащие»), а — не строители-монтажники с боевыми котами на черных футболках. Как сказал бы бессмертный дядя Худай: «Один девка — два джигита... Ха-ха-ха!». Вот взяла и не сняла этот постер: назло тебе! И сбежала «цыганкой»... Ищи теперь у первого от моря фонтана.

На крышке ее ноута выплясывал Тэтти-Гон. Что-то царапнуло мне взгляд... Неужто?! Зеленый плут — он в своей «сократке» (или как там еще...). Сам — невелик, а шляпец — и вовсе с микрон.

Довольно бесцеремонно я стряхнул его на стол: знай свое место, насекомое! Потом я открыл ноутбук... Запоролен... Как и ожидалось! ...Сволочь ты, дядя Жора!

— Пароль! — Рывкнул я, не глядя на соучастника...

«Не знаю... Но щелкала — восемь раз!»

— Я сейчас сам тебя щелкну... В мозги не мог «забраться»?

«В мозги — забирался... Первый самец — тот, что на плакате. Но он для нее — не еда, не тепло, не лист для ночлега...»

Я развеселился. Вот как надо оценивать: «Еда» и «Тепло», «Кров». Без всяких *амуров*... И глядите — какая цивилизация выросла (не чета нам!).

— А... второй самец?

«Тот, который рекламирует корм для кошек?»

Браво, Черноухов!.. Вот чем, оказывается, занимаются твои «боевые коты»... (Учи китайский, Петя!)

Мне расхотелось слушать дальше про «еду» и «ночлег».

— Да есть там что-нибудь про пароль в ее башке?

«Восемь клавиш... Восемь клавиш... Еще — «образ», даже — не «образ» — а отблеск, отражение... Маленькое, жалкое, беленькое: рожками упирается, ножками сучит...»

— КОЗЛЕНОК! — Заорал я. — Это — «козленок»: мое детское прозвище!

И я набрал его. И душа Машки, сокрытая от меня — медленно и неохотно стала пробуждаться навстречу. Там была куча фоток — и на всех был я (еще в доколясочном периоде): в неизбежном чепчике (с разевающими пасть бегемотиками); стою на своих ногах — и держусь: и за ее руку, и за руку Отца, и за руку Матери... Вот так: СТОЮ и ДЕРЖУСЬ... (А что еще нужно для счастья, ЛЮ-Ю-ЮДИ: только СТОЯТЬ на своих ногах только ДЕРЖАТЬСЯ за верную руку!..)

После урагана — фотки закончились (словно и я сам сбежал в небытие... Да и всю семью — смыло в море.) Были только газетные вырезки:

«Трагедия в Заозерном...»

«Страшный урожай торнадо...»

«Ребенка спас «морской дьявол»?»

Ну — и прочее в таком же духе.

Теперь на фотках — Машка, везде Машка (меня — явно стесняются). Машка — на львах возле библиотеки, Машка — у якоря возле музея, Машка — в огромной раковине на берегу моря (привет, Дикуся!..)

Ниже — ее заметки.

«... Наверно, стоит заняться поглубже дефектологией (экое поганое слово!) и психологией... Тогда, наверно, я стану лучше понимать Даньку.

Итак, будем изучать:

Песталоцци. «Здравствуй, Песталоцци... Я — Маша. И у меня есть вопросы.»

Монтессори. «Привет, Монтессори... Я — Маша. И я кое с чем не согласна...»

Фрейд. «Хэлло, дядюшка Фрейд... Я слышала — ты старый проказник...»

Но — самое главное! шах и мат тебе, пустая башка Жорик!.. Знаешь, дядя Жора, что такое СДТ («садист», для упрощения). Это и есть Я: социально-детерминированный тинейджер! (Будем знакомы...).

Просто сестрица решила покопаться на секретном полигоне (где именно «мальчики»; которые — выросли раньше, чем научились ходить). Если честно — я бы закрыл девчонкам вход на этот полигон. Там ведь уже не *пупсики в чепчиках*, а вполне себе циничные парни, знающие ход на порносайты.

...Тяжелая рука сдвинула плечо мне. Еще не зная, кто за спиной — я успел закрыть вкладку.

Плохой ты сторож, Тэтти-Гон!..

И чья-то воля рванула на себя мое кресло. А ведь предупреждал Родитель № 2: «Распахнутые окна когда-нибудь удивят...»

Предложение, от которого вслух невозможно отказаться

— Ну здравствуй, Муфлон Иваныч... Попросту сказать — я рад тебя видеть, лягушонка в коробчонке... Живем, да? А почему — не откликнулся? Мы всей артелью переживали, не спали ночь... Ты где прятался, недовесок?

Буцай ухмылялся... Если не вслушиваться (отключить звук), то на плаву остается вполне себе улыбочивая рожа старого знакомого. Лысая башка прикрыта туристической кепочкой, морда вежливо выбрита — и никаких тебе драных тельняшек и разноподсмыканных штанин: вполне приличные шорты. Он и на карнавале такой будет? Изображать *порядочного человека*...

Буцай гостем погулял по комнате, тормознул возле «Психологических типов...» Он с таким видом изучал плакат, будто Машка училась у него в аспирантуре. И училась плохо.

Потом он ухватился за ручки кресла и силком притолкал его в мою собственную половину. Я только успел ощутить, как предатель Гошка засвербел у меня под локтем.

В моей комнате Буцай тоже походил, поглазел — и двинулся к шкафу. Я напрягся, а слуга Белого Господина уже выстукивал по дверце: «Кто, кто в теремочке живет?»

И решил узнать наверняка.

Филимон ухнул на него, как освобожденный узник, обняв скрипучими мослами. Буцай оцепенел — и пасть его отвисла не хуже, чем у Фильки. (Вот так они и смотрели друг на друга: как два идиота).

— Ты — это, тихо, приятель... — Ласково сказал нежданный гость, — ступай к себе, лады?

Но как только он отпихнул Филимона, тот свалился ему под ноги.

— А ведь тебя простить велели, если ты жив, убогий! — Крикнул мне Буцай. — Это все ты подстроил?

— Так я еще и виноват, что остался жив?? — Ответил я несколько чопорно. — И перестаньте, пожалуйста, пинать мой *карнавальный костюм!*.. Я вас к себе не приглашал.

— ОТЕЦ РОДНОЙ зато тебя приглашал... Ага, вместе с сеструшкой. — Он так и не справился с несчастным Филькой — и оставил бедолагу на пороге. — И запомни, полорогий: ты у нас вчера был на открытии... этой, промо-акции, вот! Мороженое — лопал? Лопал. Газировку пил? «Да здравствует ЛОГО-ХАУЗ!..» Если журналюги зацепят — так и говори. Усек, водолаз?

— А кресло? — Выдавил я. — Пульт, автоматика, батарея на четыре часа... И, кстати, надувное сиденье.

Но Буцай, скорчившись, уже был на стреме. И уйти собирался так же, как и вошел. Глядя на него, я вдруг вспомнил познавательный фильм «Жизнь орангутангов».

— Какое кресло, Муфлон? Ты на чем сидишь? Хочешь кресло — заработай! Клетки там гтовы для вас, увечных... И еще: передай своему *однорукому* ковбою, чтоб я его на «Бизоне» — не видел! Усек?

И он исчез с глаз моих, под коллективный «Ох!» педсовета. Когда я подъехал к окну, он уже обходил детские качели. И прямо впрыгнул в толпу первых карнавальщиков... Кто-то колотил в дверь; я медленно поехал на вызов... Что-то мешало сосредоточиться.

Ага! Вот оно... СТРАЖИ не было!

И стало мне обидно: не меня ОНИ охраняли — а драгоценную особу Главного

Воспиталы! Он получил свое (эти дурацкие регалии); пусть теперь сваливает!.. Не нужен он мне... Никто мне не нужен. И тот, кто стоит за дверью, всегда будет лишний.

...Но он вошел. Выглядел Черноухов бледно. Здоровой рукой отодвинул коляску и осторожным шагом протиснулся в комнату. Здесь он сразу устался на полуразгромленного Филю. Филя, как всегда, улыбался: он был рад любому гостю.

— Сбежала? — Буркнул сосед вместо приветствия. — Я так и знал. На карнавал ей захотелось... Сама вырядилась — или с этим договорилась, у которого мамка костюмер?

Даже имени его произносить не хочет...

— Девчонкам доверять нельзя!

Но он пропустил мой совет мимо ушей.

— А эта обезьяна что хотела?

— Чтоб ты больше не появлялся на «Бизоне»!

— И все?

— Тебе мало?

— Мне всего мало. Получил свою насекомую?.. Того шкета и благодари! — Здоровой рукой он достал мобильный, придавил его к столу — и набрал несколько кнопок.

И хоть Машка не отвечала, у меня создалось впечатление, что она его *слушает*. С беззаботным смешком он выдал в телефонную трубку:

— Да, радость моя!.. Прекрасно слышу. Сегодня не могу: ужасно занят... Конечно, постараюсь! Развлекайся, солнышко! (Я через стол услышал, как скрипнули его зубы...). Как всегда: радость моя... Первый фонтан от моря... С Гераклом — лучше не заигрывай: увижу — отметелю... Геракла, конечно.

— Да она с Катькой фестивалит! — Ввинтился я в «беседу». — С кем ты вообще разговариваешь?

— С моей Изольдой. А что?

— Ты — чокнутый? Она же тебя кинула... Нельзя бабам верить!

— Каким бабам, старик? Тем, что у колодца с коромыслом?

— Жалко мне тебя, сосед... Она опыты ставит. Психологические... Показать таблицу?

И я с готовностью развернул кресло, торопясь озобличить мошенницу.

Но, еще не успев добраться до Машкиной комнаты, я услышал шелчок.

Входная дверь хлопнула.

3. Круговая панорама

Мы начинаем карнавал

Никто не хочет меня слушать...

— Тэтти, ты где?

«Тише... Я слушаю музыку.»

— Тогда сделай погромче, «шеф»!

...Какая еще музыка? Та, что на улице — будет греметь до заката. И до следующего рассвета будет шуметь. Он что — не знает, что я *оглох* для этих концертов? У меня даже Машка в наушниках ходит.

«Это музыка сфер», — успел пояснить Гошка.

Что-то застрекотало (не хуже моего насекомца, когда он голоден); потом какая-то пьяная мышь свалилась в канаву и стала скрестись по обочинам, и все вокруг завизжало в непрерывном темпе, фантомировалось в неизвестный вид какофонии, влетело в аэродинамическую трубу (мышь? спаслась?) — и стало натекать на все углы, поскуливая в полной прострации...

«Пульсары запели...», нежно тукнул меня в голову Тэтти. «Грустно, щемяще, на разрыв всего сердечного нерва, — правда?»

Чужая планета — потемки...

«А еще я вспомнил далекую родину... Вербу, бабушку, ручей... Ты помнишь мой адрес?»

Я усмехнулся...

«А когда я услышу твой — чтоб спрятать его в тайном закутке души?..»

— После карнавала... Ты же говорил: надо вместиться в шесть строчек и чтобы скейт-лозунг был в начале.

«Поторопись... Церемония прощания начнется в полночь. И мой эскорт уже прибыл.»

— Это те два корабля, которых ты боялся?

«Я уже ничего не боюсь...»

— Даже этого — наставника: страшного Хэма?

«Я — уже сам Наставник. Главный Наставник! Хэм — мой подчиненный...»

— А помощник, я так понимаю — это сторож с Большой Башни... Хитрый жук-могильщик, так?

«Не обижайся, царь Данька! Так будет лучше...»

На лавочке под липой вдруг запели... Фронтменом была Мелания Сидоровна. Как бывшая офицерская жена, она — конечно! выбрала армейское: про солдата, который вернется... — «ты только жди».

Я выглянул в окно: так и есть! Мимо липы проходил бравый Черноухов.

Ох, и хитры наши бабки!..

На карнавал Гошка собрался вместе со мной. «До ночи — все-равно не успокоюсь!..»

«Как высшее государственное лицо — я должен быть замаскирован... А мы еще не придумали мне подходящую личину», важно заметил он.

— Гошка! Да ты просто стань тем, кем ты есть на самом деле... И тебя ни одна собака не узнает!

«Даже Тристан?»

— Даже Тристан.

«Тогда я просто захвачу свое Стекло... И регалии. А то ты не видел меня во всей красе,

царь Данька!»

Особо прибарахляться я не стал. «Телега» — она и есть «телега». (Самому противно, когда в убитой «турке» едет этакое расфуфыренное чучело.)

Меланию Сидоровну я едва узнал. А всего-то и сделала: сняла к празднику хмурый мужской пиджак, унылую юбку и страховидные боты. Вырядилась в веселое крепдешинное платье (у нас в шкафу то же такое висит: мужнин подарок Гренадеру); непривычно голые ноги она засунула в тапочки для купания (и все это вместе поместила под лавочку). Да! Еще заменила монашеский плат на что-то дерзко яркое, закрученное необыкновенным узлом на затылке — и таким образом стала похожа на всех (презираемых Гренадером) героинь бульваров прошлого века.

Вместо того, чтобы сделать даме комплимент — я на всех парах помчал к спуску, оттуда — на улицу, и тут едва не протаранил какого-то раззяву.

Горькая встреча

Он стоял внизу, раскинув шлагбаумом руки.

Шляпа, сачок, белый плащ в жару... Есть такой хитрый пустынный клоп: выкопает сам себе ямку — и сидит в ней, пока добыча сама не свалится на голову... (Это мне Гонша рассказывал.)

— С дороги, дядька Мотыль!

Но он поймал меня «в объятия», не сильно-то испугавшись. А потом еще пару раз приложился своим сачком: да так быстро, что я словить не сумел эту пакость.

— Извольте спешить на маскарад, юный мерзавец?

— Отнюдь! — Сразу встроился я в его стиль. — На тренировку... Опаздываю! Пропустите, будьте любезны.

— Отпущу! Сейчас отпущу...

Он и сам отскакивает, запустив мое кресло дальше. По его мысли — я должен бомбануться об угол дома... А еще лучше — перевернуться.

Хитришь, у меня тормоз — не на колесе, а на — подлокотнике. Съел? Ну — и что ты мне сделаешь, «дуремар» несчастный?

Вот уже несколько лет мои несознательные предки волокут этому барышнику «малую фауну» (запретную для выезда). И ОНИ там — *уважаемые люди!* Так сказать: «герои в зеленых халатах (белый цвет в тех странах — цвет скорби).

— Ты должен понять, — сказал ограбленный коллекционер, помахивая перед моим лицом своей противной *сеткой*. — Все клетки открыты... Все — кто мог улететь! улетели... Какое горе, сынок. Какое горе! Сколько заказов — в пропасть... Суданский кузнечик — красавец! Ни у кого такого не было... Австралийцы, мои австралийцы! Хорошо хоть: чилийского «дьявола» успел *оформить*... — И он заплакал. Самыми натуральными живыми слезами.

— А «колумбийцев» не было? — Спросил я, повинувшись внезапному импульсу.

— Разбежался... За одного «истинного колумбийца» я как-то трех перуанских трансформеров выменял. Но эта удача — не на каждую пятилетку!..

— А «истинный колумбиец» — это какой?

Он промокнул глаза широким поношенным рукавом:

— Конечно, он — красавец!.. Но мадам-природа ничего даром не дает! Он — *бескрылый*... Единственный в своем роде. *Настоящий тумак* — мечта любого специалиста мелкой фауны!

— И у него что: совсем-совсем нет никаких крыльев?

— Нет — и взять негде!.. Как там местные индейцы развлекаются, знаешь? Заставляют этих *тумаку* по травинкам через искусственные «овражки» бегать... Соревнования такие. У нас — тараканы бега. А у них — издевательство над редким видом.

Где-то я прочитал, что самые лучшие анималистские снимки — это те, что делаются с *задержкой дыхания*... Вы делаете легкий накат (наезд, наплыв) и дальше ...дальше вы все делаете сами: вытаскиваете натуру из воздуха, лепите пальцами по невидимому эскизу. А камера... Что — камера? Она — слепоглухонемая (но, когда вблизи сердца, перехватывает его стук — и задает себе его ритм).

...И увидел я самые большие в мире глаза: глаза кузнечика. Те самые, боковые — как бы

«плывущие» к затылку... Двадцать шесть тысяч фасеток! (И это — один комплект одного ока!) А пятьдесят две тысячи «пикселей» — не хотите?.. И все это — лишь для того, чтобы создать этому обжоре картинку свежего листочка или объемный портрет аппетитной личинки... А ведь есть еще (кроме дальнозорких двух глазищ) — еще три крохотных «органа зрения»: как раз — посередине между большими зенками.

Вот эти, мелкие — для того, чтобы разглядеть добычу в упор. Ну, близолапые то есть...

Природа! Ты — с ума сошла?

Одной прожорливой объедалке — и такое счастье!

Летающему обманщику — ветер всегда в спину.

— Тэтти, подлец, ты где? В каких куцах пребываешь, брехун несчастный?..

Но он не отзывался. Лежал в своей коробке в состоянии эйфории?

Сейчас ему будет эйфория!..

Я въехал в городское пекло. Солнце набросилось на меня — и стало прилюдно раздевать.

...Черт с вами, проживу! Один наглый завравшийся летун хочет сделать из меня скомороха... Ладненько!

— Где ты там, дрыхнешь?

Сквозь шумовой экран до меня донеслись «дивные» скрипы его *поющих пульсаров*. Балдеет он... И уверял, что ничего тогда не слышит.

Секомое насекомое... Ты — пожалеешь!

Теперь я понял, о чем перешептывались у гробницы четыре престарелых мудреца: я действительно соответствовал основному признаку погибшего Мутаку.

Я был БЕСКРЫЛЫМ.

Назло себе я сам завернул к Миллерам — сам! Натэ, ешьте... А то крутитесь вечно под колесами.

И чего я так развинтился? Пустой дом и тихие окна.

На «Бизон»!

Запрыгали навстречу палатки с карнавальными прибабасами... Народ оттуда валил: весь в «пиратах» и «древних греках» (привет, Керкинитида!). Шмотки — напрокат, а вот маски — навсегда. Их нужно покупать... Мне купить, что ли?

Вот смешно: колясочник в маске... Никто не узнает, да?

И все-таки я ее купил: маску Франкенштейна. (Вывел, так сказать, свою суть наружу.)

Людей — веселящихся, идущих по натоптаным руслам к морю, все прибывало; вскоре я уже медленно тащился в этом потоке... Стала глушить музыка. Весь курортный репертуар сразу: от шансона — до «инвалидной» классики (на трех аккордах). Все запестрело, замельтешило вокруг: горячие сквозняки, перетекающий ор, визжащие дети. Плюс: полоумные родители.

(Тэтти-Гон, Тэтти-Гон, выходи из сердца вон!..)

...Лети на свою бестолковую планету, и чтоб я тебя больше не видел! И чтоб я тебя больше не слышал...

Но когда он запрыгнул ко мне на плечо и по-семейному прижался (лопоча что-то уж и вовсе неразборчивое) — я чуть не заплакал: (без трех часов — взрослый мужик!)

Последний раз я плакал, будучи десятилетним. ОТЕЦ (тогда еще не Родитель № 2») привез меня из очередного санатория в нашу, открытую всем ветрам, бухту. Это дядя Жора посоветовал *лечить* меня «общением с природой». Чтобы на «примере восхода» доказать,

что — не все потеряно; раз красота мира никуда не делась — нужно просто отыскать к ней свою стезю...

Он ходил по мелкому песку и бухтел про «великолепный вид» и «великие возможности»... Потом он устал и сел (чужой пожилой человек).

Вот тогда я и заплакал последними детскими слезами. А он решил — что это от восторга, перед открывшимся раем.

Чего-то я хотел от него, точно.

Сейчас я был «остров в толпе». Но в мою *скрытую* заводу проникла Седая Дама. Торопясь, я приткнулся было за декоративной каретой (торчавшей на вечном приколе у нашего театра). Я решил: навсегда спрячусь в этом полдне. Не нужно мне никакого праздника.

Седая Дама вылетела, словно из-за кулис. И сразу выставила поперек свою трость-«удочку», на которую ловко цепляла прогульщиков и «отказников» от *врачующей силы спорта*.

На ее «боинге» (швейцарская сборка!) висел нелепое надувное сердечко.

— Я счастлива, Кузнецов! — Завопила она на всю площадь. — Вчера ты был совсем плох... — Подъехала ближе и добавила уже почти интимно: «А я тебя почти не узнала! Какой-то ты был тощий, худой и страшный... Просто скелет...»

Она уперлась своим креслом — в мою коляску.

— Ходят страшные слухи, Кузнецов!.. Три мальчика свалились с яхты... Яхты — беда нашего города! Они все не имеют лицензий... Мальчиков не нашли. Пока... Сейчас главное — провести мероприятие. А как — твой? Летят перелетные гуси?.. Что с твоей челюстью, снимок сделали? Если не сделали — я позвоню!

Она так близко надвинулась на меня, что я *заглянул* в ее глаза. Это были глаза *фанатика*, уничтожающего все препятствия на пути спортивной эстафеты.

— Ты — помнишь: мы отошли с твоей сестрой... Прости меня, но она во всем призналась!

Я только рот разинул.

— Она рассказала мне, как ты вступил в схватку с отморожком...

Я согласно мигнул.

— Значит — можешь, Кузнецов? Встать на защиту маленькой девочки, которая в песочнице мирно пекла куличики... Видишь, я все знаю! Знаю — как ты сражался с этим здоровым бармалеем, швырнувшем в ребенка яблочный огрызок... Проявить спортивный дух в схватке с хулиганом ты можешь, а тренировки — игнорируем?

Она развернула свою замечательную швейцарскую машину, но — прежде чем уехать, все-таки пригрозила: «Ты у меня — в штраф-зоне!».

Теперь не отстанет...

Прижимаясь к левой бровке, я покатыл вниз по Дувановской. Солнце, наконец, высадило свой первый десант: жара плыла уже над шествием. Аллею к спуску охраняли *живые статуи*: фрейлины ее величества; ангелы; золушки с корзинками... Тут же — и неизбежные пираты: высокие сапоги, шпаги, камзолы... Их «бронзовые» фигуры окружали курортницы в масках и шортиках. Уже начинался эталонный гул маскарада (когда кто-то берет управление на себя — и руководит хаосом).

Теперь мы (все мы!) шли, ехали, бежали, подпрыгивали — встречу слепящему солнцу! А чьи-то командированные голоса призывали оставить в покое все пляжи. Кроме одного.

«Бизона».

Я отъехал выпить воды под сень неопалимой рекламной кровли. Все плакаты были на одно лицо... То есть — лица-то как раз и не было, а было что-то художественно размытое, напоминающее женский лик, придавленный тяжелым лубочным золотом знаменитых подвесок. «Сокровище византийской короны — ваше!».

«Мечта всех красавиц: *пропендулии*.»

«Выбираем принцессу полуострова!»

Без таких, как Леха (пожирателей сезонных халяв и зрелищ) — такие мероприятия бессмысленны!

А мне позарез был нужен Леха: сегодня и он любимец Судьбы.

Теперь толпу возглавляли скоморохи: все — в пестрых колпаках и ярких дорогих заплатках. Они ехали по бокам колонны на гироскутерах. Они дудели в свои дудки как полоумные; веселые шальные ребята!.. Меня уже раздражал лес этих голых загорелых ног, бредущих за ними; мелькание бесцеремонных рук, оружие вслед заводилам глотки: «Кто не с нами — тот за нами!», «Кто куда — а мы на танцы!»...

Впереди шествия — блестящие, высокие, недостижимые! выросли ходулисты.

*СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЬ*е было среди них... Даже если бы я и отыскал запропастившийся веер, отдавать его было некому.

Я глядел им в след — и толпа неровно обтекала меня.

Толпа здесь разбилась на два ручья: одним предлагалась эстрада (там уже повизгивали микрофоны), других терпеливо ждали у наспех построенного павильона, где будут изгаляться «танцоры на колесах». Леху надо было искать здесь.

«Царь Данька!» — запищало у меня в ухе. — Уже все кончилось?..»

Блаженный...

Это просто пауза: народ наш прекращает орать, когда что-то дают даром.

«Вон там, за помостом, жук-скакун...» — Пробился ко мне тоненький голосок. — «Гляди: и ухвертка рядом... Они тебя знают; они нам помогут!»

Я закрутил головой: точно, все так и есть: у врат на «Бизон» топтался озабоченный бич-менеджер (с вечным репродуктором в руке), рядом что-то высматривала Катька.

— Быстрее отсюда, Гонша!

«Гонша я — для бабушки под вербой, а для тебя (и всех остальных!) уже только Тэтти-Гон!», пропищал он оскорбленно.

Плюнув на все, я свернул за лавочку — и помчал прямо по ухоженному газону.

То же мне, цаца! Правильно говорят: власть портит.

Я сделал крюк — и вклинился в реденький строй желающих поглядеть на невиданные танцы. Здесь было тише: мероприятие обязывало.

— Я не понял, Тэтти. Какой «скакун», какая «ухвертка»?..

«Я всех антропоидов классифицирую, что здесь неясно? «Скакун» — твой бывший наставник. «Ухвертка» — твоя бывшая самка...»

Я чуть не напоролся на чью-то спину.

— Ну — ты даешь!

«А вот это ты — напрасно! Ухвертки — хорошие матери. Немногие, кто следят за своим потомством!»

— А кто — Машка,?

«Еще неизвестно. Бабочку по куколке не узнаешь.»

— Погоди, а Петька, Черноухов — он кто?

«Благородный жук-олень!»

— Ну конечно: он же тебя спасал... А вот — Леха...

Но тут меня сзади прилично тюкнули в спину. Негодяй то же был на коляске — и я показал ему не совсем приличный знак. Он прижался ко мне сбоку (даже взял подлокотник на ручной абордаж), но тут мы дружно въехали на «места для зала» и, пользуясь дарованным нам преимуществом, приткнулись прямо к низенькому заборчику. Нахальный мой спутник сразу исчез.

Я осмотрелся. Да, народу здесь было немного... Жюри заседало в конце трека, и возглавляло его (вы удивитесь!..) — Седая Дама.

Нам было велено обождать (артисты волнуются и готовятся).

Тогда я решил закинуть удочку:

— Тэтти, а кто эти старушки, что караулят нашу липу...

Он сразу подключился, дурачок.

«Божьи коровки...»

— А Буцай, который пинал Филю?

— Брюхохранитель большого белого хищнца! Щитомордник.»

— А я?

И тут он замолчал. Потом тихо так начал:

«Есть такой паучок...»

Пауза была нестерпима. Я щелкнул по карманчику:

— Ты заснул, насекомое?

«Правду хочешь? Пожалуйста... Вот тебе твой портрет!.. Он живет в воде: там и плетет свою паутину. Паутина — в виде пузырька, наполнена воздухом...»

— Хитрый у тебя паучок.

«Это — не у меня... Вот он сидит у себя в «пузырьке-норке» и ждет, когда мимо проплывет что-нибудь съедобное... А паучок тут как тут. Так и охотится.»

— Хорошо же ты обо мне думаешь...

«Ты — обиделся? Паук-серебрянка — отличный охотник!»

— Ага. И действует исподтишка... А знаешь, что я сам о себе думаю?..

Но он так и не узнал.

...А вы, вы — хотите?..

Справка для непонятливых

Однажды я проснулся сиротой. Не стало МАМЫ и ПАПЫ; меня похитили две серийных прототипа: Родитель№ 1 и Родитель№ 2.

Они схватили меня; они закатали меня в цифровое гнездо, и стали кормить инфомлеком. И стал я Ребенок№ 2 (первым номером шла Машка).

С тех пор ДОМЕН заменяет мне ДОМ;

БРАУЗЕР — родного брата;

ЛАЙКИ — лохматого Тристана;

И все у меня — под номерами.

Я живу в патриархальной двоичной системе:

Есть: 1 сестра;

1 друг;

2 Родителя.

Есть еще знакомые общего порядка, с которыми так или иначе приходится сталкиваться.

И есть такие, которых я бы с удовольствием стер из своей памяти. В КОРЗИНУ их!

А сам я — НОЛЬ.

ЛЮ-Ю-ДИ! Вы думаете, я себя унижаю?

А попробуйте что-нибудь умножить на НОЛЬ...

Небольшая толпа уже штурмовала этот несчастный загончик для танцев: словно там, под наспех сколоченной крышей, ожидалось великое феерическое зрелище, недоступное в других концах планеты. Ждали ББГ; но попечитель городских удовольствий нужен был сейчас повсюду — и Седая Дама призывала к спокойствию и жюри, и конкурсантов, и публику.

А потом схватилась за голову: открывайте уж, черт с вами!

Какая-то тетка бульдозерных габаритов обняла решеточку, не пускающую ее на трек: к «бедным детям». Она заслоняла мне весь павильон!

Не очень вежливо я *прижал* ее к преграде.

— Мальчик!.. — Закричала она трубным голосом. — Ты не участник?

Если бы я сознался, она бы запросто перекинула меня (вместе с коляской) к остальным танцующим.

— Значит, ты пришел болеть за своих товарищей!.. — Она все-равно была счастлива.

Она — одна! сдвинула всю толпу на необходимые семьдесят семь сантиметров и втиснула в эту пазуху мою коляску. Потом по-хозяйски, положила очень большую, жаркую, пышную руку на и без того взопревшую спинку сиденья. И — *подмигнула*. «Со мной не пропадешь!»

А я не мог глаз отвести от ее груди: там задыхалась, стиснутая сиськами, маленькая, не полноценная на вид, пестрая книжка. Точно: дамский роман.

Появился импозантный дядя Жора; стал что-то интимное доверять микрофону. От духоты и гула его никто не понял. Начался парад-алле: участники — все как на подбор! ехали на моторизованных колясках: у всех за спинками развевались флаги с эмблемой ЛОГО-ХАУЗА. И у всех было номера на спинах. Седая Дама, стараясь перекрычать публику объявила что «уважаемый спонсор» появится позже — и тут же приказала «подать приз в студию». Это оказалась немецкая коляска-универсал.

В номинации «танцевальная пара» я услышал знакомую фамилию.

...Леха Шампур! (Кто бы сомневался...) Он выступал в группе «комби» (ездунец плюс ходунец), в подгруппе «вальс»... Я предвкушал его финты.

Но партнерш «пАрники» держали в секрете.

Моя благодетельница вытащила из бюста книгу — и стала ею обмахиваться. Даже до меня дошел сквозняк... Когда очередная пара съезжала с помоста, тетя-бульдозер совала книгу в подмышку — и бурно аплодировала, заражая окружающих своим энтузиазмом. Будто ее наняли.

Одурев от «гостевых, обязательных, отборочных» — я, наконец, дождался Леху.

Танцевальные номера подавались на десерт. Чтобы создать полумрак — опустили боковые панели; публика (уже порядком поредевшая) лениво расплзлась по жаркой оградке. Мне показалось: остались только родичи, друзья, соседи конкурсантов... Ну и — «постоянные клиенты любых зрелищ»: из числа тех, кто надоел домашним. Объявили двадцать третью пару.

...Сначала *танцевала* одна музыка (которой вообще не нужен партнер). ТИХАЯ музыка и я ее — понял. (Аккорды меня бьют по нервам.)

И вот ОНИ выехали... я просто замер! Леха — балабол, хвостун, мой вечный

«второй», — сейчас преобразился... На своих распахнутых *крыльях* (уже не скажешь: «весла») он вознес свою маленькую партнершу — Лебедь. И она не покидала его рук; он «бросал» ее вверх — и она возвращалась, каждый раз нежно и самоотверженно закрывая его беспутную голову от взглядов онемевшей толпы... И я впервые ему *позавидовал!*

Еще я привычно хотел высмеять их в своем сердце, но их сообщница — мелодия! приказала мне: «Заткнись!..».

Леха... Друг... И ты меня бросаешь!..

Да провалитесь вы все!

...И я поехал поздравлять Леху. Они оба ждали меня в тупичке для уже «отплясавших». Он и его Лебедь: Манютка из параллельной группы слабовидящих. Я вспомнил, как ее дразнили в бассейне: Анчутка!.. Да, Анчутка, вот так.

Однажды я этой Анчутке-Манютке возвратил залетевший на «лидерскую дорожку» мячик. А она — выбрала Леху!. И в другой раз — чуть не утоп, доставая одну хрень с глубины (по ее просьбе!) А она все-равно выбрала Леху... И теперь они ждали меня: счастливые оба!

Вот дураки: ну совершенно счастливые!..

Тут, у них, как раз и магия — кончилась... Леха был весь в бронзовом поту, казалось — и конопушки сейчас съедут с каплями... Его Анчутка-Ангел в изнеможении плюхнулась на песок и стала обмахиваться. (Веером Айше, знавшим таинственный язык любовных переговоров).

Леху «крылья» давили. Это была довольно затейливая конструкция (его «крылья» перекрывали ее «крылья» почти вдвое); она и со своими-то запуталась, но все же принялась помогать партнеру, взяв мой веер в зубы: чтобы не мешал.

От руководства прибежала куратор: девица — зрячая, голодная, злая... Накричала, что порвали реквизит. Что — все испортили, что можно (а ведь ее — предупреждали!..)

Леха увял, скукожился: при нем Манютку разжаловали из ангелов...

А что вы хотели, детки? Это вам — не Божий Сад.

Это — администрация!

...Служащая собрала их ангельские крылья. (Как теперь в Эдем будем возвращаться, детишки?)

И тут Леха исподлобья перехватил мой взгляд, нежно ласкающий пальцы Манютки.

Если он и был смущен, то совсем немного.

— Прикинь, Дан! Нас сначала засунули в подгруппу «танго»... — Он завертел своим длинным подбородком в цыплячем пуху, выискивая подельницу. — А как это: испанка без веера? Весь рисунок нарушен... Сечешь?

Я кивнул.

— Вот Машка нас и выручила... Сейчас поедem ее искать. Понятия не имею — где!

...Зато я знаю. «Грязь» побежала искать.

«Женские бои в грязи» — фишка любого летнего зрелища. Поэтому здес пусто. Весь народ ломится к причалу, чтобы сверху, с мостков, полюбоваться на гладиаторш. Стриптиз еще тот. Я бы и сам не прочь глянуть... И по глазам Шампура читал, что и он бы не прочь... Но у него еще — финальный проезд, награждение победителей, фотосессия со спонсорами и — возвращение в свое транспортное средство. Пересядет в убогую «турку», если что получше не выиграет. А самое главное: у него Манютка. Ангел, пусть и без крыльев. На грязевые бои таких не водят.

Я еще покрутился немного и, не дождавшись того, из-за чего приехал, решил потихонечку выбираться.

— Пока, именинник! Звони.

— К тебе — «доступа» нет... Все утро звонил. И по-мобильному, и по — домашнему...

— А что за срочность? — Спросил я нейтрально.

Леха как-то затравленно оглянулся. Счастье из него перло — не скроешь!

Тогда я сам подъехал к нему; он снизу достал меня «веслом», уцепился за плечо — и выдохнул, сам себе еще не веря в удачу:

— ОН ЗДЕСЬ, братуха! ОН ПРИЕХАЛ...

— А ты уверен?

Пошарив в блестящем трико, он выудил сложенный микроквадратом синий почтовый листок. Он машинально прижал его к сердцу.

— Телеграмма. Утром... Я тебе звонил, звонил.

Манютка вдруг схватила его за руку: заунывный голос по динамику приглашал «танцевальную пару номер двадцать три явиться в сектор сбора». Но Леха не слушал. Он осторожно раскрыл свой «счастливый билет» — и разгладил его на коленке.

— Вот, читай... «Сегодня, в шесть...»

Я изучил сообщение со сверхсерьезным видом (будто не сам клепал его в ожидании бабы Зины).

— Давай вместе, братуха, а? — Умоляюще выдавил Шампур. — Ну — как я один...

— Почему это — один? — Ревниво пискнула Манютка. — Мы же — договорились!

— Молчи, женщина!..

Вот он чем их берет...

— Тогда — по «коням»! — И я ухватился за рычаги.

Кто-то бросился мне наперерез, когда я объезжал тетю-бульдозера. А вот это сейчас было вообще ни к чему: путь мне преградил Савраска. Собственной персоной!.. Но я ускользнул от него (как ускользал все лето).

— На «грязи» полетел? — Только и услышал я в спину. — Ступай... Туда тебе и дорога!

Не оборачиваясь, я только взметнул кулак повыше (как повстанец, исчезающий в джунглях).

И на всякой случай — свернул на узкую, задымленную полусветом, тропу. На таких аллеях хорошо встречаться шпионам: пара дряхлых лавочек; вокруг — никого; там, впереди, в просвете — синий, ненавязчивый блеск моря. Здесь кончались городские пляжи.

Прощание

Я подъехал к береговой гальке (наброшенной последним штормом). Песок здесь никто не чистил — зачем?

Я бросил руки, как поводья... Я устал: от грохота, шума, нерационального истребления времени.

«Тихо-о...», всплыло и рядом и во мне. «Так тихо, будто...будто я уже там: где бабушка, верба и — синий закат...»

— Тоже одурел?

Я поставил Тэтти на плечо: чтобы подышал и осмотрелся.

Он и осмотрелся.

«А у нас — гости!», сказал он.

Вот этого еще не хватало... Я оглянулся: в начале тропы уже нарисовался бездомный скелет на худющих ногах. Футляр от пещерного фотоаппарата мотался на тощей груди... За руку (лапу?) Дикуся вывел нового питомца: обезьяну в тельняшке (такой себе дресс-код для курортных мартышек).

Дикуся замер, — и глаза его под чужой шляпой не бегали, а словно заранее просили прощения. И солнце здесь не палило; и дальние песни уносило в море — со всем праздничным сумасшествием.

Здесь, на задах «Бизона», шла своя неприметная, тенистая, не бурливая жизнь. Огромные валуны — как рифы! ограждали вход на пляж (сплошь из камней, что для здешних мест — редкость).

Дикуся перехватил мой взгляд. Аккуратно не то постучал, не то погладил по древнему «Полароиду»: дескать — не желаете сняться, молодой человек?

Почему-то мне захотелось его унижить:

— Что, стихи не кормят?

— Зато прекрасно — поят!.. И могут обеспечить *ночлег*.

Обезьяна изобразила ужас: заперла одной лапой пасть, а другой — стала тыкать в ближайшие камни. Толстая чайка там охотилась.

— Вы — роете клады; она — собирает сколки солнца!.. — Довольно продекламировал Дикуся.

Я только на миг извернулся, чтобы ухватить булыжник.

И тут...

Вот он — во всей красе: огромный голенастый монстр, шагающий на пружинящих задних...И бедная «охотница», тут же ставшая добычей.

Смерть тебе, Голливуд! (Никогда ты не сделаешь лучше!..)

А он молча стоял на берегу, сложив крылья (так, как арестант складывает за спиной руки). И крылья обтекали его, словно готовую взлететь ракету.

— Здесь мы и будем прощаться, царь Данька! — Сказал Тэтти-Гон, не оборачиваясь.

Голос его странно вписался и в эту тишину и в гневный протест Дикуси: «Отпустите земную птицу!..»

Обезьяна схватила хозяина за руку — и заковыляла с ним в кущи.

Тэтти задумчиво глядел на море.

— У нас нет океана. Зато есть ручьи. Один из них протекает мим Старой Вербы, ты *не забыл?*

— *Ничего я не забыл!* — Нажал я на все звуки. — Туманность Бабочка, галактика Жук... Или Мотылек.

— «Тэтти-Гон! Всегда — чемпион!», Вот это и есть самое главное... Скейт-лозунг, с которым идешь, едешь, летишь по жизни. — У тебя уже есть девиз?

— Все у меня есть... — Голос вдруг зашаркал, как мокрая галька в сухих ладонях. — Просто — не нужен тебе мой адрес... Ты — улетишь, и будешь лупить розгами своих беспризрников, как лупил тебя этот...наставник Хэм.

— Ты не поверишь, царь Данька! Но я — любимый ученик своего учителя. Хотя и называл его изредка: наставник Хам.

— Мы нашего тренера то же Савраской кличем. Ну, в смысле, лошадь такая: вся в пятнах. Он, когда злющий — прямо копытом стучит. Людоед, одним словом.

— Многих съел? — Деловит спросил Тэтти.

(И я понял: это не фигура речи.)

Но вот что странно: все, что я хотел *выдать* этому предателю здесь, — все это вдруг потеряло смысл.

Я знал одно: завтра утром его не будет.

Наверное — и у него шевельнулось что-то подобное в башке... Его усики-антенны взметнулись вверх, и один из них принял форму вопросительного знака.

— Знаешь, что плохо, царь Данька? У нас с тобой на двоих — ни одного общего снимка! Это — совсем не вкусно...Я хочу пастись на лужайке твоего стола.

— Ты улетишь к гусеницам, а мне предлагаешь глядеть на свою хамскую рожу?..

— На себя посмотри! У нас ни одна бабочка не взглянула бы на тебя без испуга...

И мы дружно рассмеялись (каждый по-своему).

— Ненавижу сниматься! — Сказал я (истинную правду, между прочим). — Дикуся, где ты прячешься? — Заорал я, глядя в кусты. — Иди сюда со своим «кинг-конгом»: одна зеленая дылда хочет фото на память!

Я прислушался. Ответа не было...Ушли, испугались?

— Сюда! — Закричал я веселее... — Нам еще костюм *сдавать*...

— Граждане отдыхающие! — Дикуся вывернулся оттуда, откуда и не ждали: из-за ближайшей лавки. — Все готовы?

Я шустро отъехал в ближайшую тень. А мой насекомец вдруг исчез за ближайшим валуном... Дикуся растерянно оглядывался; а обезьяныш стоял смирно (может, нагляделся на эти фокусы!?).

— Что за напасть?

И вот тут он появился... Во всем блеске свих регалий появился: франтоватый молодой карьерист!

Он снял свою четырехугольную шляпу с привязанным букетом — и закричал, размахивая ею над своей плоской (как дыня) башкой:

Приветствую, юное поколение!

Я — ваш новый козел отпущения:

Умный, красивый, добрый и ловкий...

Буду гонять вас до утренней зорьки!

Это шляпа моя — «сократка», всем известная как «разгильдяйка»!

А почему? Почему здесь — букет?

— Что с тобой, Гонша? — Испугался я.

— Я — недаром слушал вашего Главного Артиста!.. Я понял: чтобы тебя слушали — надо говорить красиво, с «подбором» одинаковых звучаний... А еще — лихо, с огоньком!

— Это Андрэ тебя научил?

— А вот Регалия № 2»! — Защебетал он вместо ответа.

Волшебная лента —

Моя экзаamenta!..

(Это — самая длинная флешка в мире:

База данных — на двоечников и дезертиров!)

Тут Тэтти-Гон вроде споткнулся; потом вдруг резко наклонился ко мне — и свистящим шепотом спросил: «Я уже трижды подмигивал тебе! Где — закадровое стрекотание?»

— Где — что?

— А вот Регалия № 3!

Трость с монограммой —

Стилист лучше мамы...

Фотки отыщете

В Инсектограмме!

...Кажется, я начинал понимать, откуда у Тэтти такое усердие! Бедняга столько времени провел в шкафу, рядом с Филимоном, — пока Мари и Кэт принимали своего кумира!.. Браво, Андрэ: у тебя есть ученик!..

— И вот: последняя Регалия № 4!

Если всеми другими Регалиями он размахивал, то здесь скромно только указал на какие-то странные сапожки...

Мои лапуэнты

Всех удивят!

Мои пируэты —

Вас поразят...

А теперь я станцую Танец Встречи! И — почти без паузы: «Ну как, царь Данька, молодые и наглые меня поймут, а?»

— Вам бы — видео, а не — снимки!.. — Проворчал Дикуся. — Но я снимал это безобразие. Завтра заберешь у Графини О.

Пока мы вели с ним светскую беседу, его мохнатый друг не скучал: взобрался мигом на моего танцора — и что-то выцепил у него прямо с груди.

И он УПАЛ в моих глазах (в буквальном смысле!) И — только маленький сиротливый кузнечик скакал сейчас на прибрежном камушке: мартышка утащила Увеличительное Стекло.

Пока мы с Дикусей шарились по кустам, вылавливая воришку, бедный Тэтти так и торчал на своем камешке. Когда я подъехал (и подставил ему ладонь) он смущенно клюнул меня в большой палец (а, может, у НИХ так она и выглядит — *скупая мужская слеза?...*)

Большой гелевый шар щелкнул меня по лбу — это Машка поймала меня возле «Бизона».

Она схватила мою колымагу за ручки и, хохоча от сторонних реплик, проволокла меня через вход, замахав руками перед Буцаем.

Буцай пропускал публику, посверкивая одиночным «пиратским» взором и погромыхая саблей ужасных размеров.

Здесь, на горушке, солнце не стеснялось — и всюду лупило по ярким спинам и непокрытым головам. Проникнув на пляж, народ давился дальше — здесь сбивалось новое шествие; люди клубились, наскакивая друг на друга, защищаясь детьми, шарами и моноподами.

Меня чуть не скинули с моего укрытия... Нестойкий щит покачнулся — и знакомый женский бас радостно завизжал про «замученного мальчика на колесах». Не дожидаясь помощников, тетя-бульдозер сама слегка сдвинула толпу (при этом — даже книжка, убаюканная грудью, не вытряхнулась наружу). «Вот ты где!», закричала она, словно искала меня всю жизнь. Тут же волна разгоряченных тел заколыхалась — и тетку и меня вынесло к макету корабельного мостика, откуда командовал, в подержанном адмиральском мундире, совсем затюканный бич-менеджер. Рядом стояли еще два трубача, но, похоже — только мешали и себе и «адмиралу». Трубы ревели, Жорж орал в рупор, чтобы толпа не мешала «главному гостю торжества»... На «Бизон», из морских недр, уже выползала дивная колесница... Эту колесницу тащили русалки!

Они шли попарно, закутанные в ядовито-зеленые водоросли; пропущенная между ними цепь уже вытягивала на сушу знакомую многим курортникам огромную гипсовую раковину, ярко размалеванную (бывшее жилище Дикуси). К ней были присобачены «лыжи», но все равно — ползла она с переменным успехом и, судя по недовольному лицу распорядителя, так и не выполнила до конца свою задачу... Застряла в песках!

В зубчатой, широко распахнутой части раковины стоял сам повелитель морских пучин: ошалевший от оваций низкорослый дядька, обвешанный оставшимися темно-зелеными прядями и с грозным трезубцем в руке.

Раздался гром (это рывкнула виртуальная пушка).

— А сейчас, — надрывался рупор, — Все мы с вами — участники кораблекрушения!.. Внимание, вопрос: что самое главное на необитаемом острове посреди океана?

— Собака, друг человека! У него была собака... — Вспомнил одинокий голос.

— Попугай... По-пу-гай!.. — Закричали две приличные с виду семейные пары.

— Ко-зы, ко-зы... — Настаивали любители шашлыков (один из них, мордатый, даже отсалютовал шампуром).

Но адмирал Жорж загадочно улыбался... И при каждом ответе — прокручивал вхолостую штурвал.

— Ты слышал, царь морей? — обратился «адмирал» к Нептуну. — Где твое слово, отец ураганов, колебатель недр? Кто нужен одинокому страдальцу на одиноком острове, ну?

Это «ну?» явно намекало на какую-то прежнюю договоренность... Но Нептун — молчал. Как рыба в его *царстве*.

— Нептун! — грозно прокричал адмирал, и даже схватился за пистоль.

Нептун — молчал. Но старательно слушал: даже приставил к уху ладонь.

Народ притих. Нептун в волнении ухватился за свою зеленую бороду — и стал ею утирать потерянное для публики лицо.

— Нептун! — Страшно зашептал Жорж, выхватывая пистоль.

И что-то щелкнуло у колебателя морей.

— Один Круза — одна лодка... Только — маленький лодка... Ха-ха-ха!

Бедняга Жорж зверем забегал по мостику, но самые догадливые уже скандировали: «Пят-ни-ца... Пят-ни-ца!..»

Жорж молодцевато помахивал пистолем — и вдруг крикнул в него (потому что — засунул свой рупор за пояс). Но тут же сделал вид, что так и задумано было: для хохмы.

— Правильно!.. И сейчас, друзья, мы выберем эту Пятницу. Эту русалку (там же больше нет женщин, да?). И потом, друзья: самая красивая русалка получит из рук морского царя — что? Не слышу!

И он облегченно крутанул свой штурвал.

— Приз! — Вякнул на затравку худенький подголосок.

Адмирал встал в несогласную позу:

— Не просто «приз», а целый — СЮРПРИЗ! — И он жестом тамбурмажора взметнул свой рупор. Не надеясь уже на «царя морей», он скоренько рассказал про крушение Царьграда и затопленные в сундуке сокровища. Сокровища Византийской короны...

— Пропендулии... — Мягко пропели русалки — и даже Нептун заплодировал, путаясь в своих водорослях.

Адмирал дал отмашку — и тут же затрещали, забили невидимые барабаны.

Оттуда же, из моря — вышла так себе богиня: немолодая, как показалось, тетка в парике, маске, узком хитоне из блестящей парчи и греческих сандалиях. На вытянутых руках она держала узорный ларчик (где, видимо, и хранилось наследие византийцев).

Мучительно долго тетка пробиралась по взрытому песку до палубного мостика... И тут вздохнула с облегчением: по знаку адмирала вознесла над головой желанный трофей.

И сразу же девчонки побросали свои «цепи» — и развернулись в одинарную линию. А та, в свою очередь, стала немедленно закручиваться в спираль; а из самого нутра завихрения на скомканный песок высыпались уже созревшие для топлесс русалочки — и толпа заурчала от удовольствия. Какой-то мужик — чуть ли не пинавший мою коляску! вдруг стащил с себя рогатый шлем викинга и — насадил мне на голову (видно: не зная, чем занять руки...)

А Геба (или Юнона?) все так же топталась возле своего «клада»; наконец, двое из адмиральской команды приволокли кресло... И с заметной радостью злая на вид Юнона (или Геба?) уселась на это хлипкое сооружение.

Ящичек она приспособила себе на колени: так, на всякий случай... А еще что-то обидное швырнула «адмиралу» *через плечо* и Жорж завертелся, хватаясь то за штурвал, то за не свойственный эпохе мобильник.

Жара допекала... Я был в тени рекламного щита, но тень не спасала от духоты.

Из глубины народной уже доносился недовольный задержкой гул... Кого-то (или чего-то) ждали... И вот они появились: «пастухи», сопровождающие зрелища. На этот раз были «лошадки»: их конские головы торчали высоко над толпой. Как я им сочувствовал: в такую жару — в толстых (из поролона) лошадиных костюмах...

— И-го-гоу!.. — Бодро *заржала* ближайшая ко мне лошадка. — Шоу-гоу-гоу!..

И тут началось! Ей бодро и звонко ответили остальные (молодецкими, еще не уставшими голосами!), и вся колонна пришла в движение... НЕ ДВИГАЯСЬ, она дышала и

шевелилась, не сходя с места; ржание лошадей подстегивало и электризовало толпу изнутри.

— И-го-гоу! — Толкались уже самые нетерпеливые... — Шоу-гоу-гоу-у-у!..

Но тут вмешалась богиня Юнона (или Геба?). Прижимая к себе ларчик, она свободной рукой указывала на взбунтовавшийся плебс, чего-то немедленно требуя...

Я перевел взгляд ниже: а там почти голые русалки все еще рылись в своих водорослях, отыскивая распарованные туфли, прижимая эти туфли к себе — и с ужасом взирая на взбитый под ногами песок...Куда им — со шпильками?

Я засек несколько колясочников (любая толпа их выдавливает на обочину), но Лехи среди них не было. И, не дожидаясь его, я «развернул оглобли».

Выехать через Буцаю не получится, — это я точно знал. Значит, надо искать обходной путь... Я устал от жары, мельтешения, полугрохота, полузвона... Пусть они там сами выбирают свою королеву! У каждого свое «шоу-гоу».

Путь был один: в наглуую выскочить перед толпой и «взлететь орлом» на пустовавшую пока платформу, откуда — через пирс, прямая дорога на набережную.

И я стал толкаться в самой гуще, призывая пропустить меня — тоненьким голоском «замученного мальчика на колесах». Кто-то недовольно ворчал, кто-то даже подталкивал коляску... Среди доброхотов оказалась и непотопляемая тетка-бульдозер; вот она-то буквально и *выставила* меня на первый подъем...И только я нажал на свои рычаги, как что-то опять изменилось, зашевелилось, загудело... Ударили фанфары; и еще я успел оглянуться...

Смех один! Впереди — я, а за мной — мои nereиды!

Вот это было зрелище... Весь пляж грохнул от хохота: я возглавлял дефиле!.. У каждой девчонки на голове — декоративный цветок (я понял: это у них — вместо номера). Ближняя ко мне (и самая первая) была Роза; следом в глубоком песке на шпильках ковыляли Люттик и Ромашка. А четвертой хромала...Катька! («Здравствуй, Катя: у меня есть вопросы!..»). У всех русалок лица были скрыты масками, но у Катьки была знакомая с детства фигура. И совсем — не фотомодельная!..

Едва взобравшись на пирс, я понял, что остался в дураках...И бежать некуда!

Здесь была засада. Большой белый лимузин запирает выезд. Большой Белый Господин стоял рядом, обмахиваясь лениво большой белой шляпой. Ловушка захлопнулась.

Пора удирать; но Большой Белый Господин, распахнув руки шлагбаумом, уже двигался мне навстречу... Я заметался, как таракан у щелки.

А он, знаете, не спешил...Он шел на меня, а я все сдавал назад. Все сдавал и сдавал... как вдруг БОЛЬШАЯ ПРОЗРАЧНАЯ СТЕНА отрезала меня от мира.

ЛЮ-Ю-ДИ-И... Вы видели в магазине *домик Барби*?..

А *этот* был из трех секций — и все прозрачные. Я дико огляделся. Все было в комнате: и шкафчик, и столик, и коечка (застланная чистым больничным одеялом); а еще была вазочка с фруктами, уют и пульт от телевизора... И маленький (как все здесь) телик.

И почему-то я вспомнил про дядьку Мотыля...

А слева от меня — ...я своим глазам не поверил! Там деловито похаживала хозяйюшка в новом фартучке, что-то беспокойно пробовала из своей кастрюльки...Еще она спрашивала совета у смурной фигуры, уткнувшейся в яркий журнал...Проворная была хозяйюшка. И звали ее — Манютка.

А кто там листал журнал — я то же понял.

«Здравствуй, Леша: у меня к тебе есть вопросы...»... (Вот прицепиться же эта Машкина

муть!..)

Когда он встал — я вообще очумел. У него был домашний дворянский халат, полугенеральские штаны, а еще — кавалергардские усы и *чубук*, представляете (Леха редко курил: берег дышалку!).

Я засигналил глазами; он глядел на меня молча и грустно. Я постучал по виску: «Ты с ума сошел?». Он ответил мне тем же. Пошел и сел в свое кресло: *барин*ом.

На нас глазели. Лица были восторженные: нам *завидовали*!

Знакомый бас тетки-бульдозера высказался за всех: «Везет же этим инвалидам! Мне бы такие хоромы...»

Я подъехал к прозрачной стене. Вот и все. Ты пойман. Ты — в аквариуме... Или — в инсектарии?

Тысяча чужих глаз следила за мной... Интересно им было: как я освоюсь в незаслуженном раю?

И некуда спрятаться! Я зачем-то надел маску Франкенштейна.

— Тэтти! — прошептал я. — Что делать, Тэтти?..

«У меня нет Увеличительного Стекла... Раньше я мог реверсировать и без него. А потом — лопух! сам и отключил эту опцию. Она действовала на расстоянии.»

Теперь я сам — под *увеличительным стеклом*...

— Леха! — Забил я кулаком в стену. — Когда кончится этот бардак?

— Не психуй... Сейчас начнутся грязевые бои, нас оставят в покое... Видишь бассейн с муляжкой?

Хвост колонны уже выбрался на пирс и растекся вдоль перил: наблюдать за боями следовало сверху. Прямо в обширную ванну с «муляжкой» вела почти игрушечная лесенка (как в бассейне); лесенка была увита плющом.

...Вот тут он оказался прав! Народ дружно отлип от нашего гадюшника.

Дама с книгой еще оставалась, но из каких-то своих побуждений... Книга на ее груди дышала «неровно». Дама радостно улыбалась (и еще укоризненно вертела пальцем): «Бунт?.. Ни-ни, мальчик. Не стоит...»

И скоро исчезла. Но я засек, что своей ножищей она хорошенько оттопталась на утопленной в грунт панели... Прозрачная стена дернулась. Но тут же опустилась. Черт! Я и подъехал быстро — да что толку: нажать на «педаль» можно было только снаружи.

Публика уже разбилась на два потока, занимая места у любимого аттракциона ББГ.

Он сам ходил гоголем по пирсу (если бывают гоголи-альбиносы).

Вдруг меня охватила злоба. Не злость (она единовременна и короткосущна), а именно «злоба». Которая не плодит идей... (Сама «злоба» — и есть идея.) Идея разнести всю эту витрину!..

И я отъехал, выравнивая линию атаки... Вот тут он и явился: чернокудрый поклонник моей сестрицы.

Под жарой он скинул маску (что-то навороченное в духе марсианского насекома-агрессора), и сам в шикарном многосуставном и легкокрылом костюме шествовал мимо окон-витрин, заглядывая в наше райское убежище. Девчушки его сопровождали. Одна из них даже тащила его шлем с выпученными буркалами и толстогубым жвалом.

Скоренько я растолкал своего тунеядца:

— Тэтти, Тэтти — очнись! Видишь — окошечко для вентиляции? Там внизу что-то есть: какая-то сигнальная половица... Заставь их там потолкаться!

Мой сокамерник подергал крыльями в ответ, и я запустил его на вылет.

Компания с девочками остановилась как раз напротив. Андрэ таращился в прозрачную стену... Одна дурочка все «совала» мне через стекло пестрый флайер на вечернюю дискотеку. «Ферштейн, Франкенштейн?», — развозила она с другой стороны свои неправдоподобно накачанные губы (явно купленные в магазине приколов). Вот скажите: за кого она меня принимала... За артиста, играющего роль «инвалида»?

...И тут мой орел атаковал!

Они так все завизжали, словно попали в облако саранчи!..

И та, что тащила шлем — бросила его от ужаса *прямо себе под ноги!* И тут же закрыла лицо руками.

Стенка узилища прыгнула вверх, на самую малость... Но и я был наготове: согнулся в три погибели и проскочил, буквально проехался по их пляжным сандалиям...

Что-то промычал вослед Андрэ, но тут заколотили из соседней стены, он отвлекся — а я уже дергал рычаги (словно вообще собирался их выдрать из уключин).

Я выскочил на пирс, где в разгаре было новое невиданное действие: заломив руки за спины, несколько добровольцев хватали ртом...мыльные пузыри. И они их ЕЛИ. Сам попечитель развлечений выкидывал все новые и новые порции из загадочного аппарата... «Сладкий сюрприз», как и было обещано накануне.

Публика тихо зверела от восторга... Ко мне бросилось сразу несколько человек, но — как я и рассчитывал! главному белому Человеку скандал вовсе не улыбался. Он только шепнул что-то Буцаю, и «одноглазый пират» тут же загнал меня в тихий тупичок, прошипев нечто, понизившее на порядок мою самооценку. Потом он засигналил руками — и на вызов прибежала знакомая до зубной боли тетка. Встала рядом — и давай обмахиваться дамским призыванием.

Веер я ей не предложил...

Построились русалки, добравшиеся, наконец, к месту последнего испытания... На Катку жалко было смотреть: подсолнух на ее башке съехал вниз (и уже телепался в районе пышной груди); она вымученно глядела себе под ноги, испытывая, по-всему, невероятное желание скинуть зажевавшие ее пальцы лодочки.

Вздыхая (словно втащила тяжелую ношу на рынок), явилась богиня (Геба, Юнона ли?), прошла в голову процессии и встала на одно колено...Толпа напряглась, предвкушая награждение. А первая, что шла под знаком «Розы», даже выступила вперед, рассматривая через прорезь маски возбужденные азартом лица.

Солидно прошествовал Господин к коленопреклоненной богине-служанке, вдумчиво и осторожно принял ларец. Прижал его к груди (даже погладил крышечку...). Потом распахнул ее, развернув ларец так, чтобы блеск камней ударил глаза...Потом Господин очень важно махнул рукой, подзывая машину — и весьма ловко запрыгнул в открытый салон. В этом салоне, вальяжно облокотившись, главный попечитель городских удовольствий и объехал весь запотевший от ожидания народ; за рулем я разглядел Тимура, брата Айше. На нем была ливрея, похожая на гостиничную. Они с «Розой» скрестились взглядами и я догадался, кто шел первым номером.

А вся толпа смотрела на Господина...Сделав круг, он легко спрыгнул возле украшенного цветами спуска...и наступила тишина.

Он стоял (с виду — несколько смущенный) между крохотными перильцами, перевитыми плющом... За его спиной неслышно возникла парочка пиратов... По его

команде — они шустро убрали подальше лесенку, — и вот, здрасте! вместо удобного спуска — обыкновенный школьный канат повис как-раз над центром надувного «бассейна»...

Публика, привыкшая к сюрпризам, плотоядно помалкивала. Многие уже поняли задумку устроителя — и занимали тарифные места.

Жадные на чужое унижение глаза уже ласкали вскинутую вверх руку: алмазным потоком стекали по ней «древние византийские реликвии»...

Толпа перестала дышать.

Подобралась и Айше-Роза...

Богиня (Юнона, Геба?) уже неловко поднималась с колен...

По-отечески снисходительно ББГ усмехнулся девчонкам, подмигнул «Розе», пожал плечами в сторону уже расстроенной богини:

— Итак, друзья... Мы подошли к главному торжеству... Чью голову украсит сие великое творение?... Говорят — первой его добыла в честном бою королева амазонок. Не будем нарушать традицию, друзья! Пусть будет судьей... честный поединок!

И после этих слов Господин простер над пропастью руку — и *медленно, очень медленно!* — *разжал пальцы*... И блестящие подвески змейками скатились туда, где их жадно заглотила пучина.

— Н: ачали! — Захлопал он в ладоши. — Кто хочет корону? Вперед, амазонки!..

Но и первая и вторая и даже третья! («Ромашка») — все, как заторможенные, глядели с трехметрового обрыва на заполненную «мулякой» чашу... Систему сломала четвертая, «Подсолнух». Даже не она сама, а — богиня — не то Геба, не то Юнона, которая как раз и ухватила этот «Подсолнух» за пухлые плечи, и почти пинком запустила вниз, в жадно чавкнувшее болото.

Пятые и шестые номера то же собрались испытать удачу, но теперь их у спуска ждала засада: богиня в расстроенных чувствах, сбросив трагическую маску — стояла в узком проходе, как спартанцы на Фермопилах.

Вот тогда к спуску рванулся сам Белый Господин! Легко отшвырнув не подходящую ему по кондициям Эмилию Карловну, он прочно и надежно перегородил нелегкую тропу к счастью; как всемогущий Зевс, он подзывал белыми рукавами тех, кто либо сам не решался, либо встречен был неуступчивой Гебой...

И тут раздался первый, чужеродный здесь звук: как ополоумевший — взвился и завизжал протестующий вопль клаксона... БОЛЬШОЙ БЕЛЫЙ КАПОТ наехал на замерше в удивлении попечителя — и он САМ, не дожидаясь толчка, спрыгнул вниз (грамотно, на излете, прикрыв лицо полями ковбойской шляпы...). В ту же секунду и Эмилия Карловна перестала быть Гебой там или даже Валькирией, а превратилась в худую русскую старуху, у которой *сукин сын* украл надежду... И говорила — не как культурные немцы.

Я вырвался, отпихивая тетку (она, впрочем, не сильно протестовала) — и одним из первых увидел: Белый Господин — уже не был Белым Господином... Он был одет, как черт из пекла; стоял по пояс в коричневой жиже, и его ковбойская шляпа с белоснежным верхом плавала рядом. А безутешная Катька, не решаясь нырять, нелепо подскакивала тут же, ногами стараясь нащупать утерянное сокровище.

— Буцай! — Проревел попечитель. — Держи Тамерлана!..

Тимур не стал дожидаться Буцай. Сдернув ливрею, он утаскивал прочь свою полуголую Розу.

И вот тут произошло — неожиданное!

Девчонки — из оставшегося цветника, САМИ бросились к канату: и там началась свалка! Вскоре они все оказались внизу, все славно переляпались и стали водить вокруг шефа хоровод... Народ брызнул к перилам; стали орать, свистеть, швырять вниз маски, рога, заячьи уши (у кого что из реквизита осталось) и, перекрывая гам, выкрикивать обычные сальности, неизменные спутники грязевых боев:

— Девчонки! Снимайте уже эти лохмотья...

— Секс — потом! Секс — потом... Девочки: не обнимайтесь!

— Вон та, которая с угла: ты что, кавалера ждешь на «белый танец»?

Загоготали и заголосили; швырялись (как в зоопарке) мелким съедобным мусором...

Разорвав круг, бывший белый человек уверенно двинулся к бортику; здесь он замер и (как ни в чем ни бывало) приподнял шляпу, благодаря за внимание:

— Прощайте, друзья!.. До нескорой встречи!..

Резво обернулся к своим nereидам: «Водяные фурии — ищите пропендулии!.. Не бойтесь: грязь — экологически чистая. Итальянская... Я всех вас люблю!..»

И, перекинув тяжелое тело через надувной борт, тяжело зашлепал к ближнему морю.

Одна Катька провожала его, тоскливо вздыхая в болоте.

А мать ее — на глазах у всех, шмякнула пустой ларец со всей дури. Он даже не раскололся: похоже, был настоящим, без фуфла.

2. Побег

Крупный план старого друга

К шести я опоздал. Привык *летать* на моторе, а тут пришлось чухать *шагом лыжника* (перебирая рычаги). К тому же меня задержали...

Дядька Мотыль ногами «затолкал» меня в угол между стеной и пандусом. Он требовал Чоко Тумако: нелетающего «колумбийца» и еще — угрожал родителями.

Дохлая номер — страшать меня Родителями!..

Скажите, ЛЮ-Ю-ДИ, — кто их сейчас боится?

— А Дровосек-Титан вам не подойдет? — Издевался я уже в наглуую.

«Дровосек-Титан» — самое большое насекомое на нашей планете. И самое редкое.

Но он все-равно не сдавался. По-видимому, крепко надеялся на свой «засадный полк» — моих предков.

— Все им расскажу... — Бормотал старик в своем полотняном плаще. (При этом — пинал мою подставку для ног...). — И про сестру и про ее взломщика-хахаля... Им нужен им зять-рецидивист?

От его настырного общества меня спас Тристан. Выскочил невесть откуда с какой-то сарделькой в зубах, и дядька Мотыль не стал испытывать судьбу, только проворчал тоскливо: «Вот оно, воспитание... Ворюга, не хуже хозяина!»

Я погладил шею Тристана. Все понятно: Черноухов сторожит Машку где-то у входа. Какой — с гипсом! праздник.

Тристан проводил меня до детской площадки... Вот странно: и караула — нет, а такое чувство, что ты — в осаде.

Дома я сдал намученного жарой Тэтти под охрану Филимона.

В маленьком кафе на вокзале шумно, людно и скученно. Народ сидел на своих чемоданах, пялился в смартфоны и лениво прислушивался к диктору.

Отъезжающий курортник — это совсем не тот, что приехавший... «Новенький» — он безумно озабоченный, устало-радостный; часто — просто развязный, малость одуревший и с рюкзаком. А вот покидают нашу обитель почему-то *всегда* с чемоданами на колесиках + спортивная сумка через плечо.

Само кафе — переполнено, а вот под навесом — места были (может — потому, что навес не спасал от духоты и вечернего солнца).

ЕГО я увидел сразу... Такие всегда прячутся по углам (как нашкодившие дети...). И *этот* туда же... Сердце мне сразу подсказало: все, приплыли... Победный финиш — отменяется. Этот маленький, жалкий, скособоченный подвид человека — *все испортил*. Опозорил и себя и меня (вместе с моей миссией!..)

Правильно говорят: захотел сделать добро — перекантуйся, попустит.

...Его длинная жилистая шея, загоревшая в «Салониках» за старым вокзалом, ритмично сглатывала волнение. Потом он пришел ей на помощь — пару раз придушил своей корявой лапой. Глаза его остекленели. Сторожили вход с улицы. Я не сразу заметил рядом с ним — большой, красиво упакованный по всем статьям «заграничный подарок».

Ничего я не замечал, кроме покатоной спины в дешевом старческом пиджаке (привет, мусорка!), и его раскиданных по столу, давно мешающих рук (привыкших возить тачку), а сейчас без нужды обтирающих ладони.

Пять часов назад он был совсем другим. Этому *другому* я выдал сумму на прикид и «скромный сувенир» из далекой Греции. И он — с отчаянием самоубийцы! решил вернуться в отцы.

Я решил удрать по-тихому. Пока он меня не видел, пока я его — не желаю видеть...
Добрые дела — та еще засада!

Я сильно сдал назад...но тут длинное Лешкин «весло» перегородило мне путь.
Весь день меня ловят...

— Слышь, братуха — он где-то здесь... — Услышал я не уверенный от радости лепет.

Скосив глаза, я засек за его спиной звезду его парного выступления: Манютку.

Манютка взволнованно озиралась: ей же сообщили про «отца из самой Греции», а тут, под навесом — пожеванный жизнью алкаш.

(Надеюсь — она действительно *слабовидящая!*..)

А вот Леха уже зацепил взглядом единственного посетителя. На его колымаге не было подлокотников, и он жестко взялся за колеса...Он еще ничего не понял. Или не хотел принимать *такое*...Он просто оцепенел. А эта бестолковая Манютка стала порхать рядом...

— Пошла прочь! — Приказал он ей. (Но она только пожала плечами.)

Мне он ничего не сказал. Просто двинулся вперед, сгорбившись и пылая ушами. И я поплелся — за ним. Вот так мы вместе и подъехали. Леха отшвырнул пластиковый стул — и занял всю «парковку».

И стал смотреть на человека за столом: прищуренным глазом прокурора.

И — медленно, не спуская взора, придавил его избитую цапками ладонь длинными, чуть дрожащими, пальцами.

— Калиспэра, тотепас... — Сказал Леха Шампур своему отцу. — Заждались тебя, батя.

Но синий пиджак даже не сдвинулся с места. Просто дернулась голова, встречая взгляд *сына* беспомощным, вдруг сразу потерянным взором.

— Ни хрена ты не знаешь по-гречески... — Просчитал Леха. Учили плохо?

— Там — не по-гречески учили, — осмысленно протянул папаша. — Там — по-свойски!

— А вот телеграмма была из Греции! — Зачем-то встряла Манютка.

— Те — ле-грам-ма?.. — Дворник едва прожевал длинное слово. — Я уже сто лет никому не писал.

— Утопитесь, папаня! — Бросил Леха победно. — Была телеграмма. Вот! — И он аккуратно возложил ее на не совсем чистый стол.

— Забыл, татепас... «Еду. Встречайте...Андью. Доро...» Перевести?

И вдруг глаза у моего алкаша посветлели, затянулись легкой зыбью негодования.

— Не груби отцу, — по-семейному тихо проворчал он, а то...

— А то — что?

— Ремня дам!..Да не в руки — а по рукам.

И эту *контрольную фразу* они произнесли ВМЕСТЕ. И — засмеялись вместе. И глянули вместе на меня.

— Твоя работа? — Леха весело швырнул мне телеграмму.

Не было бы там херувима, Манютки этой, — мы бы с Лехой объяснились в два счета, как и положено двум старым приятелям (мужской разговор — он на междометиях и прочих паролях, недоступных тонким натурам). Хлопнули бы друг друга по плечам и по рукам, — впервые ли нам цапаться?)

— Ты слепил эту фальшивую бумаженцию, Кузнецов? — Влезла эта дурочка голосом одной ей введомой кинозвезды.

Перегорело у меня желание быть доброхотом... Протягиваешь руку, — а тебя за нее не хватают (чтобы выкарабкаться и встать рядом!..), а — дергают: чтобы занять твоё место, а тебя на фиг — сбросить!

— Ты — состряпал, Кузнецов?

«Слепил», «состряпал» — скажи еще: «изготовил дезу», «сфабриковал липу»...

— Да! — Вдруг и Леха вставил свои пять копеек. — Теперь вижу: форменная подделка...

А вот это меня задело!..

(Друг: ты начинаешь *мести* не шляпой, а — подолом!..)

— Не заедайся, Шампур! Хотел получить Родителя?.. Ешь, что дают!

Леха уставился на меня безмолвно, а эта Манютка все накачивает:

— Не у каждого отец — профессор!..

— Не у каждого сын — дурак!

— Родителей не выбирают...

— А вот здесь я с тобой не согласен... Приходит время, когда их все-таки *выбирают*. Правда — не все они об этом догадываются.

— Чушь несешь, Кузнецов!

Как и все слабовидящие, она сейчас «уши натягивала на подбородок», задирала голову — чтобы поймать не *картинку*, а — *звук*.

Лехе стало неудобно: он пытался опереться на спинку, но и там его ждали нежные пальцы ангела. Он был сейчас — один. И я не собирался добивать своего друга.

Его папаша оказался умней. «Сейчас, сейчас...», — забормотал он. Глянул безнадежно на руки, постучал «клевнями» по столу — и полез под стол рыться. Из-под стола он выгреб уже знакомую мне упаковку с пластиковой скобой для переноски.

— Доро, доро... — Заверещала Манютка, отталкивая коляску от стола (чтобы Леха узрел сразу и дарителя и даруемое). Она даже легонько (*любяще?*..) шлепнула его по затылку: «Вот кто говорил, что подарка не будет, а?».

Я аж перекосялся, чтобы прочитать сбоку большие буквы... Потом меня стало колбасить от истерического веселья:

— Ну ты гусь с метлой! — Давился я пустым смехом. — Гора родила мышь: мопед родил самокат... Умора!.. Самокат — для «самоката»... Теперь точно: «утопись!..»

Леха поймал мою мысль: «мопед родил самокат...» И, главное — ОТКУДА мне это известно. Он отшвырнул подарок... Взгляд его стал бешеный.

Длинной ручищей (вот пригодилась!..) он зацепил мое колесо. И СКАЗАЛ. И — хоть разговор шел на придыхании, его *муза* все слышала. И гордо положила руку ему на плечо. Но Леха ее тут же сбросил: ему не нужна была защита!

— Всю жизнь мечтал о самокате, — ответил он напряженно. — Мы же вместе мечтали, да?

Она с готовностью кивнула.

Два сапога — пара. Семейная... Как там, в ЛОГО-ХАУЗЕ. Туда вам и дорога, ребята.

— Вот и покатайтесь... — Нежно поощрил я. — «Слепая не видит, что зрячий — без ног!». Это — из восточной поэзии... А вообще, как говорил незабвенный Савраска: «главное, ребята, верить себе — а не сопернику на вашей дистанции!..»

(Вот после этой исторической фразы я и *проиграл* майские гонки.)

Но Леха-то ведь *понял*, что именно я сказал.

Не знаю — поняла ли его муза, но она вдруг быстро нагнулась и — хрясть меня по щеке!

— Стой! — Приказал ей Шампур. — Замри!..

Его руки собирались в кулаки: он с них глаз не сводил. Но обращался — ко мне.

— Ты унизил меня... Ты унизил меня дважды...

— Трижды! — Поправил я.

— Ты знал, где мой отец. Ты все знал про моего отца, так?

— И что за беда? В чем здесь — «унижение»?

— Ты унизил меня тем, что считал — будто такой батя мне не нужен...

— А — нужен?

— И еще ты унизил меня тем, что оскорбил Анжелу... Она — слабовидящая, а не — слабослышащая... Я имею в виду: «Слепая не видит...». Правильно она тебе врезала. Но — мало...

— Тогда — разбегаемся... По коням?

— Нет. — Он замотал головой. Кулаки его слились в один, но я каким-то чутьем знал, что не для меня эта угроза.

— Я тебе скажу: напоследок. То, что Анжела тебя хлопнула — это не беда... бывший братуха, совсем не беда. Самую большую плюху я получил, когда ты в мае «пропустил» меня к финишу... Ты очень тогда гордился собой, правда? Это — и есть *третье* унижение, так?

Я передернул плечами. Все так... Но не я же сейчас начал?

А Леха как-то невероятно грустно — добавил:

— Ты думал: тренер — дурак? Да он сразу просек... Сказал, что ты это сделал не для меня, а для — себя... А еще он знаешь что сказал? Что ты — из тех, кто *хочет сам себя обойти на дистанции*. Понял, *герой*?

А я просто сидел и ждал, пока они свалят отсюда всей своей счастливой воссоединенной семьей... Они врывались в меня, в уши, в сознание — эти хозяйские интонации Лехи Шмпурова:

— Домой, батя, домой... Мамка твоя заждались... Знаешь, как по-гречески будет «пальто»? Не поверишь... Так и будет: пальто!. А знаешь, что по-гречески означает «дом»?

Что по-гречески означает «дом», я не узнал. (Собственно: и по-русски то же.)

...Тогда (сразу после пощечины) он спросил: «Знаешь, кто ты?..»

Я тогда не ответил.

А я — паук-серебрянка. Я живу в подводном колоколе (о котором мечтал еще Да Винчи). Здесь я караулю пищу: интриги, пересуды, случайные тайны... Я стал тяжел для себя. У меня осталась последняя паутинка. А потом я гордо, как «Варяг» — пойду на дно... Или — всплыву; не на радость, нет. Не надейтесь...

На пандусе меня захватили в плен: старушки требовали «мексиканских» страстей об афронте городского попечителя на пирсе. Пока до них доходили только *мутные* новости... Я сказал, что был в ударе (в смысле: перенес солнечный удар...), и меня — пропустили к месту прописки.

Дома, к удивлению, встретил Машку. Она уже скинула широченные кабацкие юбки и, как всегда (после подобных историй) — торопилась спасти Катьку. И мутер, если повезет.

Еще я узнал, что Буцай «отомстил» за шефа: за деньги (!) он ловил в грязевой ванне всех, кто полюбил этот джампинг. А потом его загнали на яхту... А Дядя Худай (Нептун) —

потерял свой трезубец; долго искали... Потом этот трезубец видели у Дикуси: на нем он развесил стихи и расценки.

И еще новость: теперь у Дикуси — голубь. Святая птица.

И еще новость... А-а-а, добрый вечер, Ромео Гипсопулетти!

...И они так сладко начали ругаться, черти, что я им наглухо позавидовал. Он ей что-то про «четвертый фонтан», она ему — про «несчастную Кэтрин»; а он ей — про что-то потайное, а она — про фальшивую жемчужину из набора «византийских императоров»...И все это — на радость «педсовету»!..

Тогда она его — выгонять!

А он ее тогда — обнимать...

Будьте счастливы, дети! В своей комнате — танцуйте и доругивайтесь!

И я раскрыл дверцы шкафа...

Реквием по герою

И я раскрыл дверцы шкафа — и выпустил пленника на свободу.

Он стал ходить по моей руке (красавец! ноги — как ажурные опоры моста; изумрудные крылья — сюртучком; усики вздернуты гордо и бескомпромиссно...)

Духота в доме — духота в душе. Дядя Жора, друг детей — ты так и не сделал у нас прохладу... Что остается?

Подъехать к окну, распахнуть рамы... Старушки притихли: в ожидании следующей серии. Ага, вот... Опять кота ищут. В дупло загляните: дамы-сыщики.

Патока жары затопила и детскую площадку, но качели — *движутся*... Еле-еле. Или кто-то раскачал из жильцов — или охрана стала невидимой...

Шелест ветра. Гомон с лавки. И кто-то — маленький, серьезный — топчется на моем плече. Иногда не нужно *видеть* и *слышать*, достаточно просто *знать*, что рядом с твоим плечом — есть еще одно: пусть даже совсем крохотное. Зато — надежное (это — не категория величины; это ирония памяти).

Есть память сердца, память души и еще: память не прожитой жизни. Чужой жизни (когда-то написанной и *прожитой* миллионами поклонников). И есть *герой*, зовущий в свою ловушку. Еще один паук-серебрянка.

...И вот комнату мою качнуло: раз, другой и (самый настырный) — третий.

Я стремительно летел и падал: по лучу, по параболе, по бестолковой, придуманной наугад судьбе.

И вот, вот он Я. Почти незнакомый детеныш — и живу, представьте! у самого подножия чужой горы (и с двумя Родителями — в придачу!). Родитель№ 2 — просто человек выше меня. А Родитель№ 1 — и рожать не думала (от бедности так получилось). Зато с самого голодного младенчества я уже знал, как тянуть на себя семейные вожжи.

...А еще я умел раздвигать колосья. Грызть сухие зерна — и бродить там, где никто не жил, кроме мышат, ящериц и слабовидящих кротов.

Сегодня Родитель№ 1 заявила, что — если мне не нравится, как мы живем, — я могу уйти сразу на все четыре стороны. И я выбрал ту, что начиналась по краю узкой дорожки и вела, по слухам, на самую крышу Мира. На голый утес. А еще мне крикнули вослед, что я могу не возвращаться к обеду, ну — и чтоб не плутал до полной луны.

И я шел, сначала один. Потом кто-то напуганный задышал сзади...

Потом мы встретили таких же маленьких и голодных, идущих ОТТУДА.

Их руки волочились как весла, никогда не видевшие воды.

— Зачем вы вернулись? — Спросил я. — Разве там, на Горе, плохо?

— Нас вернули, — послышался плач. — Оказывается: мы еще не *созрели*.

— То, что созревается, то — уносится ветром...

— Нет-нет, — переглядывались они дружно и боязливо. — Нам еще рано. Нам не положено. Нас успели спасти от ошибок. Мы будем жить внизу: сеять рожь, смотреть на небо. А там, наверху, пусть живут ВЕЛИКАНЫ.

— ВЕЛИКАНЫ — выше взрослых?

— Мы их не видели. Но они — есть.

И я пошел дальше. А тот, кто дышал мне в спину, отстал и задумался. Вместо него из колосьев вышли трое: два мальчика моих размеров и с виду — тупоголовая девочка с пучком

колосьев. Будущая Родитель№ 1 — и она уже даже покрикивала!..

На привале она размахивала хворостиной:

— Чтобы понять, что такое *родители*, следует сначала сбежать из дома... Потому что *родители* — это такие большие дети, которые — в свое время! не захотели (или — поленились) сбежать от *своих* родителей...

И вот так мы шли до самой луны.

Но дошли только до обрыва.

И там — все попросту замирало. И шорох невзначай, и лунный колос, и скользнувшая по ноге мышь.

И мы встали перед этой необъятной колыбелью тишины и покоя. Мы думали: как идти? Всем сразу — или по одному?

А поскольку все молчали, то послали ее, девочку с хворостиной... Чтоб знала!

Но едва она аккуратно вступила на первую половицу темноты (и сразу же — провалилась), вдруг подул вселенский сквозняк и огромная, не соизмеримая с детским опытом ладонь, — подхватила нашу сестру из бездны — и вынесла туда, где был сделан *первый шаг*. И загрохотал вверху многогорлый ураган, а всех нас обдало мокрой пылью.

Не вышло ничего и у нас, мальчиков. Каждый раз сверху (хорошо им, Великанам!) стремительно надвигался и сгребал нас всех в одну кучу этот исполинский ковш — и швырял туда, откуда мы прибыли: в рожь. И сваливал, как мышат. А ведь мы были уже ЛЮДИ. Почти.

И тогда два посторонних мальчика решили вернуться.

— Это была ошибка. — Сознался один.

— Теперь мы знаем. — Вторил другой.

А девочка согласилась. Она добавила, жуя зерна, что эта ошибка останется с ними навсегда. Потому, что они ее никогда не исправят.

А потом мы сделали вот что. Мы сказали, что хотим попрощаться. И мы встали возле них караулом (слева и справа), девочка моргнула, и мы сбросили их с обрыва... Вместе! Дружно!.. И тогда из тьмы выскочила эта живая опрокинутая ладья и подхватила свою жертву. И тут мы посмотрели друг на друга, рассмеялись — и прыгнули в прорву, в неизвестность.

И были сначала крики и ужас; разброд и шатание. Мы цеплялись за ближние воздуха, вспахивали руками круговые пустые шары теплой ночи, кувыркались и падали — до изнеможения, но вдруг — не сразу! пришло чувство опоры...

И стали наши руки как крылья, а тела легко и со звоном унеслись прочь: от обрыва, от бездны (и снующей в ней растерянной длани с обкусанными заусенцами). Мы летели над Крышей Мира: обычный дом, треснувшая черепица.

— Я поняла, — шепнула девочка — птица. — Родители выпускают нас через двери. Но при этом всегда запирают окна. Они ждут нас там, где потеряли: на пороге. А мы — бьемся в форточки. Но они нас — не узнают.

...Мы подлетели к освещенному окну. Он спал, спаситель всех детей на свете, и обиженно причмокивал во сне: благодарность потомства там зашкаливала. А вокруг затевалась целая буря: били литавры, грохотали молнии, визжали неземные дудки и надрывались глотки пульсаров...

Потом я понял.

Когда ритмично и нагло включились знакомые барабаны, и низкий подземный голос

простуженно выкрикнул: «Хай-Тоба! Хай-Тоба...»

И вдруг запнулся.

— «Мы — идем...», подсказал я.

— МЫ ПРИШЛИ, — вздохнул он.

Анакорд (самый длинный кадр). С «башки» и начнем...

Меня перетряхнуло: как собаку после купания.

Желтый пустой квадрат окна медленно пульсировал, как по-садиistically затягивает к себе экран перед «вязами» и «пилами». Что-то я хотел сразу сказать, на чем-то настоять, от чего-то отречься... В чем-то поклясться!

Но вместо этого — вдруг моментально «просел» в своем кресле, ужаснулся до размеров «мальчика на колесах». Тэтти, дурачок, запрыгал по руке, заметался — и пропищал мне в самое ухо: «Спаси меня, царь Данька!..»

Вот и приплыли... Что это с ним?

Радоваться должен: земляки, сородичи...Этот, как его — «дым отечества». Вот.

Тут — схлопнулись и разошлись кулисами мои старенькие шторы.

И увидел я дивную картинку, снятую с бреющего полета. (Ну — вроде заставки к «Миру растений»). Там все цело и благоухало: призывно и ярко мельтешило, звенело, переливалось, перекликалось — и втягивало в *чужой мир*. И закончилась вся эта инсталляция раскидистым древом, полощущим в речушке зеленую гриву.

Я скорей почувствовал, чем увидел: мой насекомьш присмирел у меня на ладони!

Законый, закадровый голос: сухой, бесстрастный ...официальный.

— Тэтти-Гон, сто тридцать восьмой потомок ордена Длинноусых Кавалеров! Ты готов произнести «Хай-Тоба»? Ты помнишь, к чему это обязывает?

У меня засосало под ложечкой. На что тут намекают?.. (Прислали стажера за шляпой, выдали шляпу — а теперь еще и права качают?)

— Тэтти, это что за нахал?

— Это не «нахал», царь Данька. Это и есть наставник Хэм. Я думал, что он остался не Цветущем Лугу...

— Вообще-то, — зло перебил голос, — я мастер Хэм! И здесь я — давно... Еще целых двадцать восемь минут ты будешь считаться моим лучшим воспитанником. Погляди мне в *глаза*, чтобы я заглянул в твою душу.

Но Тэтти, как баран, уперся в мою ладонь своими усиками. Чего он так боится?

— Погляди мне в глаза!

И тогда мы взглянули вместе: не знаю, как там мой насекомец — но у меня перед очами замелькали, закружились все маски мира — и ухнули в детскую коробку (еще и сами прикрылись!).

Если я правильно испугался, это был хамелеон очень редкой (может даже — неизвестной у нас!) породы. Однако — общие признаки на лицо (или — на «морду»?): выпученные, сходу все обшнырявшие — глазищи; горбатая пасть (считай — на полкомнаты всунулась!) и все это в чудовищных наростах и выростах... И как пробивает взором, не доплыть мне до финиша!

(Я бы купил такой взгляд, — если бы их *продавали*.)

И вдруг на глазах эта *морда* стала рассыпаться на пиксели...Пиксели (словно им дал пинок хороший программист!) — реформировались, трансформировались, подтянулись, завертелились, подравнялись — и воплощались в охренительно-знакомую черную морду!..

— Это же — Дасэр! — Закричал я. — Маленький шофер Большого Господина!.. Алло Дасэр!

Но тут (словно дразня!) изображение в окне расплылось, «прокисло» на миг — и явило уже другое лицо: и этого я узнал! Шкет на самокате (все под ногами крутился...); и еще — опять Дасэр: в роли спасителя неудачного верхолаза... «Тэтти! Помнишь, кто тебя забросил в хату, в спичечном коробке?..»

Но Тэтти — замер. Он — оцепенел. Он даже усиками антенн «молчал».

И ничем не среагировал на последний аккорд: привет, злобная макака, укравшая у нас замечательное Стекло!.. Он только вздохнул — горестно: «Но почему, почему я — не сразу догадался?..»

— Потому, что еще двадцать пять с половиной минут — я ТВОЙ наставник, а не наоборот! — Сказал мастер Хэм. — И я несу за тебя ответственность.

Он сделал едва уловимое движение — и сразу по флангам у него выросли мои бравые ребята-охранники. А еще через миг оба телохранителя превратились в то, чем были на самом деле: в двух застывших в почтении богомоллов. Их локти сейчас торчали парой острых мачете. Мне это не понравилось...

Один из них швырнул мне на колени Увеличительное Стекло. Я понял, и тут же переложил его ближе к питомцу мастера Хэма.

И вот он уже встал во весь свой великолепный рост (где ты, Машка? Как вы поживаете, наш незабвенный дядя Жора?.. Разрешите — я представлю вас моему другу... Да-да, с другой планеты... А что здесь такого?).

А еще и мастер Хэм добавил с затаенной грустью:

— Возьми, Тэтти-Гон. Пока не разжалован — имеешь право носить! — И невесть откуда всплывшая «сократка» (гордость Верховного Воспитателя!) — мягко и уверенно переселилась на лысую Гошкину голову, осторожно прищемив усики.

— Что ты скажешь в свою защиту, сто тридцать восьмой потомок славного ордена?

Тэтти отчего-то замешкался. А я ничего не понимал. Тэтти — уже подозреваемый?.. В чем?

— Названный брат (тут он почему-то испуганно глянул на меня)... Чоко Мутаку сам произнес братскую формулу. САМ. Свидетели — благородные хранители саркофага!

— Да ну? — Вдруг оживился наставник. — Вот беда-то... А я думал, что воспитал честного Главного Петиметра... — Странная усмешка скользнула по его горбатой морде. — Теперь вижу, что история с колумбийским претендентом на высокий пост — ничему тебя не научила!

— Чоко погиб сам! — Рванулся Тэтти в сторону обвинителя. — Он победил меня на канате... И я танцевал его победу! Вы против традиций, наставник?

Взор хамелеона был неуступчив:

— Ты закрутил смертельную спираль вокруг победителя; ты намеренно сбросил его, хитрый соискатель «разгильдяйки»! Я — обвиняю тебя. Я — твой... несчастный наставник.

— Откуда я знал... — Пытался сопротивляться Тэтти, но в дрожащем его голосе уверенности не было.

— Ты прекрасно все знал! — Оборвал его мастер. — Сказки и легенды — это для него! (Он мотнул мордой в мою сторону). Скажи, человек, каково быть обманутым на Земле?

А я подумал, что они — заноятся. Ну, сделал кандидат одну ошибку... а кто их не делает, скажите? За что же теперь так сурово наказывать?

Они молчали... Я сначала не врубился, а потом — дозрел! Все, что умеет ученик, давно пройдено его учителем... Они СЛЫШАТ меня, когда я молчу. Они СЛЫШАТ меня, когда я

думаю. Да, нелегко у них там... А я еще лез в помощники!

— Тэтти-Гон! — Вдруг сказал мастер Хэм с какой-то, скребущей душу, лаской. — Ты был мой любимый ученик... Я думал, что знаю тебя.

— И я думал, что, что наставник меня никогда не бросит, не выдаст, не предаст...

— Не я предал тебя, Тэтти-Гон, мой маленький Гонша! — Проскрипел претор Хэм с убийственной нежностью. Видимо, это было так необычно, что даже близнецы-богомолы одновременно уставились на него.

— Тэтти-Гон, сто тридцать восьмой кавалер! — Торжественно объявил наставник. — Ты САМ исправишь свои ошибки?

Меня просто физически прошибло!..

Только на один миг я стал огромным (и половозрелым с виду!) растерянным и брошенным всеми чуваком на чужой планете; и мне захотелось провалиться, прорыться, прогрызться — сквозь нашу квартиру, сквозь цоколь и пандус, сквозь все катакомбы и — какой он там ни есть, диаметр Земли!.. Вылезть с ее другого бока (что там, Южная Америка?) — и попросить политического убежища.

Это страшное слово: ОШИБКИ.

(Что же ты еще там натворил, «страшный» зеленый маньяк?..)

Прямо на глазах он съежился, усох, истончился — и уже был готов в коллекцию дядьки Мотыля!

А он вдруг — паршивец! наставил на меня все свои руконожки — и объявил!

— Человек сам виноват, наставник. Он — СМЕЯЛСЯ. А традиции нашего рода...

Я уже совсем ничего не понимал.

— Ты действительно смеялся — тогда, во время урагана? Почему ты смеялся? — И этот наставник в черепашьей броне выдвинулся из распахнутого окна вовнутрь... Впрочем, нет. Просто он так вытянул свою шею... Ну — чисто варан коммодский!

— Я — смеялся?!

— Ты — смеялся, — обреченно подтвердил Тэтти.

— Когда нам весело — мы всегда смеемся... — Пояснил я на всякий случай.

— А когда страшно? — Уточнил мастер Хэм. — Когда ты сам находишься прямо в эпицентре смерча?..

— Да нет. В эпицентре — точно! не смешно. Я — знаю...

Наставник Хэм важно кивнул, соглашаясь.

— Запись! — Приказал он. А сам «переехал» в правый нижний угол рамы и стал похож на диктора новостей. И голосом «диктора» объявил: «Файл № 8. Извлечение из памяти: пострадавшего аборигена; сестры пострадавшего аборигена; родителей, замешанных в рождении пострадавшего аборигена и лица неустановленной профессии, сообщившего о конце века электричества.»

Я было дернулся. Но рядом со мной вдруг вырос один богомол, а возле поникшего Тэтти — второй. И тот и другой упреждающе выставили поперек свои острые «локты». И это *живое мачете* прямо-таки втиснуло меня в спинку коляски.

Я — зашептал:

— Беспредел, Тэтти! И в Машкины мозги забрались... Какое право они имеют...

Но почти сразу я заткнулся!

Да меня никто и не слушал... Даже «названный брат». Даже это зеленое чучело, пытавшееся придать себе независимый вид... Мне не понравилось, как он глядел запись файла № 8. Вид у него при этом был *брезгливый*, а усики колыхались по бокам головы, как ослиные уши. (По их понятиям — это означало «фальшь» и «клевету».)

...А там, на оконном экране, мелькали, всплывали и тасовались никому пока не интересные Машкины события... Вот Родитель № 2 (тогда еще — не активная африканская путешественница) глумится, больно стискивая волосы на ее темени: цепляет бант к очередному Новому Году; вот Машка — сама хороша птица! тайком, чтоб никто не видел,

проникает на кухню, а там — спиной к ней, стоит дядя Жора, наш общий «обжора». Трескает наши пирожки...так, быстрая перемотка... Ага, собираемся на пляж. Я всем мешаюсь, натываюсь на чьи-то ноги, я — ХОЖУ...И вот мы — на песке. Кто-то напяливает на меня чепчик, тот самый — с веселыми бегемотиками. Я реву от обиды, ползу к воде... Дядя Жора (что-то жуёт, довольный...) раскладывает «дастархан», вскрывает емкости, шуршит кулечками...Папахен приносит мокрую Машку. Вот они собираются что-то ловить, берут удочки...Я волокусь вслед за ними со своей походной коляской.

А вот — и первые признаки переполоха: суматоха, ветер... — откуда такой ураганный ветер? Народ скачет вокруг «летающего добра». Сестра запикивает меня в коляску, тревожно оглядывается: волосы — дыбом! Она что-то кричит (но прошлое у нее — без звуков).

И чужие люди кричат, только разевая рты... Туча идет от маяка. Даже не туча — а *живое* исполинское «веретено»...Все сметается в кучу: полотенца, пакеты, пляжные зонты, газеты, надувные игрушки...Старый дед — выпукло, на весь экран и губы трясутся: «Конец света...Конец света...»

А «света», как раз, очень много...Много бликов, много лиц — и Машка бежит дальше: волочет меня — как пупса! на привязи... Шквал!.. Песок, убегающий на глазах: и я, вместе с песком втекающий в огромную жадную прорву... И вот: я *лечу*. Меня вращает в разные стороны. Внизу *смешно* ковыляет Машка, хватается за парня в пилотке — и тот даже подпрыгивает, пытаясь зацепить рукой мое колесо... Меня швыряет и мотает, а потом — медленно кружит: и, глядя на всю эту кутерьму внизу, я *действительно* начинаю смеяться: люди-букашки, несомые ветром — как это может быть не смешно?

Но воздух кончается.; а внизу — причал...Вот и наш дядя Жора: сгруппировался, обнял опору и обвился внизу змейкой...Держится! Еще вижу, как бестолково отгребая воздух, бегут — отталкиваясь друг от друга, мои тогда еще просто перепуганные насмерть мама и папа...

А Машка — штурмует причал, рядом — пацаны (вот им — всегда весело!), что-то ей кричат, по-моему, матерное... Какой-то высокий мужик хочет остановить, но Машка гусеницей проползает между его ногами. Вскрикивает — несется туда, где в конце причала качается огромная кудлатая голова смерча...Шарахается: мимо пролетает коляска. Я вижу только спину, согнутую — как у бывшего гонщика. Но коляска — инвалидная. Когда все несутся от моря, этот полоумный инвалид летит прямо в конец пирса...Самоубийца?

Знакомые седые космы, закрывающие грудь. Шеи — нет, «медвежьи» плечи, над которыми не потешался только ленивый... И — взгляд *фанатика*! И вот он, этот косой кадр, оборванный, изжеванный — на излете... «Ведьма» на коляске почти парит в воздухе: прямо под раструбом «веретена», исторгающего в море свою добычу...

Опять — глазами Машки.

Ей промывают колено: больше всех суется дядя Жора. Лекарств никто не брал (а что: целая семья медиков!), ногу промывают соленой водой... Видны руки Машки, пятилетние детские руки (дядя Жора свирепо хватает их за запястья)...По берегу (рвано: клочьями, обрывками, мерцающими кусками...)бродят люди, много людей — имущество которых съел ураган; вот и старик из небытия возник со своим хэштегом: «Конец света...Конец света...».

На периферии кадра — знаком, как утренний гимн, толпа советчиков: кричат, машут руками (да-да, тогда размахивали руками, а — не айфонами; а поскольку руки были *свободными от вещей*, — ими, не поверите! еще и помогали...) На песке сидит грузная тетка с еще не поседевшими волосами; тетка без устали, методично трясет безжизненную куклу на своих коленях...Толпа передает ей бутылку воды, и она льет ее на лицо *маленького злого*

циника (таким оно вскоре и будет).

И экран погас.

И все в этом мире погасло для меня. Остался только этот гиблый проем в прошлое. Лучше бы я его не видел!

— Тэтти-Гон, сто тридцать восьмой потомок: вы ЭТО называете «мальчик сам смеялся»? Где вы тут увидели «радость победы, триумф преодоления», дающие — по нашему красивому обычаю, право поддержать Танцем Победы любую особь, одолевшую стихию?.. Скажи мне, любимый ученик, чем там было восхищаться, — если речь шла всего-навсего о двуглазом, двуногом, бескрылом *нимфанте*, совершенно беспомощном, которого твоя глупая стая — из-за своих лихачеств! забросила в ОКО ТРОМБА...

— Но формально — я прав? Он же — смеялся, да?.. — Сейчас Тэтти хотел взять и сообщники даже карауливших его братцев-богомолов (глядел на них — заискивающе).

— И это я слышу от Верховного Воспитателя?

Морда ящера клацнула, а неподвижная до этого лапа — вздрогнула. (Я как-то нутром понял, что пакости еще будут.)

— А скажи «Тэтти-Гон, Всегда Чемпион!», я правильно назвал твой почтовый девиз? Скажи мне: куда потом подевалась стая твоих... *короткоусых соучастников*, ну тех, с пикника на Заозерном? Мы знаем, что они — не вернулись к своим лежкам. Нам не жалко *саранчу*. Мы просто хотим услышать.

— Я думал, что об этом — все знают... — Замялся Тэтти. — Я хотел перевоспитать их... даже получил «добро» на этот эксперимент... Нигде так не проявляются особи, как в общем деле, я прав?

— Ближе к событию!

Тэтти торопливо закивал, сорвал с башки свою «разгильдяйку» и усики — антенны тут же, опережая мысль, выстроились в некую (безусловно: *скорбную*) надгробную композицию...

— Низкий потолок плета... Гигантская волна съела их...на обратном пути.! — Воскликнул он (с удивительно честной горечью). — Я до сих пор скорблю, наставник! Пусть — и не совсем нашего племени...

— Смотри, Тэтти-Гон... — Рассеянно промолвил мастер Хэм. — Как у тебя все получается... И Чоко Тумаку погиб — очень даже к месту! И стая этих твоих недовоспитанных короткоусых удачно потонула... И своего — так называемого «названного братца», ты лихо окрутил «ложной клятвой»...

«Ну — скажи им, насекомьш...», умолял я, начиная ненавидеть их всех. «Отвечай этой образине в окошке, что все это — не может быть правдой... Ну?!»

Но он молчал. Просто стоял и молчал, закатив свои дурные огромные глазищи. Потом как-то неуверенно захлопал крыльями (взлететь собрался, что ли?).

И — выдавил:

— Я — сожалею... — Выдавил из себя сто тридцать восьмой подонок. — Но я — все-равно прав: землянин смеялся!.. Чоко Мотаку оступился... Мои поднадзорные колонисты погибли сами...

— Довольно! — Хлопнул пастью разгневанный наставник. — Ты нам еще расскажи, как он САМ произнес «братскую формулу» и, тем самым, формально *простил* тебя — не

понимая, что творит. Теперь, конечно, ты неподсуден: самая страшная моя неудача!..

— Да... — Забормотал Тэтти, зачем-то озираясь. — Он САМ сказал: «Мои крылья — твои крылья!», разве не так? У меня есть свидетели: и жук-Олень, и Скарабей и великий нап Голиаф. По закону — никто не может *вернуть* его слова... Это — мой пропуск. Мой литер на палубу крейсера. Моя гарантия, мастер Хэм!

Вот теперь я начал что-то просекать...

Как-то Гоша мне сам сказал: самый справедливый принцип на их планете — «адекватное возмещение». Ты — отдаешь лучшее, что есть у тебя; а другой трансформирует твой ДАР к своим нуждам. К примеру — ты глухонемой от рождения. Значит — все самочки побоку (их же *убалтывать* надо!). А я, скажем — чемпион по прыжкам в высоту!.. Мы становимся названными братьями по обряду — и мое «чемпионство» персонифицируется в подходящий для тебя голос. Это и есть Великий Закон Замещения. «Хай-Тоба».

Подвох в том, что я САМ передал ему *право*, мое единственно законное право на *возмещение* по принципу: «самое ценное — за самое ценное».

А что у этого подлеца — самое ценное?

Я вспомнил, как он яростно доказывал мне превосходство *летающих* над *прямоходящими*.

КРЫЛЬЯ.

Вот и все, царь Данька!

Царствуй с этим, низложенный монарх!..

Пауза была просто невыносима; я не понимал, что *упустил*... Было ясно одно: этот гад полетит к своей вербе и будет воспитывать подрастающее поколение в духе любви и дружбы.

Тяжелые веки наставника Хэма дрогнули, и голова его вдруг оказалась в бледном круге луны.

— Я сделал все, что мог. — Сказал он. — Пора!

И окно опустело. В ту же секунду — опустела и комната.

Я тронул колеса... С подоконника было хорошо видно, как все они — дети чужой планеты, выстроились у подножия широкой, ведущей в небеса лестницы. Там, наверху, молча и грозно вспыхивали бортовые шары. Лестница упиралась в самый яркий из них.

Честно, ЛЮ-Ю-ДИ, я не понял: зачем тут вообще эта громоздкая лестница (при их-то умении все обдeldывать гораздо изящнее...).

Одинокo стоявший Тэтти — тот понял.

Я не видел его глаз, но ощутил всеми фибрами — как он боится первой ступеньки.

Я видел его сутулую спину, жалкие фалды его перепончатых крыльев... Нет, он не был похож на победителя! Скорей — на того маленького заморыша с перебитой среднегрудной лапой, который пищит мне в ухо о своей бабушке и любимом лопухе у воды. Или вот еще: мы сидим с ним тихо: он щекочет меня в ухо, я смеюсь — а потом подымаю его на ладони на уровень глаз... Да! Может он — и не самый лучший во Вселенной (да и «жук» еще тот!), но (молчите, ЛЮ-Ю-ДИ, молчите!), у каждого из нас есть в душе — одна такая маленькая запертая дверца... Которую открывает только полночь. В сущности: я *совсем не лучше его*. А если кто-то лучше знает мое сердце — пусть первый бросит в меня комментарием!

Я уцепился за подоконник (мою несбывшуюся мечту в космос). Мои огромные «ласты» мешали мне, но я втащился, вкатился, втянулся на этот чертов помост.

— Стойте! — Закричал я. — Стойте, не трогайте его...

Они были уже на половине лестницы: стражи по краям — «воспитун» в центре (и в

своей дурацкой шляпе). Наставник заключал процессию.

— Погодите... — Понес я какую-то дичь... — Куда вы его тащите? Бросьте его...

Оставьте его на Земле, и он станет — таким же, как все люди!.. Вы его — не узнаете...

— Вот этого я и опасаюсь, — пробурчал мастер Хэм.

Он толкнул пленного в спину.

— Ты хочешь остаться?

— Нет! — Колыхнулись крылья.

Я так перевесился из-за окна, что чуть — не выпал:

— Гошка, хорошо слышишь? Я еще не вырвал твои усы, я еще не набил твою лживую морду...Вернись, *сколопендра!*

Он вздрогнул...Я видел: он вздрогнул, непутевый мой насекомьш! Всего лишь на миг он обернулся, а в ушах моих зазвенело: «Хай-Тоба, Данька... *Возьми мои крылья...*»

Тяжело, как инвалид, он переступил на следующую ступень...И, чем выше он поднимался, тем короче и нерешительнее были его шаги...Я не уловил момента; я вдруг увидел, что вот он стоит вверху на лестнице — странный, потерянный, и свет от кораблей делает его почти *голым*. И жутко беззащитным.

И еще я увидел, что мастер Хэм облегченно вздохнул:

— Осталась последняя *золотая минута*... Прощайтесь!

— Гошка, — завопил я. — Адрес, мой адрес... Запоминай!

Млечный путь. «Меня не забудь!»

Солнечная система.

Третья планета от Солнца,

Полуостров — за синей далью;

Второе окно от моря —

Вислоухому брату Даньке!

— Ты запомнил, ты все запомнил?..

(Я только представил лицо бабы Зины с подобным адресом...)

Он растерянно кивнул. Его роскошных перепончатых крыльев не было: он стал «колумбийцем». И сам не мог поверить, все топтался, озираясь и усиками ощупывал оголившееся место.

— Прими от него подарок! — Вмешался наставник.

Из пасти его стремительно вылетело узкое, светящееся в сумерках жало (привычное на лету бить комаров), единым махом это лассо снесло «сократку» с башки его подопечного — и швырнуло в мою сторону. Шляпа упала на скамью под липой.

— Возьми ее! — Приказал наставник.

— Взять?..

Но тут взгляд мой переместился на ноги. Это были *чужие ноги*: длиннее моих, острые, голенастые, сильно худые... Я задел раму и, не *чуя* толком странных конечностей, — забился, забарахтался в воздухе — и ударился коленями в бетонную площадку.

А потом я поднялся.

Стоял, уцепившись за «гуляющую» раму — как в детстве за Машкину юбку.

До лавки было всего ничего (если не идти к ней всю жизнь).

И я *пошел*, опираясь только на воздух.

И когда получил свой подарок — мир стал другой.

Великий, горький, опустошенный...

ВЗРОСЛЫЙ.

1. Побег

До утра я «подгонял» под себя *свои чужие ноги*: нервные какие-то, жилистые, прыгучие и усмерть. До самого рассвета они «жили» своим умом, словно издеваясь за мою корявость и неуклюжесть... **НОГИ** сделали меня выше на **ГОЛОВУ**.

Уже грозный великан, я боялся сделать даже маленький шаг. Особенно опасно было нагибать корпус: ахиллесово сухожилие (почешите щиколотку!) воспринимало это как приказ «оттолкнуться, поджав в прыжке колени...»).

Вот теперь я поверил, что у каждого зеленого «скакуна» — на одну сотню мускулов больше, чем у меня (представителя титульной расы).

Сколько я *расписал* ссадин и синяков, словно всю ночь сражался с Кирюшей и его компанией. Или — слегка победил в схватке с многоглавым и многолапым чудищем.

Хотя одно «чудище» было: Челюскин, привыкший видеть меня в раме окна, даже вытаращился от изумления... Привык, тобы его за леопарда держали!.. Ну так я допрыгнул и до него (и даже гавкнул в пушистую морду!) и он умылся в свое дупло. Не будет теперь чинно восседающего «мальчика на колесах»...

К раннему утру я «приручил» свои **ЛАСТЫ**.

Можно сказать: усыновил.

Лежа на любимом диване (следует, кстати, сказать **ИМ**, чтоб купили подлиннее...), я с удовольствием осознал всю исконную правоту ежевечерних сборищ-консультаций у нас во дворе: когда «ноги *гудят*» и «суставы *ломит*» и «косточки *верещат*»... Просто — прелесть! Я стал разглядывать свои ходули — с нежностью. Ну и фиг с ним, что зеленого цвета и совсем не новые (даже чужая татушка сохранилась...). Да и худоваты до неприличия... Пусть ортопед сходит с ума.

До кухни (где хранилась аптечка) я решил добраться *обычным способом*.

Да, в коляске...

Да, мазохист!..

В кресле мои *новые* колени торчали вызывающе: напротив лица. Я выехал в коридор (впервые за столько лет испытать *неудобство от езды!*..) и прочитал записку напротив: Машка сообщила, что останется ночевать у «бестолковых Миллеров», но к приезду родителей завтра будет дома.

А «завтра» уже наступило. Кухня издевалась немыслимой чистотой (первый признак окончания веселой жизни!..) Я сгреб аптечку — и через мучительных полчаса уже выглядел, как боец после сражения. Потом я задремал — и проснулся в ужасе: снилось, что Гренадер тащит меня к воде, и мои пятки оставляют на песке «крокодиловый след».

Дом давно ожил: мой «женский батальон» готовился к встрече «заморских гостей»... Шаркали пожилые тетки, выползла из ночной спячки Мелания Сидоровна; вылетел пулей Тристан (выгул для него — всегда праздник!); проковыляла Петькина хозяйка — привычно, от порога, уже жалуясь и на жильца и на собаку. Села — и успокоилась: день обещал быть прибыльным на новости.

А вот и баба Зина (с газетой подмышкой). Пришла, поздоровалась «с девочками» и стала выжидать момента, чтобы сообщить, где в мире плохо обезьянам, отчего массово вымирают канадские еноты...

Сегодня, впрочем, ее не торопят с рассказами: вся пялятся на мое распахнутое окно.

СОБЫТИЕ ВЕКА: родители из Африки! Какие там еноты...

Милые наивные старики: ждут, когда в окне появится моя счастливая рожа...

И вдруг, как по команде, весь «педсовет» разворачивается в сторону детской площадки.

Урра!.. Приехали...

Такси из аэропорта (а Машки — нет... Это — скандал!)

Зато есть дядька Мотыль. В своей энтомологической светлой панаме, с покуда неприметным сачком (он задает им ритм, как тамбур-мажор). Он так счастлив, что мне даже стыдно.

Оживились и старушки: грядет ответственный миг, надо приветствовать, поздравлять с прилетом, не забыть спросить — какая погода в тамошних местах: «То же, поди, жарко, да?..». И все, ВСЕ растерянно смотрят на наши пустые окна, бунтующие в одиночестве шторы...

Минут пять я — еще законный хозяин *своей* комнаты. Время пошло...

В три прыжка я перемещаюсь на кухню (и на сантиметр отодвигаю занавеску).

Вот ОНИ. Вперед и — водитель с чемоданом, баулом — и пестрым перекидным мешком в придачу (... не забыть подарить дяде Худаю!).

Следом — Профессор... Ступает тяжело. Останавливается (а глаза уже шарят по знакомым окошечкам). И он делает вид, что безумно рад *встрече* с любимыми соседями. Придерживает ногой портфель... Отдыхает.

Фактическая глава семьи: Родитель № 1. В чем-то пестром, ярком (сразу видно: *африканское*...), немислимый тюрбан на голове... Руки теребят сумочку. Ну да, она же будет расплачиваться... («*расплачиваться*» — какое странное слово!..)

Она победно оглядывает площадку. (Я бы не удивился, если бы и полковой марш загремел!..) А что? У нее же — постоянно: то — смотри, то — осмотри... Внутриклеточно, нанофизически я уже ощущаю, как она деловито *базируется* в стенах бывшей моей комнаты ...и как потом, распихивая чужие фантазии, — осваивается в мыслях своих детей... Фигушки вам, тетя!

...Я все забрал отсюда? Да, не забыть ВОТ ЭТО. И я сунул ВОТ ЭТО в карман.

Нет у меня на сегодня ни Родителей, ни телефонов, ни родных стен!..

Это в прошлом веке: «счастье — когда тебя *понимают*». Настоящее счастье — когда не лезут в душу, чтобы *понять*. ДУША — это сокровенно: это и есть истинная, в реале, матрица человека, недоступная для распечаток посторонним. Счастье по сути — то, что не надо выдумывать; оно, счастье, всегда в прошлом: по результату.

Постучали в дверь... чудаки!

Я разбежался и, взяв «космический» барьер — приземлился на площадке.

Вот она, ваша лестница... Дюжина унизительных ступенек.

Два...нет! три хороших прыжка и — и я на свободе!

(Представляю: что сейчас творится на лавочке!..)

Меня встретил город, пресытившийся зрелищ... К вечеру — оживет, опять двинется в загул. Сезон не кончился!..

В доме Миллеров — распахнуто, разворовано чужим глазом то, что таилось на бургерский лад и прикрывалось азиатской традицией. Во дворе — у так и не доведенного до ума арыка, сидел, поджав ноги, дядя Худай; просветленный — он пил свой знаменитый чай из одного чайника, и рядом лежали полноценные два лепешки... В лице его был покой и созерцание (несмотря на шум за спиной от съезжающего гостя). Я и не стал мешать его

счастью.

На улице Дувановской кипел фонтан. Здесь еще продолжался карнавал: бродили две огромные куклы: Бэтмен и Спайдермен (неожиданно вспомнил бабу Зину: «Вот где наши *буратины* затерялись, прости господи...»). За фонтаном возвышались ходулисты: две как бы «византийские дамы». Смешно: прогульщиц заставляют отрабатывать, что ли?

Дама с *веером* шепталась (сверху!) с поклонником.

Дама без *веера* смотрела не меня озадаченно.

И тогда я достал ЭТО — и даже несколько раз щелкнул: открыл — закрыл, открыл — закрыл...

Она как-то странно пожала плечами: без коляски она меня не понимала.

Я взял барьер (бортик), разогнался по мокрым плитам, подпрыгнул — и на самый краткий миг оказался с ней рядом: глаза в глаза... Я швырнул ей в лицо «пропажу» и едва успел приводниться. Прямо в чашу бассейна!

Выскочил мокрый, как лягуха — и, не слыша ора, помчался вниз по Дувановской.

Бежал скачками, как полоумный... Прилавочные старушки, частенько угощавшие меня: пирожком ли домашним, «фруктой» ли с собственных дач, — сейчас в испуге откидывались на спинки бульварных сидений...

— Глядите! У мальчика — зеленые ноги... Зеленые ноги!

— Совсем молодежь оборзела...

— Сколько зеленки перевел, да.

На бегу я выхватил у девочки надувной шар: алое сердце. (Я подарю его своей настоящей *крестнице* Седой Даме...)

На пушку возле краеведческого музея я запрыгнул уже без энтузиазма. Просто в тестовом режиме. И, свернув, погнал по Набережной: народ здесь бывалый, чего только не видал...

А вот и пирс: вчерашнее мое позорище.

«Мечта Мазая» — у причала; самого Белого Господина не видно, но *слуг* — достаточно. Все вокруг — полуразобрано, полураскидано; одуревший Буцай (без пиратских прибабасов) оступело сидит на размалеванном сундуке (с совсем не декоративной «бутылкой рому») и меланхолично следит, как работяги скатывают сдутый бассейн, очищенный из-под итальянской «экологической» грязи.

Зацепившись о разорванную ветром афишу, забоксировал под дых неведомому врагу — и свалился почти сверху на менеджера Жоржа и фрау Миллер (богиню без ларца). Яростно и тихо они продолжали вечное, как мир, сражение: он настаивал на правах молодости, она пеняла ему за «ужасную ночь»... Мне она бросила нелогичную фразу: «Ваша сестра где-то здесь, джигит. Не ищите ее...»

И тут же — оба! они просто *окаменели*, зацепившись взглядом за мои дивные «ласты». И я гордо прошел дальше.

Я прошел мимо Мальчика-с-Гирей (и, наконец-то, сделал то, что делают все курортники: потискал чугунную гирю — и успокоился).

Возле Графини О., как всегда, пустовато... В кресле для клиентов, деликатно отвернув морду, восседала ее любимица: дворняжка Дуся. Тихо сидела, не жалуясь на духоту, дороговизну, падение нравов и затекшую спину.

— Ты — повзрослел, — сообщила Графиня О., глянув на меня мельком.

— Просто я — вырос.

Она передала мне фотки.

Она мне сказала:

— Дикую — опять без напарника. Зато — с крышей. «Я — Овидий... Я видел то, что и вы не видели!..». Забрался в свою *раковину*... А почему ты — босой?

...Умница!

Я странным образом вывернул колено: «Не знаете, что это?»

— Мухоловка... Временное тату?

(Надо будет глянуть в инете: что там такое — «мухоловка»?)

И зачем я свернул на эту тропу? Темные аллеи; лавки — не то выросшие, не то вросшие в глухую почву.

Я вышел на каменистый берег. Волны, валуны. Валуны, волны... Беспокойные чайки. Где-то здесь, — непроявленный, оставшийся в памяти, все еще бродит «танцующей походкой кузнечика» авантюрист из далеких Лугов: рискованный (как человек) и одинокий (как все бродяги его вида).

К людям я решил вернуться другой дорогой. Продрался через острые кусты, «насобирал» колючек, получил *благословение* от парочек... И выбрался к негодю Гераклу. Прямо к нему — не подойти: огромная лужа из протекающего фонтана охраняла подступы к бронзовому нудисту. Поэтому толпа теснилась «подковой», спешно «заглатывая» айфонами дремавшую в объятиях полубога бесстыдную нимфу.

«Здравствуй, Катя! У меня к тебе — нет вопросов...»

Что-то влажное коснулось моей ладони. Собачий нос...

Потерялся?

Нет. О нем просто забыли.

У первого фонтана от моря я их и увидел.

Ссорятся...

Ссорятся глазами, но — прекрасно *слышат* друг друга. Машка от чего-то отнекивалась, а он свирепо сжимал ее руку (другую — закованную в гипс, он держал наперевес: как автомат). Не замечая, что под ногами, ревнивец теснил сестру к берегу.

И вот тут я понял. Я понял, как жить дальше.

Не надо больше никаких сложностей...

Просто — выбрать подходящую траекторию. (И главное — попасть в центр этой замечательной лужи!)

ЛЮ-Ю-ДИ! Вы знаете, как это здорово — быть ХУЛИГАНОМ?

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net